

ПРИЗРАК ДОМА НА ХОЛМЕ

ШИРЛИ ДЖЕКСОН

Призрак дома на холме
Ширли Джексон

Аннотация
Ширли Джексон. ПРИЗРАК ДОМА НА ХОЛМЕ
Часть I
Часть II
Часть III
Часть IV
Часть V
Часть VI
Часть VII
Часть VIII
Часть IX

Аннотация

Старинный особняк на холме приносит его обитателям только горе. Владельцы отказываются в нем жить, пожилая чета, присматривающая за домом, не рискует оставаться здесь на ночь. За домом прочно закрепилась репутация обители привидений.

И вот однажды тишину дома нарушает шумная компания визитеров: доктор Монтегю, исследователь паранормальных явлений, арендовавший на лето особняк для изучения происходящих там феноменов; Теодора, его беззаботная помощница; Элинор, хрупкая девушка, не понаслышке знакомая с полтергейстами; и Люк — будущий наследник Хилл-хауса. Никто даже не подозревает, каким кошмаром обернется их поездка…

Популярность книги закрепили две ее экранизации — режиссера Роберта Уайза (1963) и Яна Де Бонта при участии Стивена Спилберга (1999).

Ширли Джексон
ПРИЗРАК ДОМА НА ХОЛМЕ

Леонарду Брауну

Часть I

1

Ни один живой организм не может долго существовать в условиях абсолютной реальности и не сойти с ума; говорят, сны снятся даже кузнечикам и жаворонкам. Хилл-хаус, недремлющий, безумный, стоял на отшибе среди холмов, заключая в себе тьму; он стоял здесь восемьдесят лет и вполне мог простоять еще столько же. Его кирпичи плотно прилегали один к другому, доски не скрипели, двери не хлопали; на лестницах и в галереях лежала незыблемая тишь, и то, что обитало внутри, обитало там в одиночестве.

Доктор Джон Монтегю формально считался антропологом; он защитил диссертацию в этой области из смутного чувства, что она наиболее близка к подлинному делу его жизни — изучению сверхъестественных явлений. Исследования доктора Монтегю были крайне далеки от науки, и лишь ученая степень могла придать им если не вес, то хоть некое подобие респектабельности, поэтому он никогда не забывал подчеркнуть свое звание. Арендовав Хилл-хаус на три месяца — со

значительным ущербом для кошелька и гордости (ибо не любил униженно просить), — он твердо рассчитывал возместить потраченное сенсацией, которую вызовет его итоговая работа о причинах и формах парапсихологических феноменов в домах, обычно называемых «нехорошими». Всю жизнь он искал настоящий дом с привидениями и, услышав про Хилл-хаус, сперва засомневался, затем ощутил проблеск надежды и наконец рьяно взялся за дело: не в его характере было отступать перед трудностями, если впереди маячит достойная цель.

Доктор Монтегю намеревался позаимствовать методику у бесстрашных охотников за привидениями девятнадцатого столетия: он поселится в Хилл-хаусе и своими глазами увидит, что там происходит. В идеале следовало бы повторить эксперимент неназванной дамы, которая на целое лето собрала в Баллехин-хаусе[1] скептиков и убежденных сторонников сверхъестественного, — гости отдыхали на лоне природы, играли в

[1] Примечания: 1

Баллехин-хаус — усадьба в Пертшире. Выстроена в 1806 году, сгорела в 1963-м; пользовалась репутацией «самого нехорошего дома в Шотландии». По слухам, там происходили различные сверхъестественные события, включая явления духа умершей монахини. Общество паранормальных исследований сняло дом на длительный срок и в 1899 году опубликовало в газетах подробный отчет о своих наблюдениях.

крокет и, в довершение удовольствия, наблюдали за привидениями. Однако в наши дни скептики, убежденные сторонники сверхъестественного и хорошие игроки в крокет почти перевелись, и доктор Монтегю был вынужден нанять ассистентов. Возможно, неспешность викторианской жизни более способствовала подобным методам исследования, а возможно, тщательная фиксация паранормальных явлений как способ установить их достоверность в значительной степени себя изжила; так или иначе, ассистентов пришлось нанимать за деньги.

К работе он приступил со всей ответственностью и добросовестностью: прошерстил архивы парапсихологических обществ, подшивки скандальных газет и отчеты экстрасенсов; в итоге получился список людей, которые так или иначе, в то или иное время, пусть на короткий срок либо при неподтвержденных обстоятельствах соприкасались с потусторонним. Из списка доктор Монтегю в первую очередь вычеркнул тех, кто уже умер. Потом — тех, кого счел обманщиками либо слабоумными, а также тех, кто не подходил для его целей, поскольку явно стремился привлечь все внимание к себе. Осталось человек десять-двенадцать. Все они получили от доктора

Монтегю приглашение провести лето либо часть лета в уютной сельской усадьбе, старой, однако со всеми удобствами: канализацией, электричеством, центральным отоплением и чистыми постелями. Цель — недвусмысленно объяснялось в письме — проверить сомнительные слухи, окружающие дом на протяжении всей его восьмидесятилетней истории.

Доктор Монтегю не писал открыто, что Хилл-хаус — дом с привидениями, поскольку был ученым и не смел верить в свою удачу, пока лично не засвидетельствует там аномальные явления. Таким образом, письма содержали некую сдержанную двусмысленность, которая гарантированно должна была возбудить любопытство у строго определенной категории читателей. Доктор Монтегю получил четыре ответа: остальные кандидаты либо переехали, не оставив нового адреса, либо утратили вкус к сверхъестественному, либо просто никогда не существовали. Четырем ответившим доктор Монтегю написал снова: указал, с какого числа Хилл-хаус официально ждет гостей, и привел подробные инструкции, как туда добраться, поскольку (вынужден он был объяснить) местное население сведения о доме сообщает крайне неохотно. За день до отъезда

доктора Монтегю убедили включить в число избранных еще и представителя семьи владельцев. Тогда же пришла телеграмма от одного из кандидатов, в которой тот под явно вымышленным предлогом отказывался участвовать в мероприятии. Еще один кандидат не явился и не написал — возможно, из-за непредвиденных личных обстоятельств. Остальные двое приехали.

2

Элинор Венс ко времени поездки в Хилл-хаус исполнилось тридцать два, и после смерти матери она по-настоящему ненавидела только одного человека — старшую сестру. К мужу сестры и пятилетней племяннице она питала стойкую антипатию, друзьями так и не обзавелась, главным образом потому, что последние одиннадцать лет ухаживала за лежачей матерью, в результате чего приобрела навыки профессиональной сиделки и привычку моргать от яркого света. Во всей ее взрослой жизни не было и одной по-настоящему счастливой минуты: годы с матерью прилежно складывались из мелких провинностей и мелких упреков, постоянной усталости и нескончаемого отчаяния. Вовсе не желая становиться робкой и застенчивой, Элинор столько времени провела в

одиночестве, без людей, которых могла бы полюбить, что в разговорах, даже самых незначащих, вечно смущалась и с трудом подыскивала слова.

В список доктора Монтегю она попала из-за давнего происшествия: когда им с сестрой было двенадцать и восемнадцать соответственно, меньше чем через месяц после смерти отца, на их дом без всякого предупреждения и без всякой видимой цели обрушился град камней, которые падали с потолка, громко скатывались по стенам, разбивали окна и молотили по крыше. Камнепад продолжался без остановки три дня. Все это время Элинор и ее сестру нервировали не столько камни, сколько ежедневная толпа зевак перед крыльцом и беспочвенные, истерические уверения матери, что несчастье вызвано злобой завистливых соседей, якобы возненавидевших ее с самого приезда. На четвертый вечер Элинор и сестру отправили ночевать к знакомым, после чего камнепад прекратился и больше не возобновлялся, хотя Элинор с матерью и сестрой продолжали жить в доме, а вражда с соседями сохранила прежний накал. Историю забыли все, за исключением людей, с которыми консультировался доктор Монтегю, и уж точно забыли Элинор и ее сестра, во время самих событий тай-

но винившие друг дружку.

Всю жизнь Элинор подспудно ждала чего-то вроде Хилл-хауса. Ухаживая за матерью, перекладывая раздражительную старуху с инвалидного кресла в постель, бесконечно таская подносики с овсянкой или бульоном, перебарывая брезгливость, чтобы приступить к стирке, она держалась исключительно верой: что-то должно произойти. На приглашение пожить в Хилл-хаусе она ответила с той же почтой, хотя муж сестры и требовал прежде навести справки — не собирается ли так называемый доктор вовлечь Элинор в языческие ритуалы, связанные с тем, о чем, по мнению его жены, незамужней девушке знать не положено. Быть может, шептала сестра в супружеской спальне, где никто, кроме мужа, ее не слышал, доктор Монтегю — если это его настоящее имя, — быть может, доктор Монтегю использует женщин для неких… хм… опытов, ну, ты понимаешь, какие опыты я имею в виду (подобные опыты ее живо интересовали). Элинор то ли не знала о таком, то ли не боялась. Другими словами, готова была ехать куда угодно.

Теодора (она обходилась одним этим именем, без фамилии; наброски подписывала «Тео», а в телефонной книге, на двери дома, в витрине

магазинчика, под очаровательной фотографией хозяйки над камином и на ее тонированной почтовой бумаге значилось «Теодора») — так вот, Теодора была полной противоположностью Элинор. Долг и ответственность она предоставляла герл-скаутам. Ее мир состоял из удовольствий и пастельных тонов; в список доктора Монтегю она попала, потому что — со смехом войдя в лабораторию и обдав всех ароматом цветочных духов — как-то умудрилась (к собственному растущему восторгу) правильно назвать восемнадцать из двадцати, пятнадцать из двадцати, девятнадцать из двадцати карточек, которые показывал ассистент в соседней комнате. Беспрецедентное достижение Теодоры сохранилось в архивах лаборатории и неизбежно должно было попасть на глаза доктору Монтегю. Письмо от него ее позабавило, и она ответила из любопытства (а может, то спящее в Теодоре знание, которое помогло ей угадать символы на карточках за стеной, потянуло ее к Хилл-хаусу), но с твердым намерением отказаться. Тем не менее — возможно, из-за того же бередящего чувства, — получив от доктора Монтегю второе письмо, она потеряла покой и почти сразу закатила беспричинный скандал прелестному

существу, с которым вместе снимала комнату. С обеих сторон прозвучали оскорбительные слова, какие может загладить лишь время. Теодора безжалостно разбила очаровательную статуэтку — свой портрет работы прелестного существа, а прелестное существо нещадно изорвало в клочки томик Мюссе, полученный от Теодоры на день рождения, в особенности страницу с нежной, иронической дарственной надписью. И то и другое было, разумеется, совершенно непростительно; прежде чем они смогут посмеяться над происшедшим, должно было пройти хотя бы несколько недель. Теодора в тот же вечер написала доктору Монтегю, что принимает приглашение, и отбыла на следующий день в холодном молчании.

Люк Сандерсон был лгунишкой. И вором. Его тетка, владелица Хилл-хауса, любила говорить, что у племянника лучшее образование, лучшие костюмы, лучший вкус и худшие друзья, каких только можно вообразить. Она ухватилась бы за любую возможность сплавить его куда-нибудь на несколько недель. Семейный адвокат, узнав о целях доктора Монтегю, потребовал, чтобы в доме вместе с ним для порядка поселился кто-нибудь со стороны хозяев, а доктор при первой же встрече разглядел в Люке некую силу или, вернее,

кошачий инстинкт самосохранения, после чего возжелал заполучить Люка в помощники с тем же пылом, с каким миссис Сандерсон хотела от того избавиться. Так или иначе, Люк нашел это решение забавным, его тетка вздохнула с облегчением, а доктор Монтегю был более чем доволен. Семейному адвокату миссис Сандерсон сказала, что, по крайней мере, в Хилл-хаусе Люку нечего будет красть: фамильное серебро представляет определенную ценность, но едва ли соблазнит ленивого племянника.

Миссис Сандерсон была несправедлива к Люку: он не стал бы воровать серебряные ложки, или часы доктора Монтегю, или браслет Теодоры. Его нечестность ограничивалась тем, что он таскал у тетки из бумажника мелкие купюры и жульничал за карточным столом. Еще Люк имел привычку обращать в наличность часы и портсигары, которые ему, мило краснея, дарили тетушкины приятельницы. Со временем он должен был унаследовать Хилл-хаус, но никогда не предполагал там жить.

3

— Я бы вообще не давал ей машину, — объявил муж сестры.

— Это и моя машина, — возразила Элинор, — мы купили ее вскладчину.

— И все равно я считаю, что не надо давать, — повторил муж сестры, обращаясь к жене. — С какой стати она будет раскатывать на ней все лето, а мы останемся без машины?

— Керри постоянно водит, а я никогда, — упорствовала Элинор. — И вообще вы на все лето едете в горы, там вам машина не нужна. Керри, ведь вы же не будете пользоваться машиной в горах?

— А если бедная Линни заболеет? И надо будет везти ее к врачу?

— Машина наполовину моя, — сказала Элинор, — и я ее возьму.

— А если заболеет Керри? Если мы не сможем найти врача и придется ехать в больницу?

— Мне нужна машина, и я ее возьму.

— Об этом не может быть и речи, — с растяжкой проговорила Керри. — Мы даже не знаем, куда ты собралась. Ты не соблаговолила поставить нас в известность. В таких обстоятельствах я не могу дать тебе мою машину.

— Это и моя машина.

— Нет, — отрезала Кэрри. — Ты ее не возьмешь.

— Верно, — кивнул муж сестры. — Кэрри же

объяснила — машина нужна нам самим.

Кэрри самую чуточку улыбнулась.

— Я никогда себе не прощу, Элинор, если дам тебе машину и что-нибудь случится. С какой стати мы должны доверять этому доктору? Ты еще довольно молода, а машина стоит больших денег.

— Вообще-то, Кэрри, я звонил Гомеру в кредитный отдел — он сказал, что этот доктор и впрямь работает в каком-то там колледже…

Кэрри, все с той же улыбкой, перебила мужа:

— Конечно, у нас нет оснований не верить в его порядочность. Однако Элинор не соблаговолила сказать, куда едет и как с ней связаться, если нам потребуется машина. Случись что, мы вообще концов не найдем. Даже если Элинор, — продолжала она вкрадчиво, обращаясь к чайной чашке, — даже если Элинор готова мчаться на край света, это еще не значит, что я должна давать ей свою машину.

— Она наполовину моя.

— А если бедная Линни заболеет? В горах? Где нет ни одного врача?

— И вообще, Элинор, я поступаю, как сказала бы мама. Она мне доверяла и уж точно не позволила бы отпускать тебя неведомо куда на моей машине.

— Или, допустим, я заболею, в горах…

— Я совершенно уверена, Элинор, что мама меня поддержала бы.

— И к тому же, — муж сестры внезапно отыскал решающий аргумент, — где гарантии, что ты ее не разобьешь?

Все когда-нибудь бывает первый раз, сказала себе Элинор. Было раннее утро. Она вылезла из такси, дрожа при мысли, что у сестры и ее мужа как раз сейчас могли закрасться первые подозрения, и быстро вытащила чемодан, пока таксист снимал с переднего сиденья картонную коробку. Элинор дала ему излишне щедрые чаевые, думая в это время, не появятся ли сейчас из-за угла сестра с мужем, и воображая, как они кричат: «Вот она где, воровка, так мы и думали!» Нервно оглядываясь, она торопливо шагнула к воротам гаража и налетела на крохотную старушонку. Та выронила свои кульки: один порвался, на асфальт выпали мятый кусок чизкейка, булочка и нарезанный помидор.

— Чтоб тебе, чтоб тебе! — завизжала крохотная старушонка в самое лицо Элинор. — Я это домой несла, чтоб тебе, чтоб тебе!

— Простите. — Элинор нагнулась, но поняла, что помидорные ломтики и чизкейк уже невоз-

можно собрать и сложить в лопнувший пакет.

Старушонка торопливо ухватила второй кулек, пока до него не дотянулась Элинор. Девушка с виноватой улыбкой выпрямилась.

— Мне правда очень жаль, — судорожно выговорила она.

— Чтоб тебе, — повторила крохотная старушонка уже тише, — я несла это себе на завтрак. А теперь, из-за тебя…

— Может быть, я заплачу? — Элинор взялась за бумажник.

Старушонка замерла.

— Не могу я взять у тебя денег, — сказала она наконец. — Понимаешь, я ведь это не покупала, просто собрала, что другие не съели. — Старушонка сердито причмокнула губами. — Видела бы ты ветчину, но ее раньше меня ухватили. И шоколадный торт. И картофельный салат. И маленькие конфетки в бумажных розеточках. Ничего-то я не успела. А теперь… — Обе разом глянули на размазанный по асфальту чизкейк, и крохотная старушонка продолжила: — Как видишь, я не могу вот так просто взять у тебя деньги за чужие объедки.

— Тогда, может, я куплю вам что-нибудь взамен? Я страшно тороплюсь, но если мы найдем

магазин, который уже открыт…

Крохотная старушонка ухмыльнулась.

— Ну, у меня тут еще крошечку есть, — сказала она, крепко прижимая к себе уцелевший пакет. — Можешь оплатить мне такси до дома. Так меня уж точно никто больше не собьет.

— С радостью. — Элинор повернулась к водителю, с интересом наблюдавшему за их разговором. — Отвезете эту даму?

— Двух долларов хватит, — заметила старушонка, — ну и чаевые этому джентльмену. При моем росточке, — с удовольствием объяснила она, — при моем росточке это просто беда — вечно кто-нибудь налетает. Зато как приятно встретить человека, который готов загладить свою вину. Другие с ног собьют и не обернутся.

При помощи Элинор старушонка вместе с пакетом забралась в такси. Элинор вытащила из бумажника два доллара пятьдесят центов и вручила старушонке, которая крепко зажала их в сухоньком кулачке.

— И куда едем? — спросил таксист.

Старушонка хихикнула.

— Скажу, как тронемся, — бросила она и обратилась к Элинор: — Удачи тебе, милочка. Следующий раз смотри, куда идешь, чтобы еще

кого не сбить.

— До свидания, — сказала Элинор, — и простите еще раз.

— Ничего-ничего, — крикнула старушонка через окно — такси как раз тронулось с места. — Я буду за тебя молиться, деточка.

Что ж, подумала Элинор, глядя вслед такси. Хотя бы один человек будет обо мне молиться. Хотя бы один.

4

Был первый по-настоящему солнечный летний день, и, как обычно, он пробудил у Элинор болезненные воспоминания о раннем детстве, когда, казалось, стояло нескончаемое лето; до того холодного сырого вечера, в который умер отец, зим на ее памяти не было. В последние быстролетные годы она все чаще задумывалась: на что ушли все эти летние дни, неужто я растратила их впустую? Я дурочка, убеждала она себя, полная дурочка, ведь теперь я взрослая и знаю цену вещам: ничто не пропадает зря, даже в детстве. И все же каждое лето в одно прекрасное утро ее обдавало на улице теплое дыхание ветерка, и тут же бросало в холод от мысли: я вновь упустила время. Однако сегодня за рулем их общей маши-

ны, взятой без разрешения, что в глазах сестры и зятя будет равноценно угону, следуя по своей полосе, пропуская пешеходов и поворачивая на разрешенных поворотах, она улыбалась косым лучам солнечного света между домами и думала: я еду, я еду, я наконец-то решилась.

В тех редких случаях, когда сестра пускала ее за руль, Элинор вела машину крайне осторожно, чтобы избежать малейшей царапины или вмятины, которые вызвали бы неизбежный семейный скандал, однако сейчас все было иначе: на заднем сиденье стояла ее коробка, на полу — чемодан, на переднем пассажирском лежали плащ, перчатки и бумажник, и весь автомобильчик полностью принадлежал Элинор, собственный замкнутый мирок; я еду, думала она, я правда еду.

На последнем городском светофоре, перед поворотом на шоссе, она вытащила из бумажника письмо доктора Монтегю. Надо же, до чего предусмотрительный человек, даже карта не понадобится… «Шоссе номер тридцать девять до Эштона, — говорилось в письме, — потом сворачиваете влево на шоссе номер пять к западу. Меньше чем через тридцать миль(*) будет посе-

---

(*) Примечания: *
30 миль ≈ 48 км

лок Хиллсдейл. Проедете его насквозь и увидите слева бензоколонку, а справа — церковь, там свернете влево на проселочную дорогу: она ведет в холмы и сильно размыта. По ней до конца — это миль шесть,(*) — и вы окажетесь перед воротами Хилл-хауса. Я пишу такие подробные указания, поскольку не советую останавливаться в Хиллсдейле и спрашивать дорогу. Местные жители грубы с чужаками, а всякие расспросы о Хилл-хаусе встречают с откровенной враждебностью. Я буду очень рад, если вы к нам присоединитесь, и надеюсь на встречу в четверг двадцать первого июня…»

Зажегся зеленый; Элинор свернула на шоссе и выехала из города. Теперь, думала она, никто меня не поймает; им даже неизвестно, куда я направляюсь.

До сих пор она еще никогда не ездила одна так далеко. Глупо было делить такой чудный путь на часы и мили; ведя машину точно между разделительной полосой слева и полосой деревьев справа, Элинор представляла его как череду мгновений, увлекающих ее за собой по немыслимо новой дороге в новое место. Путешествие само

(*) Примечания: *

6 миль ≈ 9,6 км

по себе было ее свершением, цель не представлялась никак, а возможно, и вовсе не существовала. Элинор хотела насладиться каждым поворотом, она любовалась шоссе, деревьями, домами, маленькими уродливыми городишками и дразнила себя мыслью, что может остановиться, где вздумает, и осесть там навсегда. Можно поставить машину на обочине — хотя на самом деле это запрещено, и если она так поступит, ее накажут, напоминала себе Элинор, — и уйти за деревья в манящие поля. Можно бродить до изнеможения, гоняться за бабочками или следовать вдоль ручья, а с приближением ночи выйти к избушке, где бедный дровосек даст ей приют. Можно навсегда поселиться в Ист-Баррингтоне, или Десмонде, или административном центре Берк, а можно просто ехать и ехать куда глаза глядят, покуда колеса не изотрутся вконец и она не окажется на краю света.

А с тем же успехом, подумала она, можно доехать до Хилл-хауса, где меня ждут и где мне обещаны комната, стол и символическое вознаграждение за то, что я бросила все дела и умчалась невесть куда на поиски приключений. Интересно, какой он, доктор Монтегю? Интересно, какой он, Хилл-хаус? Интересно, кто еще там будет?

Элинор уже довольно далеко отъехала от города и теперь ждала поворота на шоссе номер тридцать девять — волшебную нить, проложенную для нее доктором Монтегю, единственную из дорог мира, ведущую в Хилл-хаус; никакой другой путь не связывает ее прежний дом с местом, куда ей хочется попасть. И доктор Монтегю не подвел ни в единой мелочи. Под указателем «Шоссе №39» был прибит и второй: «Эштон, 121 миля».(*)

Дорога, закадычная подруга Элинор, петляла между полей и садов, являя за каждым поворотом новые чудеса: то смотрящую из-за ограды корову, то апатичную собаку, ныряла в лощины, где притаились тихие городки. На главной улице одного из них девушка миновала большой дом с колоннами, оградой, ставнями на окнах и каменными львами у входа. Ей подумалось, что она могла бы жить здесь, каждое утро стирать со львов пыль, каждый вечер гладить их по голове и желать им доброй ночи. Сейчас — это сегодня, такое-то июня, убеждала она себя, но притом какое-то совсем другое время, новое и длинное-предлинное: за несколько секунд я прожила в доме со львами целую жизнь. Каждое утро я мела крыльцо и

(*) Примечания: *
121 миля ≈ 195 км

стирала со львов пыль, каждый вечер гладила их по голове и желала им доброй ночи. А раз в неделю я мыла им гривы, морды и лапы теплой водой с содой, чистила пасти щеткой. В доме были высокие потолки, сверкали натертые полы и оконные стекла. Хлопотливая старушка экономка в крахмальном фартуке по утрам приносила мне серебряный сливочник, чайник и чашку на подносе, а на сон грядущий — стаканчик бузинного вина, оно так полезно для здоровья. Я обедала в одиночестве за полированным столом в просторной тихой гостиной; на обшитой белыми панелями стене между двумя высокими окнами горели в канделябре свечи. Ела птицу, редис из своего сада и домашний сливовый джем. Засыпала под белым кисейным пологом, и меня охранял ночник в коридоре. На улицах прохожие со мною раскланивались, потому что весь город гордился моими львами. А когда я умерла…

Город давно остался позади, и теперь Элинор ехала мимо грязных заколоченных ларьков и порванных плакатов. Видимо, когда-то, очень давно, в этих краях была ярмарка и проводились мотоциклетные гонки. Кое-где на плакатах уцелели слова. «ОЙ», прочла Элинор на одном и «ЛИХО» на другом. Она рассмеялась, поймав

себя на том, что везде ищет дурные знамения. На самом деле тут написано «ЛИХОЙ». Лихой водитель. Элинор сбросила скорость, поняв, что едет слишком быстро и может оказаться в Хилл-хаусе чересчур рано.

В одном месте она и вовсе остановилась, едва веря своим глазам. Уже примерно с четверть мили(*) вдоль шоссе тянулся ровный ряд ухоженных олеандров, покрытых белыми и розовыми цветами. Теперь Элинор доехала до ворот, вернее, двух полуразрушенных каменных колонн, за которые уходила в пустые поля дорога. Олеандры отступали от дороги, образуя большой квадрат: Элинор видела его дальнюю сторону — ряд олеандров, вероятно, вдоль какой-то речушки. Внутри квадрата не было ничего — ни жилого дома, ни какого-либо другого строения, только прямая дорога, упирающаяся в реку. Что здесь было? Что здесь было и исчезло или что должно было здесь возникнуть и не возникло? Дом? Сад? Сгинули они навеки или вернутся? Олеандры ядовиты, вспомнила Элинор. Быть может, они что-то охраняют? Если я вылезу из машины и пройду в разрушенные ворота, окажусь ли я

(*) Примечания: *
1/4 мили ≈ 400 м

там, на олеандровом квадрате, в волшебной стране, защищенной ядовитыми кустами от глаз проезжающих? Шагнув между волшебными колоннами, миную ли я невидимую границу, разрушу ли чары? Я вступлю в благоуханный сад с фонтанами, низкими скамейками и розами, вьющимися по ажурным стенам беседок, увижу тропинку, вероятно усыпанную изумрудами и рубинами и такую мягкую, что Суламита могла бы ступать по ней в легких сандалиях, и эта тропинка приведет меня к зачарованному замку. Я пройду по каменным ступеням меж мраморных львов во дворик, где журчит фонтан и королева в слезах ждет возвращения дочери. При виде меня она выронит пяльцы и закричит слугам — будя их от столетнего сна, — чтобы готовили пир, ибо чары разрушены и замок вновь стал собой. И мы будем жить долго и счастливо.

Нет, конечно, думала Элинор, трогая машину с места, ведь как только дворец станет виден, падет *все* заклятье и местность за олеандрами обретет свою истинную форму: города, дорожные знаки и коровы растают, останутся зеленые сказочные холмы. И оттуда прискачет принц в зеленом наряде, расшитом серебром, с сотней лучников на резвых конях, под плещущим стягом, в блеске

драгоценных камней…

Она рассмеялась и с прощальной улыбкой обернулась к волшебным олеандрам. Другой раз, сказала она им, другой раз я вернусь и разрушу ваше заклятье.

Когда спидометр показал, что пройдена сто одна миля,(*) Элинор остановилась перекусить. Она отыскала деревенский ресторанчик под названием «Старая мельница» и вскоре — о диво! — уже сидела на балконе над стремительной речкой, глядя на мокрые камни и дурманящий блеск текучей воды. Перед ней стояла хрустальная миска с творогом, а рядом лежали завернутые в салфетку кукурузные початки. Поскольку в это время и в этих краях чары возникают и рассеиваются быстро, Элинор хотелось растянуть ланч — ведь она знала, что Хилл-хаус никуда не денется. Кроме нее в ресторанчике была только семья: отец с матерью и двое детей, мальчик и девочка. Они тихо говорили между собой; раз девочка повернулась и с нескрываемым любопытством взглянула на Элинор, потом, через минуту, улыбнулась. Солнечные зайчики от воды бегали по потолку, по столикам, по девочкиным кудряшкам, и мать

(*) Примечания: *

101 миля = 162,5 км

девочки сказала:

— Она хочет чашку со звездами.

Элинор удивленно подняла глаза.

Девочка отодвинулась от стола, упрямо не желая пить молоко. Отец хмурился, брат хихикал, а мать сказала тихо: «Она хочет чашку со звездами».

Да, подумала Элинор, да, и я тоже, чашку со звездами, полную чашку звезд.

— У нее есть чашка, — объясняла мать, виновато улыбаясь официантке, у которой в голове не укладывалось, как это можно не пить свежайшее деревенское молоко. — Там на дне звезды, и дома она пьет молоко только из этой чашки. Понимаете, звезды просвечивают, и она их видит, когда пьет. — Официантка кивнула, не убежденная, а мать обратилась к девочке: — Вечером будешь пить молоко из чашки со звездами, а сейчас выпей немножко из стакана, ну пожалуйста. Будь умницей.

Не пей, внушала Элинор девочке, требуй чашку со звездами; как только тебя обманом уговорят стать как все, не будет тебе больше ни чашки, ни звезд. Девочка снова взглянула на нее, улыбнулась с полным пониманием (на щеках появились маленькие ямочки) и упрямо мотнула головой.

Молодец, подумала Элинор, молодец, ты умная и отважная.

— Ты ее балуешь, — сказал отец. — Нельзя потакать детским капризам.

— Только один раз. — Мать поставила стакан и ласково тронула девочку за руку. — Съешь мороженое.

Когда семья уходила, девочка помахала Элинор, и Элинор помахала в ответ, затем в блаженном одиночестве допила кофе, глядя на резвящийся внизу ручей. Мне не так уж много осталось ехать, подумала она, меньше половины пути. Я почти на месте. И тут же в голове заплясал, искрясь, как вода, обрывок мелодии, а с ним — слово-другое. «Полно медлить, — подумала Элинор. — Полно медлить, счастье хрупко».[2]

Она чуть не осталась навсегда в пригороде Эштона, потому что увидела домик в глубине сада. Я могла бы жить здесь одна, подумала Элинор, сбрасывая скорость, чтобы разглядеть вьющуюся дорожку к синей двери, совершенство которой дополняла белая кошка на крыльце. Никто бы меня здесь, за розами, не нашел, а для надежности я бы еще насадила вдоль дороги олеандры.

---

[2] Примечания: 2

Шекспир У. Песенка шута из «Двенадцатой ночи», перевод М. Лозинского; дальше цитируется в переводах М. Лозинского и Э. Линецкой.

Холодными вечерами я буду топить камин и печь там яблоки. Я заведу много белых кошек и сошью на окна белые занавески. Иногда я буду неспешно прогуливаться в лавочку, покупать там чай, корицу и нитки. Люди станут приходить ко мне за предсказаниями судьбы; я буду варить любовное зелье для несчастливых девушек и держать в клетке щегла… Однако домик остался далеко позади, надо было искать следующую дорогу, так тщательно указанную доктором Монтегю.

«Потом сворачиваете влево на шоссе номер пять к западу», — говорилось в письме, и вот, словно доктор Монтегю дистанционно управлял ее машиной, так и произошло: теперь она ехала по шоссе номер пять к западу, и от места назначения ее отделяли считаные мили. Вопреки совету Элинор решила сделать короткую остановку в Хиллсдейле. Я только выпью чашечку кофе, подумала она, чтобы еще чуточку растянуть путешествие. Доктор Монтегю ведь не написал про кофе, только про то, что нельзя спрашивать дорогу к Хилл-хаусу; может быть, если я не стану упоминать Хилл-хаус, ничего страшного не произойдет. И вообще, это моя последняя возможность.

Хиллсдейл начался раньше, чем она поняла,

что уже в него въехала: мешанина грязных домов и кривых улочек. Городок был такой маленький, что, вырулив на центральную улицу, Элинор сразу увидела ее конец с бензоколонкой и церковью. В Хиллсдейле обнаружилась только одна малоприятного вида кафешка вроде вокзального буфета, однако Элинор твердо решила выпить здесь кофе, поэтому остановила машину у разбитого тротуара и вышла. После недолгого раздумья она молча кивнула Хиллсдейлу и, памятуя про чемодан на полу и коробку на заднем сиденье, заперла машину. Я не задержусь тут надолго, сказала она себе, оглядывая улицу, темную и безобразную даже в солнечном свете.

В тени под стеной беспокойно спала собака, из дверей дома напротив Элинор пристально разглядывала какая-то женщина, а к ограде прислонились двое подростков — в их молчании ощущалось нечто нарочитое. Элинор боялась чужих собак, язвительных теток и хулиганов; покрепче сжав бумажник и ключи от машины, она торопливо шагнула в кафешку. За стойкой торчала усталая девица без подбородка, в дальнем конце завтракал мужчина. При виде серой стойки и блюда с пончиками под грязной стеклянной миской у Элинор мелькнула мысль: как

же надо проголодаться, чтобы прийти сюда есть.

— Кофе, пожалуйста, — обратилась она к девице за стойкой. Девица нехотя повернулась к полке и загремела чашками. Я выпью здесь кофе, потому что я так решила, строго сказала себе Элинор, но следующий раз буду слушаться доктора Монтегю.

Девицу за стойкой и мужчину в углу связывала некая понятная лишь им двоим шутка; ставя Элинор чашку, девица глянула на него с легкой полуулыбкой; он пожал плечами, и она хохотнула. Элинор подняла голову, но девица изучала свои ногти, а мужчина вытирал хлебом тарелку. Может быть, кофе отравлен — во всяком случае, его вид наводил на такую мысль. Элинор твердо вознамерилась исследовать Хиллсдейл до самых глубин, поэтому попросила еще и пончик. Девица стряхнула пончик на блюдце и поставила на столик. За это время они с мужчиной еще дважды обменялись взглядами, и девица снова хохотнула.

— Уютный у вас городок, — сказала Элинор. — Как называется?

Девица вытаращила глаза — видимо, никто еще не награждал Хиллсдейл лестным эпитетом «уютный», — покосилась на мужчину, словно

ожидая подтверждения, и ответила:

— Хиллсдейл.

— Давно вы здесь живете? — спросила Элинор. Я не буду упоминать Хилл-хаус, заверила она далекого доктора Монтегю, я просто хочу потратить впустую еще чуточку времени.

— Да, — ответила девица.

— Приятно, наверное, жить в таком тихом месте. Я приехала из большого города.

— Вот как?

— Вам тут нравится?

— Да ничего, — сказала девица и снова поглядела на мужчину. Он внимательно слушал. — Скучно только.

— А много у вас тут людей?

— Да не особо. Хотите еще кофе? — Вопрос адресовался мужчине, который постукивал чашкой по блюдечку. Элинор судорожно отпила буроватую жидкость и удивилась, что тому захотелось повторить.

— Часто к вам приезжают? — спросила она, когда девица принесла мужчине кофе и вернулась к полкам. — Я хотела сказать, туристы?

— А чего им приезжать? — С минуту девица смотрела на Элинор пустым — немыслимо пустым — взглядом, затем угрюмо покосилась на

мужчину и добавила: — У нас даже киношки нет.

— Холмы очень красивые. Горожане часто приезжают в такие вот поселки и строят дома в холмах. Подальше от людей.

Девица хмыкнула.

— У нас не строят.

— Или покупают и ремонтируют старые…

— Подальше от людей… — Девица снова хмыкнула.

— Просто странно, — заметила Элинор, чувствуя на себе взгляд мужчины.

— Ага, — сказала девица. — Даже если киношку сделают.

— Я, наверное, поезжу по округе, — осторожно проговорила Элинор. — Старые дома обычно дешевы, а перестраивать их очень интересно.

— Только не здесь, — объявила девица.

— Так у вас тут нет старых домов? — спросила Элинор. — В холмах?

— Нет.

Мужчина встал, вынул из кармана мелочь и заговорил впервые с тех пор, как вошла Элинор.

— Народ отсюда бежит, — сказал он. — Отсюда, а не сюда.

Дверь за ним закрылась, и девица глянула на

Элинор почти укоризненно, словно та спугнула его своей болтовней.

— Так и есть, — сказала она наконец. — Кому повезло, тот уезжает.

— А вы почему не уедете? — спросила Элинор.

Девица пожала плечами.

— А где лучше-то? — Она равнодушно приняла у Элинор деньги и отсчитала сдачу. Потом стрельнула глазами на пустые тарелки в дальнем конце стойки и почти улыбнулась. — Он каждый день приходит.

Элинор тоже улыбнулась и открыла было рот, но девица уже принялась греметь чашками на полке. Элинор, поняв, что разговор окончен, с облегчением встала, взяла со стола ключи и бумажник.

— До свидания, — сказала она, и девица, не оборачиваясь, ответила:

— Всего доброго. Желаю вам найти свой дом.

5

Дорога от бензоколонки и церкви действительно была вся в выбоинах и камнях. Автомобильчик Элинор дергался и подпрыгивал, не желая забираться глубже в безрадостные холмы. День, казалось, быстро гас под мрачными деревьями по

обе стороны дороги. Редко же тут ездят, подумала Элинор с горечью, круто поворачивая баранку, чтобы не налететь на особенно коварный валун. Шесть миль(*) по такой дороге не пойдут автомобилю на пользу; впервые за несколько часов она вспомнила про сестру и рассмеялась. Теперь сестра с мужем уже точно поняли, что она угнала машину, но не знают куда; наверняка оба сейчас ошарашенно говорят друг другу, что никак не ждали такого от Элинор. Я сама такого от себя не ждала, подумала она, продолжая тихонько хихикать. Все теперь другое, я — новый человек, очень далеко от дома. «Полно медлить. Счастье хрупко… Тот, кто весел, пусть смеется…» Она ойкнула, потому что автомобильчик налетел на камень и со зловещим скрежетом в районе днища чуть не пошел назад, но тут же героически превозмог себя и продолжил подъем. Ветки хлестали по лобовому стеклу, быстро темнело. Умеет себя подать Хилл-хаус, отметила Элинор, интересно, бывает ли тут вообще солнце? Наконец машина последним рывком преодолела кучу палой листвы и сучьев на дороге и оказалась на поляне перед воротами.

(*) Примечания: *

6 миль ≈ 9,6 км

«Зачем я здесь? — беспомощно подумала Элинор в ту же самую секунду. — Зачем я здесь?» Между деревьями уходила каменная стена с высокими угрюмыми воротами; даже из машины Элинор видела большой висячий замок и пропущенную сквозь прутья цепь, которой он был обмотан. За воротами дорога продолжалась и поворачивала в тени высоких неподвижных деревьев.

Поскольку ворота были очевидно заперты — на висячий замок, на засов и на цепь (интересно, кто так хочет сюда прорваться?), — Элинор не стала вылезать из машины, а нажала на клаксон. Деревья и ворота вздрогнули и чуточку попятились от гудка. Через минуту она засигналила вновь, и наконец на дороге показался человек, такой же мрачный и неприветливый, как замок. Он угрюмо оглядел ее через прутья.

— Чего вам надо? — Голос у него был злой, резкий.

— Я хочу въехать. Пожалуйста, откройте ворота.

— С какой стати?

— Ну… — Она осеклась и не сразу нашла слова. — Мне надо попасть внутрь.

— Зачем?

— Меня ждут.

«Или нет? — внезапно промелькнуло в голове. Быть может, на этом все и закончится?»

— Кто?

Элинор, конечно, понимала, что он нарочно измывается над нею, демонстрируя власть, как будто, открыв ворота, потеряет свое крохотное временное преимущество. А какое преимущество у меня? — подумала она, я ведь *за* воротами. Поскандалить, что она позволяла себе крайне редко из страха проиграть, означало бы только одно: он уйдет, а она останется ни с чем. Она даже предвидела, какое лицо он сделает, когда его позже станут ругать, — злобная усмешка, расширенные пустые глаза, обиженно-визгливые нотки в голосе: я бы ее впустил, я собирался ее впустить, но откуда мне было знать наверняка? Я человек подневольный, что мне сказали, то я и делаю. А если бы я впустил кого не положено, кто бы отвечал? Элинор даже вообразила, как он пожимает плечами, и, вообразив, рассмеялась, чего сейчас ни в коем случае делать не следовало.

Не сводя с нее глаз, человек попятился от ворот.

— Приезжайте попозже, — сказал он и с видом торжествующей праведности повернулся к ней

спиной.

— Послушайте, — крикнула она вслед, стараясь не выказать раздражения, — я приехала к доктору Монтегю, он ждет меня в доме… Пожалуйста, послушайте!

Человек обернулся и злорадно объявил:

— Никто вас там не ждет, потому что, кроме вас, никто пока не приехал.

— Вы хотите сказать, в доме никого нет?

— А кому там быть-то? Разве только моя жена прибирается. Так что и ждать вас там некому, согласитесь.

Она откинулась на сиденье и закрыла глаза, думая: Хилл-хаус, в тебя так же трудно попасть, как в рай.

— Надеюсь, вы понимаете, во что влезаете? Вам ведь сказали там, в городе? Вы что-нибудь слыхали про это место?

— Меня пригласил сюда доктор Монтегю. Пожалуйста, откройте ворота, чтобы я могла въехать.

— Я открою, я открою. Я просто хочу убедиться, что вы понимаете, куда собрались. Вы бывали здесь прежде? Может, родственница? — Теперь он вновь смотрел на нее, и его желчное лицо между прутьев было такой же преградой, как замок и цепь. — Я не могу вас впустить, пока не

буду знать наверняка, верно? Как, вы сказали, вас зовут?

Она вздохнула.

— Элинор Венс.

— Значит, не родственница. Вы что-нибудь про это место слыхали?

Это мой шанс, подумала она, мой последний шанс. Можно развернуть машину перед воротами и уехать, никто меня не осудит. Каждый вправе сбежать. Она высунулась в окошко и сказала со злостью:

— Я Элинор Венс. Меня ждут в Хилл-хаусе. Немедленно откройте ворота.

— Ладно-ладно.

Он с нарочитой медлительностью вставил ключ, повернул, открыл замок, размотал цепь и открыл ворота ровно настолько, чтобы в них могла проехать машина. Элинор медленно тронулась с места, однако поспешность, с которой человек отскочил к обочине, рождала нелепую мысль, будто он прочел мелькнувшее у нее мстительное желание. Она рассмеялась и тут же затормозила, потому что человек приближался — осторожно, сбоку.

— Вам тут не понравится. Вы еще пожалеете, что я отпер ворота.

— Отойдите, пожалуйста, — потребовала она. — Вы и так надолго меня задержали.

— Думаете, кто угодно согласится отпирать эти ворота? Думаете, кто другой проработал бы здесь с наше? Мы тут, значит, живем, следим за домом, отпираем ворота всяким там городским умникам, а теперь еще и слова не скажи?

— Пожалуйста, отойдите от машины.

Элинор не решалась признаться себе, что напугана, из страха, что незнакомец почувствует ее состояние. Он стоял вплотную к дверце, и в такой близости было что-то гадкое. Сила его неприязни казалась совершенно необъяснимой. Неужто он считает дом и сад за воротами своей собственностью? В памяти всплыла фамилия из письма доктора Монтегю, и Элинор спросила с любопытством:

— Вы Дадли, сторож?

— Да, я Дадли, сторож, — передразнил он. — А кто еще, по-вашему?

Честный слуга семьи, подумала она, гордый, верный и с отвратительным характером.

— Так здесь живете только вы и ваша жена?

— А кто еще, по-вашему? — повторил он свою похвальбу, свое проклятье, свой рефрен.

Элинор отпустила сцепление и легонько вдави-

ла педаль газа, надеясь, что Дадли поймет намек и посторонится.

— Я уверена, что вы с супругой чудесно нас тут разместите. А сейчас я хотела бы как можно скорее попасть в дом.

Дадли неодобрительно хмыкнул.

— Я лично, — сказал он, — я лично тут после темноты не остаюсь.

Он с усмешкой отступил от машины, крайне довольный собой. Элинор тронулась, по-прежнему чувствуя на себе его взгляд и думая: будет теперь всю дорогу выглядывать из кустов, скалясь, как Чеширский кот, и кричать «скажи спасибо, что кто-то готов тут торчать, по крайней мере, до темноты!». Дабы показать себе, что мысль об ухмылке сторожа Дадли нисколько ее не пугает, она принялась насвистывать и с легким раздражением узнала мелодию, весь день крутившуюся в голове. «Тот, кто весел, пусть смеется…» Подумай о чем-нибудь другом, Элинор, строго сказала она; раз остальные слова упорно не желают вспоминаться, значит, они совершенно неподобающие, и если ты подъедешь к Хилл-хаусу, распевая их в голос, то навсегда себя скомпрометируешь.

За деревьями, на фоне холмов, иногда проглядывал кусок крыши или, возможно, башни

Хилл-хауса. Как странно в те времена строили, подумала она, с башенками, контрфорсами и деревянной резьбой, иногда даже с готическими шпилями и горгульями; украшения лепили, где только могли. Может быть, в Хилл-хаусе есть башня, или потайная комната, или ход в холмы, которым пользуются контрабандисты, — только что возить контрабандой в этих одиноких холмах? Быть может, я встречу рокового красавца контрабандиста и…

Элинор обогнула последний поворот и оказалась лицом к лицу с Хилл-хаусом; не успев даже ничего подумать, она нажала на тормоз и осталась сидеть, неотрывно глядя на дом.

Он был ужасен. Элинор вздрогнула и подумала — слова как будто сами возникли в голове: Хилл-хаус ужасен. Он болен, уезжай отсюда немедленно.

Часть II

1

Человеческий глаз неспособен вычленить то несчастливое сочетание линий и ландшафта, которое придает дому зловещий вид, и все же некое безумное соседство, неудачный угол, случайное соединение неба и ската крыши превращало Хилл-хаус в приют отчаяния. Фасад как будто жил своей жизнью: пустые глаза окон пристально смотрели из-под злорадно изогнутых карнизов-бровей. Почти всякое здание, застигнутое врасплох или в непривычном ракурсе, глядит на зрителя с добродушным юмором; шаловливо торчащая труба или слуховое окошко — ни дать ни взять ямочка на щеке — сразу располагают к дружбе. Дом, который всегда начеку, всегда высокомерно враждебен, может быть только злым. Хилл-хаус, казалось, возник под руками строителей помимо их воли, самолично, по собственному мощному замыслу определяя будущие линии и углы; он вздымал свою главу на фоне неба без всякого снисхождения к человеческому. Дом без доброты, место, где нельзя жить, любить

и надеяться. Экзорцизм бессилен изменить облик здания: Хилл-хаус будет таким, каков он есть, покуда не рухнет.

Надо было повернуть у ворот, подумала Элинор, чувствуя атавистический холодок в желудке; она разглядывала силуэт крыши, тщетно пытаясь распознать, в чем его ужас; руки так заледенели, что не с первой попытки удалось вытащить сигарету, а страшнее всего был звучащий в голове голос, который нашептывал: *уезжай отсюда, уезжай.*

Однако я затем и ехала в такую даль, сказала она себе, я не могу повернуть назад. И потом, Дадли надо мной посмеется, если я попрошу снова открыть ворота.

Стараясь не глядеть на фасад (она даже не сказала бы, какого цвета дом, насколько велик или в каком стиле выстроен, только что он непомерно огромен, мрачен и смотрит на нее сверху вниз), Элинор проехала до лестницы, которая, не оставляя пути к отступлению, вела на террасу к большой парадной двери. Перед крыльцом дорога раздваивалась и шла в обе стороны вдоль дома. Элинор решила, что потом, возможно, отгонит машину туда и найдет что-нибудь вроде гаража, но сейчас ей не хотелось так уж бесповоротно ли-

шать себя возможности к бегству. Она лишь чуть отъехала от крыльца вбок, чтобы не перекрывать дорогу следующим гостям. Будет жаль, если кто-нибудь увидит дом без такой утешительной черточки, как припаркованный человеческий автомобиль, мрачно подумала она и вылезла из машины, прихватив чемодан и плащ. В голове мелькнула дурацкая мысль: ну вот я и на месте.

Моральным подвигом было поставить ногу на первую ступеньку. Глубокое нежелание прикасаться к Хилл-хаусу шло от явственного чувства, что он ее ждет, злобный, но терпеливый. Все пути ведут к свиданью, подумала Элинор, вспомнив наконец свою песенку, и рассмеялась, стоя на ступенях Хилл-хауса, все пути ведут к свиданью, — и она решительно поднялась на террасу. Хилл-хаус резко сомкнулся вокруг нее тенью, звук шагов по доскам оскорблял полнейшую тишину, как будто сюда очень давно не ступала человеческая нога. Элинор взялась за тяжелый дверной молоток (у него было личико ребенка), намереваясь произвести шум — много шума — и окончательно уведомить Хилл-хаус о своем прибытии, когда дверь внезапно распахнулась. Перед Элинор стояла женщина, которая, если подобное стремится к подобному, могла быть только женою человека

у ворот.

— Миссис Дадли? — спросила Элинор, переведя дух. — Я — Элинор Венс. Меня ждут.

Женщина молча посторонилась. Фартук у нее был чистый, прическа — аккуратная, и тем не менее она, как и муж, производила впечатление неряхи, а ее угрюмая подозрительность вполне соответствовала его зловредному упрямству. Нет, сказала себе Элинор, дело отчасти в том, что здесь темно, отчасти — в том, что я заранее вообразила ее уродиной. Не увидь я Хилл-хаус, была бы я так несправедлива к этим людям? В конце концов, они просто его сторожат.

Вестибюль, в котором они стояли, был перегружен темным деревом и тяжелой резьбой, с дальней стороны уходила вверх массивная лестница. Выше, надо думать, тянулся коридор во всю ширину дома; Элинор различала широкую площадку и, по другую сторону лестничного колодца, закрытые двери. Справа и слева от нее, в противоположных концах вестибюля, располагались большие двустворчатые двери, украшенные резными плодами, колосьями и живностью; во всем доме она не видела ни одной открытой двери.

Элинор попыталась заговорить, но ее голос утонул в сумеречной тиши, так что пришлось

начать снова.

— Вы проводите меня в мою комнату? — спросила она наконец, указывая на чемодан и наблюдая, как дрожащее отражение руки погружается все глубже и глубже в темноту паркета. — Если я правильно поняла, никто пока больше не приехал? Вы… вы ведь миссис Дадли?

Я сейчас расплачусь, подумала она, по-детски, навзрыд, крича: «Мне тут плохо!»

Миссис Дадли начала подниматься по лестнице. Элинор, взяв чемодан, двинулась за единственным живым существом в доме. Да, повторяла она про себя, мне тут плохо. Миновав последнюю ступеньку, миссис Дадли повернула вправо, и Элинор поняла, что здесь строители отказались от всяких изысков, вероятно поняв, каким будет дом, вне зависимости от их выбора. Весь второй этаж состоял из длинного прямого коридора, куда выходили двери спален; Элинор представилось, как строители с неприличной поспешностью завершают второй и третий этажи, располагая комнаты по самому простому плану, без всяких прикрас — лишь бы поскорее отсюда убраться. В левом конце коридора располагалась вторая лестница, ведущая, надо думать, из комнат для слуг на третьем этаже в кухню на первом, а в

правом — еще одна комната, устроенная в торце, где больше всего света. Если не считать темной деревянной резьбы и серии плохих эстампов,[3] с неприятной педантичностью развешанных точно через равные промежутки, ровную прямизну коридора нарушала лишь череда дверей. Все они были закрыты.

Миссис Дадли пересекла коридор и открыла дверь — возможно, наугад.

— Это синяя комната, — сказала она.

По расположению лестницы можно было заключить, что комната выходит окнами на подъездную аллею. «Анна, сестрица Анна»,[4] подумала Элинор и с облегчением шагнула к свету из комнаты.

— Как мило, — сказала она, стоя на пороге,

---

[3] Примечания: 3

Эста́мп (*франц.* estampe «штамп, отпечаток» от *итал.* stampa «печать») — произведение графического искусства; любое художественное изображение, напечатанное с печатной формы (матрицы), например, с деревянной доски, металлической пластины или камня. Это не одна копия, а тираж оригинальных оттисков, каждый из которых считается подлинным произведением искусства и обычно подписывается автором.

[4] Примечания: 4

Синяя комната — в сказке Перро та каморка, в которой Синяя борода прятал тела убитых жен. Анна — сестра героини; когда муж требует несчастную женщину на расправу, та несколько раз спрашивает: «Анна, сестрица Анна, ты ничего не видишь?» (то есть «не едут ли братья нам на помощь?»).

исключительно из чувства, что надо хоть что-нибудь сказать. Комната была вовсе не милая, а, напротив, заключала в себе ту же резкую дисгармонию, что и весь Хилл-хаус.

Миссис Дадли заговорила, адресуясь, по всей видимости, к стене:

— Обед будет стоять на буфете в столовой к шести часам ровно. По тарелкам можете раскладывать сами. Посуду я уберу с утра. Завтрак я готовлю к девяти. Таковы мои условия. Поддерживать в комнатах такой порядок, как вам хотелось бы, я не могу, а помощницу мне вы все равно не найдете. Я никому не прислуживаю. Я здесь работаю, но это не значит, что я стану кому-нибудь прислуживать.

Элинор кивнула, неуверенно стоя в дверях.

— Я подаю обед и немедленно ухожу, — продолжала миссис Дадли. — До того, как начнет смеркаться. Дотемна я тут не задерживаюсь.

— Знаю, — сказала Элинор.

— Мы живем в поселке, в шести милях(*) отсюда.

— Да, — ответила Элинор, вспоминая Хилл-сдейл.

(*) Примечания: *

6 миль ≈ 9,6 км

— Так что если вам потребуется помощь, тут никого не будет.

— Я поняла.

— Ночью мы вас даже не услышим.

— Вряд ли я…

— Никто не услышит. Ближе поселка никто тут не живет. Даже и не подходит.

— Знаю, — устало повторила Элинор.

— По ночам, — миссис Дадли даже не попыталась спрятать улыбку, — в темноте.

С этими словами она вышла и закрыла за собой дверь.

Элинор едва не рассмеялась, представив, как кричит: «Ой, миссис Дадли, помогите, я боюсь темноты», — и тут же поежилась.

2

Она стояла рядом с чемоданом, по-прежнему держа перекинутый через руку плащ, в высшей степени несчастная, и беспомощно повторяла про себя, что все пути ведут к свиданью. Больше всего ей хотелось домой. Позади остались темная лестница и вестибюль с блестящим паркетом, большая парадная дверь, миссис Дадли и мистер Дадли с его ухмылкой, замок и засовы, Хиллсдейл и домик в саду, семейство в ресторане, олеандры

и особняк со львами у входа — все это под безошибочным приглядом доктора Монтегю привело ее в синюю комнату Хилл-хауса. Ужасно, подумала Элинор, испытывая сильнейшее нежелание двигаться, поскольку войти в комнату означало признать, что она согласна здесь жить; ужасно, я не хочу тут оставаться, но и ехать больше некуда. Письмо доктора Монтегю привело ее сюда; дальше пути нет. Через минуту она вздохнула и, тряхнув головой, прошла через комнату и поставила чемодан на кровать.

Вот я и в синей комнате Хилл-хауса, вполголоса проговорила Элинор, хотя комната была самая настоящая и, вне всяких сомнений, действительно синяя: синие репсовые шторы на обоих окнах (они выходили на лужайку перед террасой), синий узорчатый ковер на полу; в ногах застеленной синим покрывалом кровати было сложено синее одеяло. Темные панели по стенам доходили до высоты плеча, дальше шли голубые обои с веночками из мелких синих цветов. Может быть, кто-то рассчитывал оживить синюю комнату Хилл-хауса хорошенькими обоями, не понимая, что в Хилл-хаусе такая надежда сразу испарится, оставив по себе лишь слабый намек, как еле слышный отзвук далекого рыдания… Элинор

встряхнулась и оглядела комнату целиком. Некая ошибка планировки вносила мучительную диспропорцию, так что в одном направлении стена всегда казалась чуть длиннее, чем способен вынести глаз, а в другом — чуть короче, чем нужно, чтобы не почувствовать себя в западне. И здесь я должна спать? — подумала Элинор, не в силах в это поверить. Какие кошмары таятся в высоких углах? Какое дыхание необъяснимого страха коснется моих губ?.. Она снова встряхнулась. Очнись, Элинор, очнись…

Она открыла чемодан и, с блаженным облегчением сняв жесткие городские туфли, принялась распаковывать вещи. За этим стояло чисто женское подсознательное убеждение, что лучший способ успокоиться — сменить обувь на более удобную. Вчера, складывая чемодан, она собрала одежду, которая, на ее взгляд, должна подойти для уединенного загородного дома, и даже в последнюю минуту выскочила и купила — поражаясь собственной дерзости — две пары брюк. Элинор уже и не помнила, когда последний раз надевала брюки. Мама пришла бы в бешенство, думала она тогда, убирая покупку на дно чемодана, — по крайней мере, если мне не хватит смелости их надеть, никто и не узнает, что они у меня есть.

Теперь, в Хилл-хаусе, они уже не казались такими новыми.

Элинор вытащила вещи небрежно, криво повесила платья на плечики, не глядя бросила брюки в нижний ящик комода с мраморной столешницей, а туфли — в угол большого гардероба. Взятые с собой книги уже не вызывали у нее энтузиазма; наверное, я так и так здесь надолго не задержусь, подумала она, закрывая пустой чемодан и ставя его в угол гардероба; за пять минут можно будет уложиться снова. Элинор поймала себя на том, что пытается поставить чемодан совершенно беззвучно, потом сообразила, что все это время ходит по комнате в одних чулках, боясь произвести хоть малейший шум, как будто тишина — непременное требование Хилл-хауса; ей вспомнилось, что миссис Дадли тоже ступает неслышно. Она замерла посреди комнаты, в давящей тишине, и подумала: я — маленькое существо, проглоченное чудищем, и оно ощущает в себе мое копошение. «Нет!» — сказала Элинор вслух, и слово эхом отразилось от стен и потолка. Она быстро прошла через комнату и раздвинула синие шторы, однако толстое стекло приглушало солнечный свет, а увидеть за ним можно было лишь крышу террасы и полоску газона перед

крыльцом. Где-то внизу стоит автомобильчик, на котором можно отсюда уехать. Все пути ведут к свиданью; я здесь по собственному выбору. И тут она поняла, что боится пройти через комнату.

Элинор стояла спиной к окну, переводя взгляд с гардероба на комод, с комода на кровать и убеждая себя, что бояться нечего, когда далеко внизу хлопнула дверца автомобиля, затем послышались быстрые, почти танцующие шаги на веранде и — неожиданный, немыслимый — грохот дверного молотка. Ну вот, кто-то еще приехал, подумала Элинор, я больше не буду здесь одна. Почти со смехом она пробежала по комнате и через коридор, чтобы заглянуть с лестницы в вестибюль.

— Слава богу, вы здесь, — выдохнула она, вглядываясь в полумрак. — Слава богу, хоть одна живая душа!

Элинор без удивления поняла, что говорит так, будто миссис Дадли ее не слышит, хотя миссис Дадли стояла в вестибюле, прямая и бледная.

— Поднимайтесь сюда, — продолжала Элинор. — Вам придется самой нести свой чемодан.

Она запыхалась и говорила без умолку — облегчение прогнало всегдашнюю робость.

— Меня зовут Элинор Венс, и я так рада, что

вы здесь!

— Я Теодора. Просто Теодора. И можно на ты. Этот кошмарный дом…

— Наверху не лучше. Идите сюда. Скажите ей, пусть поселит вас рядом со мной.

Теодора вслед за миссис Дадли поднялась по массивной лестнице, недоверчиво разглядывая витраж на площадке, мраморную вазу в нише, узорчатый ковер. Чемодан у нее был куда тяжелее, чем у Элинор, и куда шикарнее; Элинор, выступившая вперед, чтобы помочь новоприбывшей, порадовалась, что ее вещи благополучно убраны с глаз долой.

— Погодите, пока увидите спальни. Моя, думаю, прежде служила бальзамировочной.

— О таком доме я мечтала всю жизнь, — ответила Теодора. — Убежище, где можно остаться наедине со своими мыслями. Особенно если это мысли об убийстве, самоубийстве или…

— Зеленая комната, — холодно произнесла миссис Дадли, и Элинор с внезапной неприязнью почувствовала, что легкомысленные или критические отзывы о доме каким-то образом задевают экономку; может быть, она убеждена, что Хилл-хаус нас слышит, сказала себе Элинор и тут же пожалела о своем предположении. Навер-

ное, она поежилась, потому что в следующий миг Теодора ласково, успокаивающе положила ей руку на плечо. Она прелесть, подумала Элинор, улыбаясь в ответ, ей не место в этом темном, тоскливом доме. Впрочем, мне тоже здесь не место, и вообще никому. И тут она рассмеялась, увидев, с каким выражением Теодора оглядывает зеленую комнату.

— Боже, — выдохнула та, искоса глядя на Элинор, — как очаровательно. Ну просто беседка.

— Обед будет стоять на буфете в столовой к шести часам ровно, — сказала миссис Дадли. — По тарелкам можете раскладывать сами. Посуду я уберу с утра. Завтрак я готовлю к девяти. Таковы мои условия.

— Ты напугана, — заметила Теодора, глядя на Элинор.

— Поддерживать в комнатах такой порядок, как вам хотелось бы, я не могу, а помощницу мне вы все равно не найдете. Я никому не прислуживаю. Я здесь работаю, но это не значит, что я стану кому-нибудь прислуживать.

— Это просто пока я думала, что буду здесь совсем одна, — ответила Элинор.

— После шести я ухожу, — продолжала миссис Дадли. — До того, как начнет смеркаться.

— Теперь я здесь, — сказала Теодора, — так что все хорошо.

— У нас общая ванная, — объявила Элинор невпопад. — Все спальни в точности одинаковые.

В комнате у Теодоры были зеленые репсовые шторы, зеленый плед на постели и такое же одеяло в ногах, обои с зелеными гирляндами, комод с мраморной столешницей и гардероб — в точности как у Элинор.

— В жизни не видела ничего ужаснее, — проговорила Элинор, почти срываясь на крик.

— Все как в лучших гостиницах, — объявила Теодора, — или в приличных летних лагерях для девочек.

— Я не задерживаюсь дотемна, — продолжала миссис Дадли.

— Если ночью будете кричать, никто не услышит, — пояснила Элинор. Поймав на себе вопросительный взгляд Теодоры, она поняла, что мертвой хваткой вцепилась в дверную ручку, поэтому тут же разжала пальцы и уверенно прошла через комнату. — Надо будет придумать, как открыть окна.

— Так что если вам потребуется помощь, тут никого не будет, — сказала миссис Дадли. — Ночью мы вас даже не услышим. Никто не услышит.

— Теперь все нормально? — спросила Теодора.

Элинор кивнула.

— Ближе поселка никто тут не живет. Даже и не подходит.

— Наверное, ты проголодалась, — сказала Теодора. — Я умираю, как хочу есть. — Она поставила чемодан на кровать и сбросила туфли, продолжая говорить: — От голода я просто зверею: рявкаю на людей и разражаюсь слезами.

Она вытащила из чемодана свободного покроя брюки.

— По ночам, — миссис Дадли улыбнулась, — в темноте, — и закрыла за собой дверь.

Через минуту Элинор сказала:

— А еще она ходит совершенно беззвучно.

— Милейшая старушенция. — Теодора оглядела комнату. — Беру назад свои слова насчет лучших гостиниц. Это вылитая школа-пансион, в которой я одно время училась.

— Идем, покажу мою. — Элинор открыла дверь ванной и провела Теодору в синюю комнату. — Когда ты приехала, я только распаковала вещи и уже думала сложить их обратно.

— Бедная крошка. Ты совершенно точно умираешь с голоду. А я, когда увидела этот домище снаружи, только об одном могла думать: вот бы

здорово было стоять здесь и смотреть, как он горит. Может, перед отъездом…

— Так ужасно тут совсем одной.

— Видела бы ты мой пансион во время каникул! — Теодора вернулась в свою спальню.

Звук и движение в двух комнатах немного приободрили Элинор. Она поправила одежду на плечиках в гардеробе и поровнее сложила книжки на прикроватном столике.

— А знаешь, — крикнула Теодора через ванную, — это правда похоже на первый день в новой школе: все такое чужое и гадкое, ты никого не знаешь и тебе страшно, что все будут смеяться над твоей одеждой.

Элинор, которая как раз открыла ящик, чтобы вытащить брюки, замерла, потом рассмеялась и бросила брюки на кровать.

— Я правильно поняла, — продолжала Теодора, — что миссис Дадли не придет, если мы ночью будем визжать от страха?

— Таковы ее условия. А ты встретила у ворот милого старичка?

— Мы чудесно побеседовали. Он сказал, что не впустит меня, а я сказала, что впустит. Потом я хотела его задавить, но он отпрыгнул. Слушай, нам обязательно сидеть в комнатах и ждать? Я

бы надела что-нибудь поудобнее. Или надо будет нарядиться к обеду?

— Я не стану, если ты не станешь.

— А я не стану, если не станешь ты. Нас двоих им не одолеть. И вообще, пошли гулять — мне не терпится выбраться из-под этой крыши.

— Здесь очень рано темнеет, в холмах, под деревьями…

Элинор снова подошла к окну, однако на лужайке по-прежнему лежал солнечный свет.

— По-настоящему стемнеет не раньше чем через час. Я хочу выйти и покататься по траве.

Элинор выбрала красный свитер, думая, что в этой комнате и в этом доме красный свитер и купленные к нему красные босоножки будут не совпадать по тону, хотя вчера цвета казались достаточно близкими. Ну и поделом мне, подумала она, никогда таких вещей не носила, нечего было и начинать. Однако отражение в большом зеркале на дверце гардероба выглядело на удивление хорошо, почти успокаивающе.

— Ты знаешь, кто еще приедет? — спросила Элинор. — И когда?

— Доктор Монтегю, — ответила Теодора. — Я думала, он приедет первым.

— Ты давно знаешь доктора Монтегю?

— В глаза не видела. А ты?

— И я. Ты заканчиваешь одеваться?

— Я готова.

Теодора прошла через ванную в комнату Элинор. Какая она симпатичная, подумала Элинор, хотела бы я быть такой. На Теодоре была ярко-желтая блузка. Элинор сказала со смехом:

— От тебя в комнате больше света, чем от окон.

Теодора подошла к зеркалу и одобрительно себя оглядела.

— Думаю, в этом унылом месте наш долг — выглядеть как можно ярче. Твой красный свитер — самое то: нас с тобой будет видно через весь Хилл-хаус. — По-прежнему разглядывая себя в зеркале, она спросила: — Как я понимаю, доктор Монтегю тебе написал?

— Да. — Элинор смутилась. — Я сперва подумала, это шутка. Но муж моей сестры навел справки…

— Знаешь, — медленно проговорила Теодора, — до последней минуты… наверное, до ворот… я не верила, что Хилл-хаус и правда есть. Все-таки не ждешь, что такое может быть.

— Однако некоторые надеются, — промолвила Элинор.

Теодора рассмеялась и, круто повернувшись, взяла ее за руку.

— Теперь мы двое детей в лесу, — сказала она. — Идем исследовать окрестности.

— Не стоит уходить далеко от дома…

— Обещаю свернуть назад по первому твоему слову. Как ты считаешь, надо предупредить миссис Дадли, что мы отправляемся гулять?

— Наверняка она следит за каждым нашим шагом, и это тоже условие, которое она поставила.

— Интересно, кому? Графу Дракуле?

— Ты думаешь, это он здесь живет?

— Думаю, он проводит здесь выходные. Клянусь, я видела в деревянной резьбе внизу летучих мышей. Вперед, вперед!

Они сбежали по лестнице, стуча каблуками, внося жизнь и свет в сумерки украшенных деревянной резьбой стен. Миссис Дадли стояла в вестибюле и молча смотрела на них.

— Мы идем гулять, миссис Дадли, — весело сказала Теодора. — Будем где-нибудь неподалеку.

— И скоро вернемся, — добавила Элинор.

— Обед будет на буфете в столовой к шести часам, — повторила миссис Дадли.

Элинор с усилием потянула на себя парадную дверь. Первое впечатление не обмануло — дверь

и впрямь была очень тяжелая. Элинор подумала, что на обратном пути им ее не открыть.

— Не закрывай, — бросила она Теодоре через плечо. — Она ужасно тяжелая. Давай поставим сюда вазу, чтобы не захлопнулась.

Теодора подкатила из угла вестибюля большую каменную вазу, и они вместе установили ее в двери. После темноты дома вечерний свет показался неожиданно ярким, в воздухе пахло свежестью. За спиною у них миссис Дадли отодвинула вазу, и дверь захлопнулась.

— Очаровательная старушенция, — сообщила закрытой двери Теодора.

Лицо ее заострилось от гнева, и Элинор подумала: надеюсь, она никогда не посмотрит так на меня. И тут же удивилась сама себе: я всегда стесняюсь новых людей, а тут не прошло и получаса, как Теодора стала мне близка и необходима — настолько, что я боюсь вызвать ее гнев.

— Полагаю… — неуверенно начала она и сразу успокоилась, потому что при звуке ее голоса Теодора немедленно улыбнулась. — Полагаю, что в дневные часы, когда миссис Дадли здесь, я найду себе очень важное занятие далеко-далеко от дома. Утаптывать площадку под теннисный корт, например. Или ухаживать за виноградом

в оранжерее.

— Наверное, ты сможешь подменить мистера Дадли у ворот.

— Или искать в крапиве безымянные могилы…

Они стояли у перил террасы; отсюда им была видна вся подъездная аллея до поворота и, вдалеке среди холмов, тонкая ниточка дороги, по которой они приехали. Если не считать электрических проводов, идущих к дому из-за деревьев, Хилл-хаус казался ничем не связанным с остальным миром. Элинор пошла вдоль террасы, которая, похоже, опоясывала весь дом.

— Ой, смотри! — сказала она, поворачивая за угол.

За домом громоздились холмы: огромные, затопленные летней зеленью, пышные и безмолвные.

— Так вот почему он зовется Хилл-хаусом,[5] — пробормотала Элинор невпопад.

— Очень по-викториански, — заметила Теодора. — Викторианцы обожали такую чрезмерную грандиозность и с головой зарывались в бархат-

---

[5] Примечания: 5

*«— Так вот почему он зовется **Хилл-хаусом**, — пробормотала Элинор невпопад.»*

Хилл-хаус (*англ.* Hill House). Hill — холм, House — дом.

ные складки, кисти и лиловый плюш. В более раннее или более позднее время дом поставили бы на холме, где ему самое место, а не сюда, в яму.

— На вершине холма его бы все видели. Я за то, чтобы он оставался скрытым.

— Теперь я все время буду бояться, что холмы на нас рухнут, — объявила Теодора.

— Не рухнут. Просто будут сползать, незримо и беззвучно, пока не накроют с головой. И никуда мы от них не убежим.

— Спасибо, — тихо сказала Теодора, — ты отлично довершила то, что начала миссис Дадли. Я немедленно собираю чемодан и еду домой.

Элинор в первый миг поверила, но тут же различила веселье на лице Теодоры и подумала: она гораздо храбрее меня. Неожиданно — хотя позже это станет привычным штрихом, узнаваемой чертой того, что связывалось у Элинор с именем Теодора, — та уловила ее мысли и ответила на них.

— Не надо все время бояться. — Теодора пальцем тронула Элинор за щеку. — Мы не знаем, откуда берется наша храбрость.

И она сбежала по ступеням на лужайку между купами высоких деревьев, крикнув через плечо:

— Догоняй! Я хочу поискать, есть ли здесь ручей.

— Не стоит уходить далеко, — напомнила Элинор.

Словно две школьницы, они припустили по лужайке: даже после недолгого пребывания в Хилл-хаусе их радовал внезапно открывшийся простор, радовала трава под ногами после жестких полов; почти звериный инстинкт влек девушек на звук и запах воды.

— Сюда! — крикнула Теодора. — Здесь тропка.

Ручей журчал дразняще близко, тропка петляла между деревьями — то тут, то там им открывался вид на подъездную аллею, — но все время под уклон, дальше от дома. Лес закончился, начался каменистый луг, и Элинор сразу почувствовала себя лучше, хоть и заметила, что солнце висит уже в неприятной близости от нагромождения холмов. Она позвала Теодору, однако та лишь крикнула: «Вперед, вперед!» — и побежала дальше по тропке, но почти сразу ойкнула и остановилась перед самым ручьем, который почти без предупреждения выпрыгнул у нее из-под ног. Элинор, подойдя сзади обычным шагом, успела поймать ее за руку, и обе со смехом повалились на берег ручья.

— Ох и любят же здесь пугать приезжих, — сказала Теодора, переводя дух.

— Скажи спасибо, что не упала в воду, — проворчала Элинор. — Нечего было нестись сломя голову.

— А здесь мило, правда?

Ручей тек стремительно, легкая рябь поблескивала на солнце; по обоим берегам трава спускалась к самой воде, желтые и голубые цветы клонили свои головки. За пологим склоном начинался еще один луг, а за ним, далеко — высокие холмы, все еще озаренные косыми вечерними лучами.

— Мило, — уверенно повторила Теодора, словно подводя итог.

— Я точно здесь раньше бывала, — сказала Элинор. — Может быть, в детской книжке.

— Ничуть не сомневаюсь. Умеешь пускать «блинчики»?

— Сюда принцесса приходит на свидания с волшебной золотой рыбкой, которая на самом деле — переодетый принц…

— Уж больно он должен быть маленький, твой принц, в ручье всей глубины — не больше трех

дюймов.(*)

— Тут есть камушки, чтобы перебраться на другую сторону, и крохотные рыбки — наверное, мальки.

— И все они — переодетые принцы. — Теодора растянулась на солнышке и зевнула. — Головастики?

— Мальки. Для головастиков уже не время, глупышка, но мы наверняка найдем лягушачью икру. Я в детстве ловила мальков руками и отпускала.

— Из тебя бы вышла отличная фермерша.

— Здесь хорошо устраивать пикники. Сидеть у ручья и есть крутые яйца.

— Салат с курицей и шоколадный кекс, — рассмеялась Теодора.

— Лимонад в термосе. Просыпанная соль.

Теодора перекатилась поудобнее.

— А знаешь, про муравьев все врут. Нет никаких муравьев. Коровы, может быть. Но я еще ни разу не видела на пикнике муравья.

— А быка? Обязательно кто-нибудь должен сказать: «В поле не ходи, там бык».

Теодора открыла один глаз.

(*) Примечания: *

3 дюйма ≈ 7,6 см

— У тебя был дядюшка-юморист? Который что ни скажет, все смеются? И который советовал тебе не бояться быка: когда бык на тебя кинется, надо просто схватить его за кольцо в носу и раскрутить над головой?

Элинор бросила в ручей камешек; сквозь прозрачную воду было видно, как он медленно опустился на дно.

— У тебя много дядюшек?

— Тысячи. А у тебя?

Через минуту Элинор ответила:

— О да. Большие и маленькие, толстые и тощие…

— У тебя есть тетя Эдна?

— Тетя Мюриэль.

— Такая сухопарая? В круглых очках?

— С гранатовой брошкой.

— Она приходит на семейные торжества в темно-бордовом платье?

— Отделанном кружевом.

— Тогда, наверное, мы с тобой родственницы, — сказала Теодора. — У тебя были пластинки на зубах?

— Нет. Веснушки.

— Я ходила в частную школу, где меня учили делать реверансы.

— Я вечно болела зиму напролет. Мама заставляла меня носить шерстяные чулки.

— Моя мама заставляла брата приглашать меня на танцы, и я делала реверансы как очумелая. Брат до сих пор меня ненавидит.

— Я упала во время выпускной процессии.

— Я забыла свою партию в оперетте.

— Я писала стихи.

— Да, — сказала Теодора. — Теперь я точно знаю, что мы кузины.

Она со смехом села, и тут Элинор шепнула:

— Тише. Рядом кто-то есть.

Они застыли, прижавшись плечами и молча глядя на склон за ручьем. Трава там шевелилась: кто-то медленно и незримо пробирался по яркому зеленому холму. Солнечный свет померк, от ручья потянуло холодом.

— Кто это? — выдохнула Элинор.

Теодора крепко стиснула ее запястье.

— Ушел, — звонко произнесла Теодора. Снова выглянуло солнышко и стало тепло. — Это был кролик.

— Я его не видела, — сказала Элинор.

— Я заметила его в ту же минуту, как ты заговорила, — твердо объявила Теодора. — Это был кролик. Он скрылся за холмом.

— Мы тут слишком долго сидим. — Элинор с тревогой взглянула на солнце — оно уже коснулось холмов — и, встав с сырой травы, поняла, что у нее затекли ноги.

— Только вообразить! Две закаленные пикниками девицы испугались кролика, — рассмеялась Теодора.

Элинор протянула ей руку, помогая встать.

— Нам правда надо спешить, — сказала она и, поскольку сама не вполне понимала свою тревогу, добавила: — Может, другие уже приехали.

— Ладно, скоро мы сюда вернемся и устроим пикник, — заметила Теодора, следуя за Элинор вверх по тропинке. — Тут у ручья просто необходимо устроить пикник в классическом духе.

— Можно попросить миссис Дадли, чтобы она сварила нам яйца. — Элинор замерла и сказала, не оборачиваясь: — Теодора, ты знаешь, я не смогу. Честное слово, не смогу.

— Элинор. — Теодора положила руку ей на плечо. — Ты же не позволишь им нас разлучить? Теперь, когда выяснилось, что мы кузины?

Часть III

1

Солнце плавно скользнуло за холмы, словно торопясь зарыться наконец в их мягкую зеленую перину. На лужайке перед домом лежали длинные тени. Теодора и Элинор подошли со стороны боковой террасы — безумный фасад Хилл-хауса, по счастью, уже скрыла тьма.

— Нас кто-то ждет, — сказала Элинор, прибавляя шаг, и в следующее мгновение впервые увидела Люка. Все пути ведут к свиданью, подумала она и сумела выговорить только неловкое: — Вы нас ищете?

Он подошел к перилам, сощурился, разглядывая их в сумерках, и тут же склонился в низком поклоне, который сопроводил широким приглашающим жестом.

— «Коль это мертвые, — продекламировал он, — то смерть желанна мне». Дамы, если вы — призрачные обитательницы Хилл-хауса, я останусь здесь навсегда.

Вот придурочный, строго подумала Элинор, а Теодора сказала:

— Простите, что мы вас не встретили. Мы ходили смотреть окрестности.

— Ничего, нас встретила чокнутая старуха с кислой физиономией, — ответил Люк. — «Здрасьте-здрасьте, — сказала она мне, — надеюсь, утром я застану вас живыми, а ваш обед стоит на буфете в столовой». Засим она отбыла в кабриолете новейшей модели вместе с первым и вторым убийцами.

— Миссис Дадли, — заметила Теодора. — Первый убийца — это, должно быть, Дадли-привратник, а второй, полагаю, граф Дракула. Чудесная семейка.

— Раз мы составляем перечень действующих лиц, — сказал он, — то меня зовут Люк Сандерсон.

— Так вы представитель семьи? — вырвалось у Элинор. — Владельцев Хилл-хауса? Не гость доктора Монтегю?

— Да, я представитель семьи и когда-нибудь унаследую сие величественное сооружение, а до тех пор я здесь в качестве гостя доктора Монтегю.

Теодора хихикнула.

— Мы, — сказала она, — Элинор и Теодора, две маленькие девочки, которые хотели рас-

положиться у ручья на пикник, но испугались кролика и прибежали домой.

— Я смертельно боюсь кроликов, — вежливо согласился Люк. — А вы возьмете меня с собой, если я пообещаю нести корзину для пикника?

— Можете прихватить укулеле[6] и развлекать нас музыкой, пока мы будем есть бутерброды с курицей. Доктор Монтегю здесь?

— Да. Любуется своим домом с привидениями.

Минуту они молчали. Всем троим хотелось подойти друг к другу поближе, сбиться в кучу. Наконец Теодора сказала тоненько:

— Как-то в темноте не очень это смешно, а?

Тяжелая парадная дверь распахнулась.

— Дамы, прошу вас. Заходите. Я — доктор Монтегю.

2

Впервые они стояли все вместе в большом темном вестибюле Хилл-хауса. Дом вокруг насторожился и засек их, над ними чутко спали холмы, мелкие завихрения воздуха, звука или движения беспокойно ждали и перешептыва-

---

[6] Примечания: 6

Укуле́ле — четырехструнная разновидность гитары, используемая для аккордового сопровождения песен и игры соло.

лись, а центром сознания каким-то образом стало небольшое пространство, в котором они стояли, четыре отдельных человека, глядящих друг на друга с надеждой.

— Я очень рад, что все доехали благополучно и вовремя, — сказал доктор Монтегю. — Добро пожаловать, добро пожаловать в Хилл-хаус — хотя, возможно, эти чувства более пристало выразить вам, мой мальчик? И все равно, добро пожаловать, добро пожаловать. Люк, мой мальчик, вы смешаете нам мартини?

3

Доктор Монтегю с оптимизмом поднял бокал, отпил глоток и вздохнул.

— На троечку, — сказал он. — На троечку, мой мальчик. И тем не менее за наш успех в Хилл-хаусе.

— А что именно считается успехом в такого рода делах? — живо полюбопытствовал Люк.

Доктор рассмеялся.

— Скажем так. Я надеюсь, что все мы интересно проведем время, а моя книга заставит моих коллег прикусить язык. Я не говорю, что мы собрались здесь отдыхать, хотя у кого-то и могло сложиться такое впечатление: я надеюсь, что вы

будете работать. Впрочем, конечно, работа бывает разная, не так ли? Записи, — произнес он веско, словно хватаясь за единственную прочную опору в этом зыбком мире — Записи. Мы будем вести записи — дело для многих вполне посильное.

— Лишь бы никто не каламбурил про спирт и спиритизм, — сказала Теодора, протягивая Люку пустой бокал.

— Спиритизм? — Доктор уставился на нее. — Ах да, конечно. Никто из нас… — Он замялся, хмурясь. — Конечно нет.

И он трижды быстро отхлебнул коктейль.

— Все так странно, — проговорила Элинор. — Я хочу сказать, еще сегодня утром я гадала, каким будет Хилл-хаус, а теперь никак не поверю, что он существует на самом деле и мы здесь.

Они сидели в небольшой комнате, которую выбрал доктор: он провел их по узкому коридору и не сразу ее нашел, даже успел немного занервничать. Комната была определенно неуютная: с чересчур высоким потолком и узким изразцовым камином, откуда как будто веяло холодом, несмотря на то что Люк сразу развел огонь. Округлые сиденья кресел скользили, заставляя ерзать, свет от ламп под цветными бисерными абажурами не проникал в углы. Вся комната

казалась темно-малиновой, стены были оклеены обоями с золотым тиснением, под ногами тускло отсвечивал спиральный узор ковра, с каминной полки бессмысленно ухмылялся мраморный купидон. Когда все на минуту замолчали, давящая атмосфера дома только сгустилась. Элинор, гадая, происходит это все на самом деле или она сейчас спит в каком-то бесконечно далеком безопасном месте и видит Хилл-хаус во сне, медленно и тщательно оглядела комнату, убеждая себя, что все вокруг настоящее, вещи — от изразцов камина до мраморного купидона — существуют въяве, а эти люди станут ее друзьями. Доктор — кругленький, розовощекий, бородатый — куда естественнее смотрелся бы у камина в уютной маленькой гостиной, с кошкой на коленях и тарелкой домашних булочек, которые принесла ему миниатюрная розовая жена. Однако это, без сомнения, был тот самый доктор Монтегю, чьи знания и упорство привели ее сюда. По другую сторону камина, напротив доктора, сидела Теодора, которая безошибочно выбрала единственное мало-мальски удобное кресло и свернулась в нем, перекинув ноги через подлокотник и прижавшись щекой к спинке. Она как кошка, подумала Элинор; кошка, которая ждет, что ее покормят.

Люк ни на минуту не оставался в покое: он расхаживал по сумрачной комнате, наполнял бокалы, ворошил дрова в камине, трогал мраморного купидона, яркий в свете огня и непоседливый. Все молчали, глядя в огонь, разомлев после долгой дороги, и Элинор подумала: я четвертая в этой комнате, одна из них. Я своя.

— Раз мы все здесь, — внезапно сказал Люк, словно и не было долгого молчания, — не стоит ли нам познакомиться? Пока мы знаем только имена. Мне известно, что в красном свитере — Элинор, следовательно, девушка в желтой блузке — Теодора…

— У доктора Монтегю борода, — добавила Теодора, — следовательно, вы Люк.

— А ты Теодора, — подхватила Элинор, — поскольку Элинор — это я.

Я — Элинор, торжествующе повторила она про себя. Своя в этой компании, сижу с друзьями у камина и болтаю как ни в чем не бывало.

— Следовательно, ты — в красном свитере, — серьезно объяснила ей Теодора.

— У меня нет бороды, — сказал Люк, — следовательно, он — доктор Монтегю.

— У меня есть борода, — благодушно улыбнулся доктор Монтегю. — Моей жене, — сообщил

он, — нравятся бороды. А многим другим женщинам — нет. Чисто выбритый мужчина — не в обиду вам будет сказано, мой мальчик, — по словам моей жены, выглядит не до конца одетым.

Он отсалютовал Люку бокалом.

— Теперь, когда я знаю, кто из нас я, — сказал Люк, — позвольте мне сообщить о себе дополнительные сведения. В частной жизни — допуская, что есть общественная жизнь, а все остальное — частная, — так вот, в частной жизни я… дайте-ка сообразить… бандерильеро. Да, я бандерильеро, участвую в бое быков.

— Мою любовь зовут на Б, — не удержалась Элинор. — Я люблю его, потому что он бородатый.

— Истинная правда, — кивнул Люк. — А значит, я — доктор Монтегю. Я живу в Бангкоке, и мое хобби — бегать за юбками.

— А вот и нет, — с улыбкой возразил доктор Монтегю. — Я живу в Бельмонте.

Теодора рассмеялась и бросила на Люка тот же быстрый, понимающий взгляд, что прежде на Элинор. Той подумалось, что тяжело, наверное, постоянно находиться рядом с таким чутким человеком, как Теодора, ловящим на лету каждую мысль, каждое движение души.

— Я по профессии натурщица, — быстро сказала

Элинор, чтобы заглушить собственные мысли. — Я веду беспутную жизнь, брожу, завернувшись в длинную шаль, из мансарды в мансарду.

— Вы бессердечны и непостоянны? — спросил Люк. — Или вы из тех хрупких созданий, что влюбляются в сына лорда и чахнут во цвете лет?

— Надсадно кашляя и теряя красоту? — добавила Теодора.

— Я бы скорее сказала, что у меня широкое сердце, — задумчиво проговорила Элинор, — во всяком случае, мои романы обсуждают во всех артистических кафе.

Боже мой, подумала она, боже мой, что я несу?

— Увы, — сказала Теодора, — а я — дочь лорда. Обычно я хожу в парче, шелке и кружевах, но сегодня, чтобы предстать перед вами, одолжила наряд у горничной. Конечно, я могу так влюбиться в обычную жизнь, что не вернусь домой, и бедняжке придется покупать себе новую одежду. А кто вы, доктор Монтегю?

Он улыбнулся в свете камина.

— Странник. Пилигрим.

— Замечательная компания, — одобрительно произнес Люк. — Мы просто не можем не подружиться. Гетера, пилигрим, принцесса и тореадор. Хилл-хаус точно никогда не видел подобного

общества.

— Отдам должное Хилл-хаусу, — сказала Теодора. — Я никогда не видела подобного дома. — Она встала и, держа в руке бокал, подошла к вазе со стеклянными цветами, чтобы получше их рассмотреть. — Как, по-вашему, называется эта комната?

— Салон, наверное, — ответил доктор Монтегю. — Или будуар. Я решил, что здесь нам будет удобнее. Кстати, предлагаю считать эту комнату нашим штабом. Может быть, она не слишком радостная…

— Конечно, она радостная! — твердо возразила Теодора. — Нет ничего веселее бордовой обивки, дубовых панелей и… что это там в углу? Портшез?[7]

— Завтра вы увидите остальные комнаты, — напомнил ей доктор.

— Если это будет наша игровая, — сказал Люк, — предлагаю занести сюда что-нибудь, на чем можно устроиться. Тут я ни на чем усидеть не могу — соскальзываю, — доверительно сообщил он Элинор.

— Завтра, — ответил доктор. — Кстати, завтра

---

[7] Примечания: 7

Портше́з (от *франц.* porter — носить и chaise — стул) — здесь: род легкого переносного кресла, в котором можно сидеть полулежа.

мы осмотрим весь дом и устроим тут все, как захотим. А сейчас, если все допили, предлагаю выяснить, что там миссис Дадли приготовила на обед.

Теодора сорвалась с места и тут же замерла в нерешительности.

— Кому-нибудь придется меня вести. Я не знаю, где столовая. — Она указала рукой. — Это дверь в длинный коридор к вестибюлю.

Доктор хохотнул.

— Ошибаетесь, дорогая. Эта дверь ведет в оранжерею. — Он встал, указывая дорогу, и добавил самодовольно: — Я изучил план дома. Думаю, надо пройти по коридору в вестибюль и через бильярдную в дальнем его конце в столовую. Ничего сложного, — добавил он, — как только привыкнете.

— Зачем они так себя путали? — спросила Теодора. — Зачем столько нелепых комнатушек?

— Может, они друг от друга прятались, — предположил Люк.

— И еще я не понимаю, зачем тут все такое темное, — сказала Теодора.

Они с Элинор шли за доктором Монтегю по коридору. Люк, немного отстав от них, заглянул в ящик узкого стола и вслух подивился деревянной

резьбе по верху стенных панелей: ее составляли головки купидонов, перемежающиеся пучками лент.

— Многие комнаты и вовсе без окон, — сообщил доктор, шагая впереди всех, — и не соприкасаются с наружными стенами. Впрочем, в домах этого периода наличие темных комнат совсем не удивительно, особенно если вспомнить, что окна, даже там где они были, закрывались изнутри тяжелыми шторами, а снаружи — кустами. Ну вот. — Он распахнул дверь, и они вступили в вестибюль. — А теперь… — Доктор оглядел двери напротив: большую двустворчатую и две маленькие по бокам — и выбрал ближайшую. — Все-таки дом и впрямь очень странный, — заметил он, пропуская спутников в темное помещение. — Люк, подержите дверь, чтобы я смог отыскать столовую.

Доктор Монтегю осторожно пересек комнату и открыл следующую дверь. Вслед за ним они прошли в самое приятное из здешних помещений — тем более приятное, что внутри было светло и пахло едой.

— Я себя поздравляю, — объявил доктор, потирая руки. — Я вывел вас к цивилизации через неведомые дебри Хилл-хауса.

— Следует завести привычку оставлять все двери открытыми. — Теодора нервно глянула через плечо. — Мне ужасно не нравится бродить в потемках.

— Тогда надо их чем-нибудь подпирать, — заметила Элинор. — Все двери тут захлопываются, как только их отпустишь.

— Завтра, — сказал доктор Монтегю. — Я запишу себе для памяти: дверные ограничители.

Он весело направился к буфету, где миссис Дадли поставила электропечку и внушительный ряд блюд под крышками. Стол был накрыт на четверых: плотная белая скатерть, свечи в подсвечниках и тяжелое столовое серебро.

— Без обмана, — промолвил Люк, беря вилку жестом, который, безусловно, подтвердил бы худшие подозрения его тетушки. — Нам подали серебро.

— Думаю, миссис Дадли гордится домом, — заметила Элинор.

— Уж точно с готовкой она не ударила в грязь лицом, — сказал доктор, заглядывая в электропечку. — Все складывается как нельзя лучше. Миссис Дадли уходит до темноты и не портит нам настроение своим постным видом.

— Возможно, — заметил Люк, щедрой рукой

наполняя свою тарелку, — возможно, я несправедлив к добрейшей миссис Дадли — кстати, почему я, вопреки всему, называю ее про себя «добрейшей»? Она сказала, что надеется застать меня утром живым и что обед в печке. Теперь я понял, что она прочила мне смерть от обжорства!

— А что ее здесь удерживает? — спросила Элинор у доктора Монтегю. — Почему они с мужем согласны оставаться в доме одни?

— Насколько я знаю, Дадли присматривают за Хилл-хаусом с незапамятных времен, и Сандерсонов это вполне устраивает. Но завтра…

Теодора хихикнула.

— Наверняка миссис Дадли — последний потомок истинных владельцев Хилл-хауса. Она дожидается, когда последний Сандерсон — то есть вы, Люк, — умрет страшной смертью. Тогда она получит дом и закопанные в подвале драгоценности. А может, они с Дадли хранят в потайной комнате золото. Или под домом есть нефть.

— В Хилл-хаусе нет потайных комнат, — твердо возразил доктор Монтегю. — Естественно, такая возможность предполагалась и раньше, и я могу со всей определенностью заявить, что никаких таких романтических укрытий в доме не имеет-

ся. Но завтра…

— Так или иначе, нефть уже не в моде — ее в старых замках больше не ищут, — сказал Люк Теодоре. — Если миссис Дадли и укокошит меня, то по меньшей мере за уран.

— Или просто для собственного удовольствия, — заметила Теодора.

— Да, — сказала Элинор, — но зачем мы здесь?

Целую минуту все трое смотрели на нее; Люк и Теодора с любопытством, доктор — серьезно. Потом Теодора промолвила:

— Я как раз собиралась задать тот же вопрос. Зачем мы здесь? Что не так с Хилл-хаусом? Что должно произойти?

— Завтра…

— Нет, — ответила Теодора почти сварливо. — Мы взрослые умные люди. Мы проделали долгий путь, доктор Монтегю, чтобы встретиться с вами в Хилл-хаусе. Элинор хочет знать зачем, и я тоже.

— И я, — сказал Люк.

— Зачем вы собрали нас здесь, доктор? Зачем сами сюда приехали? Как вы прослышали о Хилл-хаусе? Почему у него такая репутация и что тут на самом деле происходит? Что должно случиться?

Доктор огорченно нахмурился.

— Не знаю, — ответил он и, когда Теодора досад-

ливо встряхнула рукой, добавил: — Мне известно о доме немногим больше вашего; разумеется, все эти сведения я вам сообщу. Однако о том, что случится, я узнаю одновременно с вами. Завтра и поговорим, при свете дня.

— Я не могу ждать, — объявила Теодора.

— Уверяю вас, — сказал доктор, — сегодня ночью в Хилл-хаусе будет тихо. В такого рода явлениях есть закономерности, как если бы паранормальные феномены подчинялись определенного рода правилам.

— А я считаю, что все-таки надо поговорить сегодня, — сказал Люк.

— Мы не боимся, — добавила Элинор.

Доктор снова вздохнул и медленно заговорил:

— Допустим, вы услышите историю Хилл-хауса и не захотите тут оставаться. Как вы уедете ночью? — Он быстро обвел их взглядом. — Ворота заперты. Хилл-хаус известен своим назойливым гостеприимством — не любит отпускать посетителей. Последний, кто вздумал покинуть Хилл-хаус в темноте — восемнадцать лет назад, — погиб, ударившись о дерево, когда его лошадь понесла на повороте аллеи. Допустим, я расскажу про Хилл-хаус и кто-нибудь из вас решит уехать. Завтра, по крайней мере, мы сможем проводить

его до поселка.

— Но мы не сбежим, — сказала Теодора. — Я точно, и Элинор тоже, и Люк.

— Твердо будем стоять на крепостных валах, — подтвердил Люк.

— Какие своевольные ассистенты!.. Ладно, тогда после обеда. Мы вернемся в наш маленький будуар выпить немного кофе с отличным бренди, которое у Люка в чемодане. Там я расскажу вам все, что знаю о Хилл-хаусе. А пока давайте говорить о музыке, о живописи, на худой конец о политике.

4

— Я не придумал, — сказал доктор Монтегю, покачивая бокал с бренди, — как лучше подготовить вас троих к Хилл-хаусу. Я определенно не мог написать об этом в письме и сейчас опасаюсь, что мой рассказ повлияет на ваши впечатления до того, как вы сами осмотрите дом, чего мне очень бы не хотелось.

Они снова были в маленькой гостиной, теплой и почти дремотной. Теодора сидела по-турецки на коврике у камина, сонная и разомлевшая. Элинор не сообразила сесть рядом с ней сразу, а теперь стеснялась неловко устраиваться на полу,

привлекая к себе излишнее внимание, поэтому мучилась на скользком сиденье, чего так благоразумно избежала Теодора. После обильного вкусного обеда, приготовленного миссис Дадли, и часовой тихой беседы всякое чувство нереальности и скованности улетучилось: они начали узнавать друг друга ближе — голоса и мелкие привычки, лица и смех. Элинор с легким изумлением вспомнила, что пробыла в Хилл-хаусе не больше пяти часов, и тихонько улыбнулась. Она чувствовала ножку бокала в руке, жесткое кресло за спиной, слабые движения воздуха, еле ощутимые по колыханию бахромы и бисерных нитей. По углам лежала темнота, круглощекий купидон весело улыбался с каминной полки.

— Самое время для истории о привидениях, — сказала Теодора.

— Если позволите, — сухо произнес доктор, — мы не дети, которые собрались друг друга пугать.

— Простите, — улыбнулась Теодора. — Я просто стараюсь к этому привыкнуть.

— Давайте возьмем себе за правило очень тщательно выбирать слова. Предрассудки, связанные с духами и привидениями…

— Кровавая рука, — подсказал Люк.

— Мой дорогой мальчик, я *очень* вас попрошу. Наша цель — научно-исследовательская работа, и нельзя допустить, чтобы на нее влияли полузабытые обрывки историй, место которым — как бы выразиться помягче — в школьном походе у костра. — Очень довольный собой, доктор оглядел слушателей, проверяя, оценили ли те шутку. — Исследования прошлых лет позволили мне сформулировать некие гипотезы касательно паранормальных явлений, которые я теперь впервые могу проверить на практике. В идеале, конечно, вам ничего не следует знать о Хилл-хаусе. Вы должны быть чисты и восприимчивы.

— И вести записи, — вполголоса добавила Теодора.

— Записи. Да, конечно. Записи. Впрочем, я понимаю, что непрактично полностью лишать вас базовых сведений, главным образом потому, что вы не привыкли без подготовки встречаться с явлениями подобного рода. — Он хитренько улыбнулся. — Вы, все трое, — испорченные, своевольные дети, намеренные вытянуть из меня страшную сказку перед сном.

Теодора хихикнула, и доктор кивнул в ее сторону, словно говоря: «Ну вот, сами видите». Он встал, подошел к огню и принял безошибочно

узнаваемую позу лектора. Чувствовалось, что ему не хватает доски за спиной, потому что раз или два он полуобернулся, как будто ища мел, чтобы проиллюстрировать важную мысль.

— Итак, — сказал доктор, — рассмотрим историю Хилл-хауса.

Жаль, что у меня нет тетрадки и ручки, подумала Элинор, ему было бы привычнее. Она покосилась на Люка и Теодору, чьи лица как по команде приняли внимательно-заинтересованное выражение школьников, готовых ловить каждое слово любимого учителя. Ну вот, начался следующий этап нашего приключения, мысленно отметила Элинор.

— Вы припомните, — начал доктор, — то место в Книге Левит, где говорится о домах, пораженных проказой,[8] цара'ат, или название потусторонней области у Гомера — дом Аида. Думаю, нет надобности повторять вам, что представление о некоторых домах как о нечистых или запретных — возможно, священных — появилось одновременно с человеком. Безусловно, есть места, которые привлекают к себе атмосферой святости и блага; в таком случае не будет

---

[8] Примечания: 8
Лев. 14:34-53.

чрезмерной смелостью допустить существование изначально нехороших домов. Хилл-хаус, какова бы ни была этому причина, непригоден для жизни вот уже двадцать лет. Сформировали ли его характер здешние обитатели либо их поступки, или эти качества присутствовали в нем изначально — вопросы, на которые я ответить не могу. Разумеется, я надеюсь, что все мы за время нашего здесь пребывания узнаем о Хилл-хаусе гораздо больше. Пока неизвестно даже, почему некоторые дома называют проклятыми.

— А как еще можно назвать Хилл-хаус? — вопросил Люк.

— Ну… скажем, нездоровым. Прокаженным. Больным. Подойдет любой распространенный эвфемизм для психического расстройства. «Невменяемый дом» — удачная метафора. Впрочем, существуют популярные теории, которые отбрасывают загадочное, мистическое; есть люди, которые станут вас уверять, будто явления, которые я называю паранормальными, имеют своей причиной подземные воды, или электрические токи, или галлюцинации, вызванные отравленным воздухом. Атмосферное давление, солнечные пятна, сейсмические толчки — у каждого из этих объяснений есть свои защитники из

числа скептиков. Люди, — печально продолжал доктор, — всегда стремятся вытащить загадку на свет и дать ей название, сколь угодно бессмысленное, лишь бы оно звучало по-научному. — Он вздохнул, успокаиваясь, и лукаво улыбнулся слушателям. — Дом с привидениями. Все смеются. Коллегам в университете мне пришлось сказать, что я отправляюсь летом в поход.

— Я сообщила всем, что участвую в научном эксперименте, — вставила Теодора. — Не объясняя, конечно, в каком и где.

— Вероятно, ваши друзья относятся к научным экспериментам иначе, чем мои. — Доктор снова вздохнул. — В поход. В мои-то годы. И тем не менее в *это* они поверили. Да. — Он расправил плечи и пошарил рукой, словно что-то ища — возможно, указку. — Впервые я услышал про Хилл-хаус год назад от бывшего съемщика. Для начала он заверил меня, что съехал отсюда, поскольку его семья не хотела жить в такой глуши, а закончил тем, что, по его мнению, дом надо сжечь, а само место засыпать солью. Я навел справки о других арендаторах и выяснил, что никто из них не прожил в Хилл-хаусе дольше нескольких дней, и уж точно — никто не оставался здесь до конца оговоренного срока. Причины

назывались самые разные, например сырость — что, кстати, неправда, в доме очень сухо — или необходимость срочно перебраться в другое место по причинам делового характера. Так или иначе, всякий съемщик, покинувший Хилл-хаус, торопливо выдумывал вполне рациональный предлог, и тем не менее все они отсюда сбежали. Разумеется, я пытался добыть сведения из первых рук, однако все опрошенные мною жильцы крайне неохотно делились информацией и всячески избегали вспоминать частности своего здесь пребывания. В одном они были единодушны. Каждый, хоть сколько-нибудь пробывший в Хилл-хаусе, убеждал меня держаться отсюда подальше. Никто из бывших арендаторов не нашел в себе смелости назвать Хилл-хаус домом с привидениями, однако когда я посетил Хиллсдейл и заглянул в газетные архивы…

— Газетные? — переспросила Теодора. — Тут был скандал?

— О да, — ответил доктор. — Грандиозный скандал с безумием, самоубийством и тяжбами. Тогда-то я и выяснил, что у местных жителей мнение о доме однозначное. Разумеется, я выслушал десятки противоречивых версий — вы не поверите, как трудно получить точную информацию

о доме с привидениями и каких трудов стоило добыть даже те немногие сведения, которыми я на данное время располагаю. В итоге я отправился к миссис Сандерсон — тетушке Люка — и договорился об аренде Хилл-хауса. Она не скрывала своего отношения…

— Дом сжечь куда труднее, чем думают, — вставил Люк.

— …но согласилась на короткое время пустить меня сюда для научных исследований, при условии что к нам присоединится один из членов семьи.

— Она надеется, — торжественно произнес Люк, — что я уговорю вас не вытаскивать на свет божий очаровательные старые скандалы.

— Итак, я объяснил, как сам оказался здесь и почему с нами Люк. Что до вас, дамы, как всем нам уже известно, вы здесь, потому что я вам написал, а вы приняли мое приглашение. Я надеялся, что каждая из вас сможет по-своему стать своего рода резонатором для действующих в доме сил: в прошлом Теодора демонстрировала способности к телепатии, а Элинор стала непосредственной свидетельницей и участницей полтергейста…

— Я?!

— Конечно. — Доктор наградил ее удивленным

взглядом. — Много лет назад, в детстве. Камни…

Элинор нахмурилась и помотала головой. Пальцы, сжимающие ножку бокала, дрожали. Наконец она проговорила:

— Это были соседи. Мама говорила, что соседи. Люди так завистливы.

— Возможно, — кивнул доктор, улыбнувшись Элинор. — Разумеется, случай давным-давно позабыт. Я упомянул о нем с единственной целью — объяснить, зачем я вас сюда пригласил.

— В моем детстве, — лениво протянула Теодора, — «много лет назад», как тактично выразился доктор, меня выпороли за то, что я бросила кирпич в стекло теплицы. Помню, я долго об этом думала, вспоминала порку — но и чудесный звон тоже — и по основательном размышлении пошла и снова бросила в теплицу кирпич.

— Я довольно плохо помню… — неуверенно сказала Элинор доктору.

— Но почему? — спросила Теодора. — Ладно, я верю, что Хилл-хаус считается нехорошим домом и вы, доктор Монтегю, пригласили нас сюда для наблюдений — держу пари, еще и потому, что не хотели жить здесь в одиночестве, — но я все равно не понимаю. Это жуткий старый дом, и если бы я его сняла, то при первом взгляде на ве-

стибюль потребовала бы деньги обратно, однако в чем тут дело? Что всех так пугает?

— Не знаю, — ответил доктор. — Я не могу назвать то, что не имеет названия.

— Мне так и не объяснили, что происходит, — с жаром обратилась Элинор к доктору. — Мама сказала, это соседи, они злятся на нас за то, что мы до них не снисходим. Мама…

Люк перебил ее.

— Думаю, — медленно и раздельно произнес он, — нам всем нужны факты. Что-то, что мы сумеем понять и сложить.

— Во-первых, — сказал доктор, — я задам вам вопрос. Хотите ли вы уехать? Советуете ли вы нам всем собрать чемоданы, предоставить Хилл-хаус самому себе и больше никогда не иметь с ним дела?

Он посмотрел на Элинор. Та стиснула руки и подумала: вот еще один шанс уехать, а вслух сказала: «Нет» — и смущенно покосилась на Теодору.

— Я сегодня вечером вела себя немного по-детски, — сказала она. — Испугалась, как маленькая.

— Элинор говорит не всю правду, — вступилась за нее Теодора. — Я струхнула не меньше; мы обе

до смерти переполошились из-за кролика.

— Кролики — жуткие создания, — поддержал ее Люк.

Доктор рассмеялся.

— Полагаю, мы все сегодня вечером были немного нервные. Как-никак это потрясение — повернуть за угол и увидеть Хилл-хаус целиком.

— Я думал, доктор врежется в дерево, — подтвердил Люк.

— Теперь я очень смелая — в теплой комнате у камина вместе со всеми, — сказала Теодора.

— Мне кажется, мы не можем уехать, даже если захотим. — Элинор произнесла фразу раньше, чем поняла, что собирается сказать или какое впечатление произведет это на остальных. Поймав их недоуменные взгляды, она рассмеялась и добавила: — Миссис Дадли нас не простит.

Она не знала, поверили ли остальные трое ее объяснению, и подумала: может быть, мы уже попались и дом нас не отпустит.

— Давайте выпьем еще немного бренди, — предложил доктор, — и я расскажу вам историю Хилл-хауса. — Он снова занял лекторскую позицию у камина и начал — медленно, нарочито бесстрастно, как будто повествовал о давно умерших королях и войнах давно прошедших

столетий: — Хилл-хаус был выстроен восемьдесят с лишним лет назад неким Хью Крейном в расчете на детей и внуков; без сомнения, он и сам надеялся окончить тут свой век в удобстве и роскоши. Увы, едва ли не с первого дня Хилл-хаус преследовали несчастья. Жена Хью Крейна погибла за минуты до того, как увидела дом: карета перевернулась на подъездной аллее, и молодую женщину внесли «бездыханной» — кажется, в пересказе истории стояло это слово — в выстроенный для нее дом. Хью Крейн, у которого на руках остались две маленькие дочки, озлобился и затосковал, однако из Хилл-хауса не уехал.

— Дети росли здесь? — недоверчиво переспросила Элинор.

Доктор улыбнулся.

— В доме, как я сказал, сухо. В округе нет болот, вызывающих лихорадку, сельский воздух полезен для здоровья, сам дом считался роскошным. Я вполне допускаю, что двое маленьких детей могли здесь играть. Им, возможно, было тут одиноко, но отнюдь не плохо.

— Надеюсь, они бродили босиком по ручью, — сказала Теодора, глядя в огонь. — Бедняжки. Может, их все-таки иногда выпускали на луг — бегать и рвать цветы.

— Отец женился еще раз, — продолжал доктор. — Вернее, еще два раза. Ему крайне… э-э… не везло в браке. Вторая миссис Крейн погибла при падении — хотя я не сумел выяснить, когда и как это произошло. Ее смерть была такой же трагически неожиданной, как и смерть предшественницы. Третья миссис Крейн скончалась от чахотки где-то в Европе; в библиотеке Хилл-хауса вроде бы хранятся открытки, которые присылали девочкам отец и мачеха из различных санаториев. Девочки жили здесь на попечении гувернантки; после смерти третьей жены Хью Крейн остался за границей, а дочерей отправил к родственнице их матери, у которой они и находились до совершеннолетия.

— Надеюсь, мамина родственница была повеселее старого Хью, — заметила Теодора, по-прежнему угрюмо глядя в огонь. — Страшно подумать, что дети росли в темноте, как шампиньоны.

— Сами они были другого мнения, — сказал доктор. — До конца жизни сестры спорили из-за Хилл-хауса. Хью Крейн, потерявший надежду на династию, вотчиной которой будет Хилл-хаус, умер в Европе вскоре после жены. Дом оказался в совместном владении сестер, к тому времени уже барышень — по крайней мере, старшая начала

выезжать в свет.

— Сделала себе высокую прическу, научилась пить шампанское и играть веером…

— Хилл-хаус долгие годы пустовал, однако поддерживался в жилом состоянии: сперва думали, что вернется Хью Крейн, затем, после его смерти, что здесь поселится какая-нибудь из дочерей. Очевидно, на каком-то этапе они приняли решение, что Хилл-хаус достанется старшей. Младшая вышла замуж…

— А, — сказала Теодора, — так *младшая* вышла замуж. Наверняка увела кавалера у старшей.

— Утверждают, что старшую сестру и впрямь обманул возлюбленный, — подтвердил доктор. — Впрочем, так говорят почти о каждой даме, которая по той или иной причине предпочла остаться одна. Итак, здесь поселилась старшая. Видимо, она унаследовала отцовский характер: прожила тут много лет одна, почти затворницей, хотя в Хиллсдейле ее знали. Как ни странно вам это покажется, она искренне любила Хилл-хаус и считала его своим родовым гнездом. Со временем она поселила у себя местную девушку в качестве компаньонки; насколько я понимаю, тогда в Хиллсдейле не было сильного предубеждения против этого дома, поскольку старая мисс

Крейн — как ее, естественно, стали называть — нанимала там слуг, а решение взять деревенскую девушку в компаньонки расценили как проявление доброты. Между сестрами кипела неослабная вражда: младшая утверждала, что уступила дом в обмен на некие фамильные ценности, довольно значительные, которые старшая теперь отказывается отдавать. В списке фигурировали украшения, старинная мебель и тарелки с золотой каймой — последние почему-то служили для младшей сестры источником особого раздражения. Миссис Сандерсон любезно разрешила мне порыться в коробке с семейными бумагами, и я нашел несколько писем, полученных мисс Крейн от сестры, — в каждом из них о тарелках говорится с неутихающей болью. Так или иначе, старшая сестра умерла от пневмонии здесь, в доме, в обществе одной лишь компаньонки. Впоследствии возникли слухи, будто врача вызвали слишком поздно и старуха лежала наверху одна, пока молодая особа любезничала в саду с кавалером, но я подозреваю, что все это наговоры. Насколько я понял, эта версия возникла не сразу; более того, почти все обвинения исходят непосредственно от младшей сестры, которая так и не успокоилась в своей ненависти.

— Не нравится мне младшая сестра, — объявила Теодора. — Сперва увела у старшей жениха, затем пыталась украсть тарелки. Неприятная особа.

— С Хилл-хаусом связан внушительный список трагедий, но, полагаю, в этом он мало отличен от других старых домов. Люди где-то живут и умирают; вряд ли дом может простоять восемьдесят лет без того, чтобы кто-нибудь не скончался в его стенах. После смерти мисс Крейн началась тяжба из-за Хилл-хауса. Компаньонка утверждала, что он завещан ей, младшая сестра с мужем настаивали, что дом по закону принадлежит им и компаньонка обманом вынудила старшую сестру отписать ей собственность, которая всегда предназначалась младшей. Неприятная история, как все семейные склоки, и, как во всех семейных склоках, обе стороны позволяли себе немыслимо жестокие и грубые выпады. Компаньонка в суде показала под присягой — и здесь, полагаю, мы видим первый намек на Хилл-хаус во всей его красе, — что младшая сестра приходила в дом по ночам и воровала вещи. Когда ее попросили изложить обвинения подробнее, она заговорила очень сбивчиво и нервно, а на требование привести хоть какие-нибудь доказательства, со-

общила, что пропали серебряный сервиз, дорогой комплект эмалей, а также знаменитые тарелки с золотой каймой, которые, если подумать, крайне затруднительно было бы выкрасть. Младшая сестра в ответ назвала ее убийцей и потребовала расследовать обстоятельства смерти старой мисс Крейн, положив начало толкам о сознательном оставлении без помощи. Я не нашел свидетельств, что ее слова были кем-либо восприняты всерьез. В местных газетах нет ничего, кроме официального извещения о смерти, — и будь в сопутствующих обстоятельствах что-нибудь необычное, несомненно, жители деревни заинтересовались бы первыми.

Компаньонка выиграла процесс и, думаю, выиграла бы второй — о клевете, — если бы решила его затеять. Теперь дом по закону принадлежал ей, однако младшая сестра не отказалась от своих притязаний — она засыпала несчастную компаньонку письмами и угрозами, обвиняла ее во всех смертных грехах, где только могла, а в местных полицейских архивах зафиксирован по меньшей мере один случай, когда компаньонка вынуждена была просить защиты от ненавистницы, гнавшейся за ней с метлой. Компаньонка жила в постоянном страхе из-за ночных краж — она на-

стойчиво уверяла, будто кто-то проникает в дом и уносит вещи; мне попалось горестное письмо, в котором она сетует, что после смерти благодетельницы ни одной ночи не спала спокойно. Как ни странно, симпатии Хиллсдейла были целиком на стороне младшей сестры — возможно, потому, что компаньонка, бывшая деревенская девушка, стала теперь владетельной дамой. Понимаете, никто не думал, что она убила хозяйку, но все охотно считали ее мошенницей, ибо и сами были не прочь при случае смошенничать. Людская молва всегда жестока. Когда бедняжка покончила с собой…

— Покончила с собой? — Элинор даже привстала. — Ей пришлось покончить с собой?

— Вы хотите спросить, был ли у нее другой способ избавиться от мучительницы? Сама она, очевидно, считала, что нет. В Хиллсдейле ее самоубийство объяснили муками больной совести. Я более склонен к другой версии: думаю, бедняжка принадлежала к разряду тех упрямых неумных женщин, которые намертво держат то, что считают своим, но не способны вынести постоянных нападок. Определенно ей нечего было противопоставить клеветническим измышлениям младшей сестры, деревенские друзья от

нее отвернулись, и она явно сходила с ума от навязчивой мысли, что замки и засовы не в силах преградить путь недругам, обкрадывающим ее дом по ночам.

— Ей следовало бежать из дома как можно дальше, — сказала Элинор.

— В каком-то смысле она так и поступила. Я действительно считаю, что бедняжку сжили со свету. Кстати, она повесилась. По слухам — в башенке на крыше, но если в доме есть башенка, вряд ли слухи позволят вам повеситься где-нибудь еще. После смерти компаньонки Хилл-хаус отошел ее дальним родственникам Сандерсонам, на которых младшей сестре было куда труднее возвести поклеп, тем более что сама она к тому времени отчасти выжила из ума. Миссис Сандерсон рассказала, что, когда семья — то есть родители ее мужа — впервые приехала смотреть Хилл-хаус, младшая сестра их подкараулила и принялась выкрикивать оскорбления с обочины дороги, откуда ее и забрали в местный полицейский участок. На этом роль младшей сестры в истории, насколько я могу понять, закончилась: с того дня, как первые Сандерсоны ее спровадили, и до краткого сообщения о смерти несколькими годами позже она, по-видимому, молча лелеяла

свои обиды и Сандерсонов больше не трогала. Что любопытно, во всех своих гневных тирадах она упорно стояла на одном: ни при каких обстоятельствах она бы не пришла в Хилл-хаус ночью — для кражи или для чего-либо еще.

— А что-нибудь и правда украли? — спросил Люк.

— Как я уже говорил, компаньонка под нажимом сказала, что вроде бы какие-то вещи и впрямь пропали, но не смогла твердо в этом поручиться. Понятно, что история о ночных вторжениях значительно повлияла на репутацию Хилл-хауса. Сандерсоны так и не стали в нем жить. Они провели в доме несколько дней, рассказывая местным жителям, что готовятся туда переехать, затем внезапно укатили, сообщив, что неотложные обстоятельства требуют перебраться в город. Однако у местных жителей было свое объяснение. С тех пор никто не провел в доме больше нескольких дней кряду. Много лет он предлагается на продажу или в аренду. Уф, долгая история. Мне нужно выпить еще бренди.

— Бедные девочки, — сказала Элинор, глядя в огонь. — Так все время и представляю, как они ходят по темным комнатам, пытаются играть в куклы — может быть, здесь или в спальнях

наверху.

— Значит, старый дом просто стоит тут. — Люк осторожно тронул пальцем мраморного купидона. — Все на своих местах, ничто не используется, ничего больше никому не нужно. Просто стоит и думает.

— И ждет, — сказала Элинор.

— И ждет, — подтвердил доктор, затем добавил медленно: — Полагаю, зло заключено главным образом в самом доме. Он порабощает и уничтожает людей, ломает их судьбы. Это замкнутое средоточие злой воли. Что ж. Завтра вы увидите его целиком. Сандерсоны, еще когда думали здесь жить, провели воду, электричество и телефон, но в остальном дом не изменился.

— Ну, — сказал Люк после недолгой паузы, — я уверен, мы замечательно тут устроимся.

5

Элинор неожиданно для себя залюбовалась собственными ногами. Теодора в полудреме сидела у камина совсем рядом, и, переведя взгляд с нее на свои красные босоножки, Элинор с удовольствием подумала: как красиво смотрятся в них мои ноги, какой я цельный и самодостаточный человек, начиная с туфель и заканчивая

макушкой, отдельная личность, не похожая на других. У меня есть красные туфли, потому что это особенность Элинор, один из ее атрибутов. Я не люблю омаров и сплю на левом боку, я не выкидываю пуговицы от старой одежды, а когда нервничаю, то сцепляю пальцы. Я держу в руке бокал с бренди, поскольку он мой и я из него пью и поскольку я с полным правом нахожусь в этой комнате. У меня есть красные туфли, а завтра я проснусь и по-прежнему буду здесь.

— У меня есть красные туфли, — сказала она очень тихо.

Теодора повернула голову и улыбнулась.

— Я хотел… — и доктор с бодрой надеждой оглядел собравшихся, — я хотел спросить, все ли играют в бридж?

— Конечно, — ответила Элинор. Я играю в бридж, подумала она, у меня была кошка по кличке Балерина; я умею плавать.

— А я, к сожалению, нет, — сказала Теодора.

Остальные трое в отчаянии уставились на нее.

— Совсем? — спросил доктор.

— Одиннадцать лет я играла в бридж два раза в неделю, — сказала Элинор. — С матерью, ее адвокатом и его женой. Уж на таком-то уровне ты точно можешь играть.

— Может, вы меня научите? — спросила Теодора. — Я быстро схватываю игры.

— О боже, — простонал доктор, а Элинор и Люк рассмеялись.

— Мы придумаем другое занятие, — сказала Элинор вслух, а про себя добавила: я играю в бридж, я люблю яблочный пирог со сметаной, и я сама приехала сюда на машине.

— Нарды, — горестно произнес доктор.

— Я сносно играю в шахматы, — сказал Люк доктору.

Тот сразу приободрился.

Теодора упрямо скривила губы.

— Я не думала, что мы приехали сюда *играть*, — сказала она.

— Отдых, — неопределенно ответил доктор.

Теодора обиженно пожала плечами и снова уставилась в огонь.

— Я принесу доску, если скажете откуда, — предложил Люк.

Доктор улыбнулся.

— Лучше схожу я. Не забудьте, я изучил план дома. Если мы отпустим вас бродить в одиночку, то можем потом не найти.

Когда дверь за ним закрылась, Люк быстро взглянул на Теодору и, подойдя к Элинор, встал

рядом с ней.

— Вас история не напугала?

Элинор замотала головой, и Люк сказал:

— Что-то вы бледная.

— Мне, наверное, надо было давно лечь, — ответила Элинор. — Я еще никогда не проводила столько времени за рулем.

— Бренди поможет вам скорее уснуть. И вам, — добавил Люк, обращаясь к Теодориному затылку.

— Спасибо, — холодно проговорила Теодора, не оборачиваясь. — Я всегда легко засыпаю.

Люк понимающе ухмыльнулся Элинор. Тут дверь открылась, и вошел доктор.

— Чего только не померещится, — посетовал тот, ставя доску на стол. — Ну и дом!

— Что-нибудь произошло? — спросила Элинор.

Доктор мотнул головой.

— Наверное, нам надо договориться не ходить по дому в одиночку, — сказал он.

— Что случилось? — настаивала Элинор.

— Просто воображение шалит… Ну что, попробуем за этим столом, Люк?

— Какие восхитительные старые шахматы, — сказал Люк. — Удивляюсь, что младшая сестра их проглядела.

— Вот что я вам доложу, — объявил доктор. —

Если младшая сестра и впрямь проникала сюда по ночам, то у нее были железные нервы. Он за вами следит. Дом то есть. Следит за каждым вашим шагом… Разумеется, все это шутки моего воображения.

Лицо Теодоры в свете камина по-прежнему было надутым и обиженным; а она любит внимание, внезапно поняла Элинор и, не раздумывая, пересела к ней. За спиной слышался стук расставляемых на доске фигур и негромкие голоса примеряющихся друг к другу Люка и доктора, в камине плясали язычки пламени и потрескивали угли. С минуту Элинор ждала, что Теодора заговорит, потом спросила ласково:

— По-прежнему трудно поверить, что ты здесь?

— Я не знала, что тут окажется так скучно, — сказала Теодора.

— Утром у нас будет много дел, — ответила Элинор.

— Дома были бы люди, разговоры, веселье, смех, суета…

— Наверное, я в этом не нуждаюсь, — сказала Элинор, почти оправдываясь. — Я не привыкла веселиться. Сидела с мамой. А когда она засыпала, я раскладывала пасьянс или слушала радио. Чи-

тать не могла совсем, потому что каждый вечер часа два читала ей вслух. Любовные романы.

И она слегка улыбнулась, глядя в огонь. Однако ведь это не все, подумала она удивленно, это не объясняет, каково мне было, даже если бы я хотела объяснить. Так зачем я рассказываю?

— Я ужасно гадкая, да? — Теодора быстро пересела лицом к Элинор и положила ладонь ей на руку. — Сижу и ворчу, что меня никто не развлекает. Я страшная эгоистка. Расскажи мне, какая я плохая.

Ее глаза в свете камина вспыхнули от удовольствия.

— Ты чудовище, — послушно сказала Элинор. Ей было неприятно, что ладонь Теодоры лежит на ее руке — она вообще не любила прикосновений. Однако именно так Теодора выражала раскаяние, сочувствие или приязнь. У меня хоть ногти чистые? — подумала Элинор и легонько отодвинула руку.

— Я чудовище, — заявила Теодора — к ней снова вернулось хорошее настроение. — Я чудовище, свинья и абсолютно невыносима. Ну вот. А теперь расскажи о себе.

— Я чудовище, свинья и абсолютно невыносима.

Теодора рассмеялась.

— Не дразни меня. Ты милая, добрая и всем нравишься. Люк влюбился в тебя по уши, и я ревную. Теперь я хочу знать про тебя все. Ты правда много лет ухаживала за матерью?

— Да, — сказала Элинор. Ногти у нее и впрямь были грязные, а руки — уродливые, и люди часто шутят насчет влюбленностей, потому что иногда это смешно. — Одиннадцать лет, пока она не умерла три месяца назад.

— Ты горевала? Сказать тебе, что я соболезную?

— Нет. Она была несчастлива.

— И ты тоже?

— И я тоже.

— И что потом? Что ты сделала, когда освободилась?

— Я продала дом, — сказала Элинор. — Мы с сестрой взяли кое-что из вещей, что захотели. Там и выбирать-то было не из чего — всякие мелочи, которые сберегла мать. Отцовские часы, старые украшения. Не как у сестер из Хилл-хауса.

— А все остальное продала?

— Все. Как только смогла.

— И тут же ударилась в безумный разгул, который и привел тебя в Хилл-хаус.

— Не совсем, — рассмеялась Элинор.

— Но столько лет растрачено впустую! Отправилась ли ты в круиз искать блестящих кавалеров, накупила ли себе нарядов?

— Увы, — сухо ответила Элинор, — денег получилось не так и много. Моя сестра положила свою долю в банк на образование дочери. Я действительно купила какую-то одежду, чтобы поехать в Хилл-хаус.

Люди любят отвечать на вопросы о себе, подумала она. Какое странное удовольствие! Сейчас я отвечу на что угодно.

— А что будешь делать, когда вернешься? У тебя есть работа?

— Пока нет. Не знаю, чем займусь.

— А вот я знаю. — Теодора блаженно потянулась. — Включу весь свет в нашей квартире и буду блаженствовать.

— Какая у тебя квартира?

Теодора пожала плечами.

— Чудесная. Мы сами сделали ремонт. Одна большая комната и две маленькие, уютная кухонька — мы покрасили ее в красный и белый цвета и натащили кучу старой мебели с барахолки. Столик с мраморной столешницей — просто чудо. Нам нравится выискивать старые вещи.

— Ты замужем? — спросила Элинор.

Наступила пауза, потом Теодора коротко рассмеялась.

— Нет.

— Прости, — сказала Элинор, ужасно смущенная. — Я не хотела лезть не в свои дела.

— Ты смешная. — Теодора пальцем тронула щеку Элинор. У меня морщинки в углах глаз, подумала та и отвернулась от света.

— Расскажи мне, где ты живешь, — попросила Теодора.

Элинор посмотрела на свои уродливые руки. Это нечестно, подумала она, нам вполне по средствам было бы нанять прачку. У меня ужасные руки.

— У меня маленькая квартирка, — медленно начала она. — Наверняка меньше, чем у тебя, и я живу в ней одна. Я еще не закончила ее обставлять. Покупаю вещи по одной, потому что хочу устроить все, как задумала. Белые занавески. Я несколько недель искала маленьких каменных львов на каминную полку — теперь они стоят по ее углам. У меня есть белая кошка, книги, пластинки и репродукции. Все должно быть в точности, как я хочу, ведь это только для меня. Когда-то у меня была синяя чашка со звездами

внутри — заглядываешь в чашку с чаем, а она полна звезд. Я хочу такую.

— Может быть, она как-нибудь объявится в моем магазинчике, — сказала Теодора. — Тогда я пришлю ее тебе. Однажды ты получишь посылку с надписью: «Элинор с любовью от ее подруги Теодоры», и внутри окажется чашка, полная звезд.

— Я бы украла эти тарелки с золотой каймой, — со смехом промолвила Элинор.

— Мат, — сказал Люк.

Доктор заохал.

— Мне просто повезло, — бодро заверил Люк. — Дамы, вы там не заснули у камина?

— Скоро заснем, — ответила Теодора.

Люк прошел через комнату и протянул руки, помогая обеим встать. Элинор, неловко поднимаясь, чуть не упала. Теодора вскочила легко, потянулась и зевнула.

— Тео хочет спать, — сообщила она.

— Мне придется проводить вас наверх, — объявил доктор. — Завтра будем учиться находить дорогу сами. Люк, придвинешь к камину экран?

— А не надо ли проверить, заперты ли двери? — спросил Люк. — Заднюю миссис Дадли наверняка заперла, когда уходила, но как насчет остальных?

— Вряд ли кто-нибудь захочет сюда проникнуть, — сказала Теодора. — И потом, компаньонка запирала двери, а что толку?

— А если мы захотим выбраться? — спросила Элинор.

Доктор быстро глянул на нее и тут же отвел взгляд.

— Думаю, нет надобности запирать двери, — произнес он тихо.

— Да уж, деревенских грабителей точно можно не опасаться, — заметил Люк.

— Так или иначе, — сказал доктор, — в ближайший час или чуть больше я не усну; в мои годы совершенно необходимо почитать перед сном час-полтора, и я предусмотрительно захватил «Памелу». Если кто-нибудь мучается бессонницей, могу почитать вслух. Я еще не встречал человека, которого не усыпило бы чтение Ричардсона. — С этими тихими словами он провел их по узкому коридору и через вестибюль к лестнице. — Я всегда собирался опробовать этот метод на маленьких детях.

Элинор поднималась по лестнице вслед за Теодорой; только сейчас она поняла, как сильно устала: каждая ступенька давалась с трудом. Она упорно напоминала себе, что находится в

Хилл-хаусе, но даже синяя комната означала в данную минуту лишь кровать с синим стеганым одеялом.

— С другой стороны, — продолжал доктор у нее за спиной, — роман Филдинга, сопоставимый по длине, но отнюдь не по содержанию, совсем не годится для маленьких детей. Я сомневаюсь насчет Стерна…

Теодора подошла к двери в зеленую комнату и обернулась с улыбкой.

— Если хоть немного занервничаешь, — сказала она Элинор, — прибегай ко мне.

— Спасибо, обязательно, — с жаром ответила Элинор. — Спокойной ночи.

— …и уж точно не выбрал бы Смоллетта. Дамы, Люк, я здесь, по другую сторону лестницы…

— Какого цвета ваши комнаты? — не сдержалась Элинор.

— Желтая, — удивленно ответил доктор.

— Розовая. — Люк изящным жестом выразил свое отвращение.

— Наши — синяя и зеленая, — сказала Теодора.

— Я не засну, буду читать, — повторил доктор. — Дверь я оставлю приоткрытой и точно услышу любой звук. Доброй ночи, крепкого сна.

— Доброй ночи, — сказал Люк. — Доброй ночи

всем.

Закрыв за собой дверь синей комнаты, Элинор подумала, что, наверное, ее так вымотали темнота и давящая атмосфера Хилл-хауса. И внезапно это стало неважно. Синяя кровать была неимоверно мягкой. Странно, думала Элинор в полудреме, дом должен быть таким страшным, и в то же время тут столько хорошего — мягкая постель, прелестная лужайка, огонь в камине, готовка миссис Дадли. И общество тоже… сразу за этой мыслью пришла другая: теперь я одна и могу о них думать. Зачем здесь Люк? И зачем здесь я? Все пути ведут к свиданью. Они видели, что я напугана.

Элинор поежилась и села, чтобы натянуть на себя одеяло, потом резко соскользнула с кровати, босиком подошла к двери и повернула ключ. Ей было зябко и немножко смешно. Никто не узнает, что я заперлась, подумала Элинор, быстро залезая в постель. Через минуту она поймала себя на том, что опасливо поглядывает на окно, тускло поблескивающее в темноте, и на дверь. Надо было захватить снотворное — и она вновь судорожно посмотрела через плечо, на окно, и снова на дверь. Неужто приоткрывается? Не может быть, я ведь ее закрыла.

Думаю, решила она вполне определенно, мне станет лучше, если нырнуть под одеяло с головой. Лежа в своем темном укрытии, Элинор хихикнула и тут же порадовалась, что никто больше ее не слышит. В городе она никогда не накрывалась целиком. Я проехала сегодня весь этот путь, была ее последняя мысль перед тем, как уснуть.

Она спала в темном надежном коконе. В соседней комнате спала Теодора, улыбаясь, с включенным светом. В другом конце коридора доктор читал «Памелу», время от времени приподнимая голову и вслушиваясь. Раз он подошел к двери, выглянул в коридор и с минуту стоял так, прежде чем возвратиться к книге. Ночник освещал верхние ступени лестницы над черным омутом вестибюля. Люк спал. Рядом на тумбочке лежали фонарик и талисман, который он всюду таскал с собой. Дом вокруг них хранил настороженное молчание, и лишь иногда по этажам как будто пробегала легкая дрожь.

В шести милях(*) отсюда миссис Дадли проснулась, глянула на часы, подумала о Хилл-хаусе и быстро закрыла глаза. Миссис Глория Сандерсон, владелица Хилл-хауса, живущая в трехстах

(*) Примечания: *

6 миль ≈ 9,6 км

милях[*] от него, отложила детективный роман, зевнула и потянулась к выключателю ночника, рассеянно пытаясь вспомнить, закрыла ли входную дверь на цепочку. В квартире Теодоры свет давно был погашен, слышалось сонное дыхание. Спали жена доктора и сестра Элинор. Далеко, в деревьях над Хилл-хаусом закричала сова, а к рассвету начался мелкий дождик, скучный и моросящий.

(*) Примечания: *
300 миль ≈ 483 км

Часть IV

1

Элинор проснулась и увидела, что синяя комната из-за дождя стала серой и бесцветной. Сбитое одеяло лежало в ногах. На часах было уже больше восьми. Какая ирония, подумала Элинор: впервые за много лет я крепко проспала ночь напролет — и надо же, именно в Хилл-хаусе. Она лежала на синей постели и полусонно разглядывала лепнину в тусклой глубине потолка. Что я говорила вчера? Выставила ли я себя дурой? Смеялись ли надо мной?

Торопливо перебирая в памяти прошлый вечер, она вспомнила только, что была — наверняка была — какой-то по-детски довольной, почти счастливой. Насмешила ли я их своей наивностью? Я говорила глупости, и, конечно, они это заметили. Сегодня я постараюсь быть сдержанней, не буду столь явственно показывать, как благодарна, что меня приняли в компанию.

Тут она окончательно проснулась, тряхнула головой и со вздохом сказала себе, как говорила каждое утро: ах, Элинор, Элинор, какая же ты

глупая девочка.

Пространство вокруг нее явственно оживало: она была в синей комнате Хилл-хауса, на окнах легонько колыхались синие шторы, из ванной доносился громкий плеск: очевидно, Теодора уже встала, наверняка голодна и спешит одеться раньше других. «Доброе утро!» — крикнула Элинор, и Теодора ответила, отдуваясь: «Доброе утро! Я уже сейчас вылезаю. Оставлю тебе воду в ванне. Небось умираешь с голода? Я так точно умираю».

Неужто Теодора воображает, будто я не приму ванну, если не оставить ее налитой? — подумала Элинор и тут же устыдилась. Я не для того сюда приехала, чтобы так думать, одернула она себя и, соскочив с постели, подошла к окну. Перед ней была крыша террасы и лужайка внизу с кустами и купами окутанных туманом деревьев. Дальше угадывалась тропка к ручью, хотя мысль о веселом пикнике на берегу сегодня утром уже не казалась такой заманчивой. Дождик явно зарядил на весь день, но это был летний дождь, от которого трава и деревья становятся зеленее, а воздух — свежее и чище. Тут прелестно, подумала Элинор, удивляясь собственным ощущениям, любопытно, кто-нибудь до меня находил Хилл-хаус прелестным?

И тут ее словно обдало холодом: может быть, все находили. В первый день.

Она поежилась, чувствуя в то же время необъяснимое радостное волнение, мешавшее вспомнить, почему в Хилл-хаусе странно просыпаться счастливой.

— Я умираю от голода! — Теодора замолотила в дверь ванной, и Элинор быстро схватила халат. — Учти, сегодня ты должна быть как солнечный лучик! — крикнула Теодора из своей комнаты. — День ужасно хмурый, мы просто обязаны его озарить!

Кто до завтрака поет, тот заплачет перед сном, напомнила себе Элинор, заметив, что вновь вполголоса напевает «полно медлить, счастье хрупко».

— Я считала себя лентяйкой, — самодовольно продолжала Теодора через дверь, — но до тебя мне как до луны. Ты просто исключительная копуша. Сколько можно намываться? Уже чистая, идем есть.

— Миссис Дадли подает завтрак в девять. Что она подумает, когда мы заявимся довольные и сияющие?

— Она будет рыдать от обиды. Как ты думаешь, кто-нибудь звал ее ночью на помощь?

Элинор критически оглядела намыленную ногу.

— Я спала как убитая.

— И я. Если через три минуты не будешь готова, я приду и утоплю тебя в ванне. Я хочу завтракать!

Элинор думала, что очень давно не наряжалась так, чтобы выглядеть солнечным лучиком, не испытывала голода перед завтраком, не просыпалась с таким ясным ощущением себя и таким желанием за собой ухаживать; даже зубы чистить было на удивление приятно. Все потому, что я выспалась, сказала она себе; только сейчас я по-настоящему поняла, как плохо спала после маминой смерти.

— Еще рассусоливаешь?

— Иду-иду! — Элинор подбежала к двери, вспомнила, что заперла ее с вечера, и тихонько повернула ключ.

Сегодня Теодора была в клетчатом платье — яркое пятно на фоне темных панелей. У Элинор мелькнула мысль: наверняка она получает удовольствие от каждой минуты — когда одевается, или моется, или ест, или спит, или разговаривает. Возможно, ей вообще безразлично, что думают про нее окружающие.

— Ты хоть понимаешь, что мы можем еще час искать столовую? — сказала Теодора. — Хотя вдруг нам оставили карту… Люк и доктор давным-давно встали. Я говорила с ними через окно.

Ну вот, все интересное начали без меня, подумала Элинор, завтра я проснусь раньше и тоже буду разговаривать через окно.

Они спустились по лестнице и прошли через вестибюль. «Здесь», — сказала Теодора, уверенно дергая ручку, но за дверью была сумрачная гулкая комната, которой девушки еще ни разу не видели. «Здесь», — сказала Элинор, но за выбранной ею дверью оказался узкий коридор в маленькую гостиную, где они сидели вчера вечером.

— Это другой конец вестибюля. — Теодора ошарашенно повернулась. — Черт! — Она запрокинула голову и крикнула: — Люк! Доктор! Ау!

Издалека донеслись ответные голоса, и Теодора шагнула к следующей двери.

— Если они думают, — бросила она через плечо, — что я буду вечно метаться по этому гадкому вестибюлю, дергая одну ручку за другой, голодная, как зверь…

— По-моему, сюда, — сказала Элинор. — Там темная комната, а за ней столовая.

Теодора снова аукнула, налетела на какую-то

мебель и чертыхнулась. Тут дверь в другом конце комнаты растворилась, и доктор сказал:

— Доброе утро.

— Гадкий, мерзкий дом, — проворчала Теодора, потирая колено. — Доброе утро.

— Конечно, вы теперь не поверите, — сказал доктор, — но три минуты назад мы оставили все двери открытыми, чтобы вам не искать дорогу. Они захлопнулись у нас на глазах за миг до того, как мы услышали ваш голос. Что ж. Доброе утро.

— Копченая селедка, — подал голос Люк из-за стола. — Доброе утро. Надеюсь, дамы, вы любите копченую селедку на завтрак.

Они прошли сквозь тьму ночи и встретили утро в Хилл-хаусе; теперь они были одна семья и здоровались как близкие люди, садились на те же стулья, что вчера вечером, — за этим столом у каждого из них было свое место.

— Обильный и сытный завтрак в девять часов утра — явно одно из условий миссис Дадли, — продолжал Люк, размахивая вилкой. — Мы уже начали гадать, не предпочитаете ли вы кофе с булочкой в постель.

— В любом другом доме мы добрались бы до столовой куда быстрее, — сказала Теодора.

— Вы правда оставили двери открытыми? —

спросила Элинор.

— Потому мы и поняли, что вы идете, — ответил Люк. — Двери вдруг захлопнулись у нас на глазах.

— Сегодня мы приколотим их гвоздями, чтобы не закрывались, — объявила Теодора. — Я буду ходить взад-вперед по дому, пока не научусь находить еду десять раз из десяти. Я всю ночь спала со светом, — поведала она доктору, — но ничего не произошло.

— Было очень тихо, — кивнул доктор.

— Вы караулили всю ночь? — спросила Элинор.

— Почти до трех, пока «Памела» меня не усыпила. Около двух начался дождь, а до тех пор я не слышал ни звука. Кто-то из девушек один раз вскрикнул во сне…

— Наверное, я, — сказала Теодора без смущения. — Мне приснилась злая младшая сестра у ворот Хилл-хауса…

— Мне тоже. — Элинор посмотрела на доктора, и у нее вырвалось: — Это так стыдно. Я имею в виду, бояться.

— Мы все боимся одинаково, — ответила Теодора.

— Если прятать страх, будет еще хуже, — нази-

дательно произнес доктор.

— Советую до отвала наесться селедкой, — предложил Люк. — Тогда вообще никаких мыслей не останется.

Элинор чувствовала, что разговор, как и вчера, тщательно уводят от темы страха. Возможно, ей позволят иногда высказывать общую боязнь, чтобы другие, успокаивая ее, успокаивались сами и могли больше об этом не говорить. Возможно, ее страхов, которым она так подвержена изначально, хватает на всех. Они как дети, сердито подумала Элинор, каждый подбивает другого идти первым, все готовы обозвать обидными словами того, кто плетется в хвосте. Она отодвинула тарелку и вздохнула.

— Сегодня я не лягу, — говорила Теодора доктору, — пока не обследую здесь все углы. Невозможно полночи гадать, что надо мной и что подо мной. И еще надо открыть часть окон и подпереть двери, чтобы больше не ходить ощупью.

— Повесить таблички, — откликнулся Люк. — Стрелки с надписью: «ВЫХОД».

— Или «ТУПИК», — сказала Элинор.

— Или «ОСТОРОЖНО, МЕБЕЛЬ», — поддержала ее Теодора. Она повернулась к Люку. — Мы обязательно их сделаем.

— Прежде мы все исследуем дом, — сказала Элинор; возможно, чересчур быстро, потому что Теодора взглянула на нее удивленно. — Не хочу, чтобы меня бросили на чердаке или в каком-нибудь таком месте.

— Никто не собирается тебя бросать, — ответила Теодора.

— Тогда я предлагаю, — сказал Люк, — первым делом допить то, что осталось в кофейнике. Затем отправимся нервно бродить по комнатам, силясь отыскать в них какую-нибудь разумную систему и оставляя по пути все двери открытыми. Вот уж не думал, — он скорбно покачал головой, — что мне предстоит унаследовать дом, в котором без табличек можно заблудиться.

— Надо придумать названия для комнат, — сказала Теодора. — Предположим, я назначу Люку тайное свидание в малой парадной гостиной. И как он будет меня искать?

— Придется тебе свистеть, пока я не найду, — ответил Люк.

Теодора поежилась.

— Я буду свистеть и звать, а ты — ходить от двери к двери, все время открывая неправильные. Я буду метаться, не зная, где выход…

— Голодная, — мстительно подсказала Элинор.

Теодора вновь на нее поглядела.

— Голодная, — согласилась она через минуту. — Это просто какой-то ярмарочный павильон ужасов. Комнаты за комнатами без конца, двери захлопываются перед твоим носом… Могу поспорить, где-нибудь есть зеркала, которые сбивают с пути, и воздушные шланги, чтобы у тебя взлетели юбки, и что-нибудь такое, что выскакивает из темного коридора и хохочет в лицо…

Она внезапно умолкла и так быстро схватила чашку, что пролила кофе.

— Все не настолько плохо, — спокойно проговорил доктор. — Вообще-то первый этаж выстроен по плану, который я могу назвать почти концентрическим. В центре — будуар, где мы сидели вечером. Второе «кольцо» составляют несколько комнат — бильярдная, например, и тоскливейший кабинет, целиком отделанный розовым атласом…

— Где мы с Элинор каждое утро будем сидеть за вышиванием…

— Эти комнаты я называю внутренними, потому что у них, как вы помните, нет окон. Их окружает кольцо внешних комнат: гостиная, библиотека, оранжерея…

— Нет, — замотала головой Теодора. — Я все

еще в атласном кабинете и чувствую, что заблудилась.

— Терраса опоясывает весь дом. На нее есть выход из гостиной, из оранжереи, из музыкального салона. Есть еще галерея…

— Хватит-хватит, — со смехом взмолилась Теодора. — Ужасный, гадкий дом.

Отворилась дверь в углу гостиной, и вошла миссис Дадли. Придерживая дверь рукой, чтобы не захлопнулась, она без всякого выражения оглядела стол.

— Я убираю в десять, — заявила она.

— Доброе утро, миссис Дадли, — сказал Люк.

Миссис Дадли скосила на него глаза.

— Я убираю в десять. Тарелки должны стоять на полках. Для ланча я их снимаю. Ланч я подаю в час, но перед этим посуда должна стоять на полках.

— Конечно, миссис Дадли. — Доктор встал и положил на стол салфетку. — Все доели?

Под взглядом экономки Теодора нарочито медленно поднесла к губам чашку, допила кофе, вытерла рот салфеткой и откинулась на стуле.

— Очень вкусный завтрак, — светски произнесла она. — Тарелки из фамильных запасов?

— Тарелки с полок, — ответила миссис Дадли.

— А бокалы, серебро, скатерть? Все такое красивое и старинное.

— Скатерть, — сказала миссис Дадли, — из комода в столовой. Серебро — из буфета. Бокалы — с полок.

— Наверное, вам от нас куча хлопот, — заметила Теодора.

После долгого молчания миссис Дадли ответила:

— Я убираю в десять и подаю ланч в час.

Теодора рассмеялась и встала.

— Вперед! — воскликнула она. — Вперед, вперед! Идемте открывать двери!

Для начала они — весьма разумно — приперли тяжелым креслом дверь из столовой в игровую. То, на что налетела Теодора по пути сюда, оказалось инкрустированным шахматным столиком («И как я его вчера проглядел?» — раздраженно пробормотал доктор); в дальнем конце комнаты стояли карточные столы со стульями и высокий шкаф, из которого доктор накануне доставал шахматы. Там же лежали крокетные шары и

доска для криббиджа.[9]

— Лучшее место для беспечных забав, — заметил Люк, с порога обозревая сумрачное помещение. Зеленое сукно неприятно отражалось в темной облицовке камина, серия охотничьих гравюр, целиком посвященная различным методам убийства диких животных, отнюдь не оживляла темные панели, а со стены над камином в явном смущении смотрела оленья голова.

— Сюда они приходили развлекаться. — Голос Теодоры слабым эхом отразился от высокого потолка. — Отдыхать от гнетущей атмосферы всего остального дома. — Оленья голова смотрела на нее скорбно. — Девочки, — пояснила Теодора. — А нельзя ли как-нибудь снять это жуткое чучело?

— По-моему, оно в тебя влюбилось, — сказал Люк. — Просто не сводит глаз. Идемте отсюда.

Они придвинули дверь креслом и вышли. Вестибюль тускло поблескивал в свете из открытых дверей.

— Как только найдем комнату с окном, откроем его, — заметил доктор, — а для начала распахнем

---

[9] Примечания: 9

Кри́ббидж (криббедж; *англ.* cribbage) — карточная игра для двух игроков, популярная в Англии и США.

Для подсчета очков традиционно используется специальная доска с отверстиями и колышками.

входную дверь.

— Ты вот все время думаешь о девочках, — сказала Элинор Теодоре, — а я не могу забыть бедную одинокую компаньонку, как она бродила по комнатам, гадая, кто тут еще в доме.

Люк с усилием открыл тяжелую парадную дверь и подкатил каменную вазу, чтобы ее подпереть.

— Свежий воздух, — с удовлетворением произнес он.

В вестибюле повеяло теплым ароматом дождя и мокрой травы; с минуту все четверо стояли у порога, отдыхая от атмосферы Хилл-хауса, потом доктор сказал:

— А вот этого никто из вас не ждет. — Он открыл узенькую невысокую дверь рядом с большой парадной и, улыбаясь, отступил в сторону. — Библиотека. В башне.

— Я не могу туда войти.

Элинор сама удивилась своим словам, но это была правда. Струя холодного воздуха, пахнущего сыростью и землей, заставила ее отступить к стене.

— Моя мама… — начала Элинор, не понимая толком, что собирается сказать.

— Вот как? — Доктор взглянул на нее с интере-

сом, потом спросил: — Теодора?

Теодора пожала плечами и шагнула в библиотеку. Элинор поежилась.

— Люк?

Однако Люк был уже внутри.

Со своего места Элинор видела только полукруглую стену и узкую чугунную лестницу, уходящую, надо думать — раз это башня, — вверх и вверх. Элинор зажмурилась. Издалека до нее донесся голос доктора, приглушенный каменными стенами библиотеки.

— Видите вот здесь, сверху, маленький люк? — говорил доктор. — Он ведет на балкон. И разумеется, по наиболее распространенной версии, именно здесь она и повесилась — девушка то есть. Самое подходящее место; на мой взгляд, более подходящее для самоубийства, чем для книг. Считается, что она закрепила веревку на чугунных перилах и шагнула в…

— Спасибо, — ответила Теодора. — Спасибо, я представила во всех подробностях. Сама бы я повесилась на оленьей голове в бильярдной, но, думаю, компаньонка была нежно привязана к башне. Как мило выглядит слово «привязана» в этом контексте, не правда ли?

— Очаровательно. — Голос Люка прозвучал

громче: они вышли из библиотеки в вестибюль, где стояла Элинор. — В этой комнате я устрою ночной клуб. Оркестр будет стоять на балконе, хористки — спускаться по чугунной лестнице. Бар…

— Элинор, — спросила Теодора, — теперь тебе лучше? Комната совершенно ужасная, правильно ты туда не пошла.

Элинор отступила от стены. Руки у нее были ледяные, ей хотелось плакать. Она решительно повернулась спиной к библиотечной двери, которую доктор подпер стопкой книг.

— Вряд ли я стану тут много читать, — проговорила Элинор как можно беспечнее. — Во всяком случае, если книги пахнут так же, как библиотека.

— Я не заметил никакого запаха. — Доктор вопросительно взглянул на Люка, тот мотнул головой. — Странно, — продолжал доктор, — и очень похоже на то, что нас интересует. Запишите все, моя дорогая, и постарайтесь как можно подробнее изложить свои ощущения.

Теодора озадаченно повернулась, глянула на лестницу, потом вновь на входную дверь.

— Здесь две парадные двери? — спросила она. — Я просто запуталась?

Доктор радостно улыбнулся; очевидно, он с нетерпением ждал подобного вопроса.

— Парадная дверь только одна. Та, через которую вы вчера вошли.

Теодора нахмурилась.

— Тогда почему мы с Элинор не видим башню из своих окон? Наши спальни выходят на фасад, и все же…

Доктор рассмеялся и хлопнул в ладоши.

— Наконец-то, — сказал он. — Умница, Теодора. Вот почему я хотел, чтобы вы осматривали дом при свете дня. Ну, садитесь на лестницу, я вам объясню.

Они послушно уселись на ступеньки, а доктор вновь принял лекторскую позу и начал официально:

— Одна из странностей Хилл-хауса заключается в его планировке…

— Ярмарочный павильон ужасов.

— Совершенно точно. Вы не задумывались, почему тут так сложно отыскать путь? В обычном доме мы бы освоились куда быстрее, а здесь то и дело открываем не те двери, нужные комнаты ускользают. Даже я испытываю определенные трудности. — Он вздохнул и кивнул. — Полагаю, старый Хью Крейн рассчитывал, что со време-

нем Хилл-хаус будут показывать за деньги, как дом Винчестеров или многие восьмиугольные здания.[10] Вспомните, что он сам проектировал дом и, как я уже говорил, был со странностями. Каждый угол, — доктор указал на дверь, — слегка отклоняется от прямого. Хью Крейн, видимо, презирал обычных людей с их прямоугольными домами и выстроил собственный на свой вкус. Углы, которые вы по привычке считаете прямыми, поскольку имеете полное право этого ожидать, в действительности больше или меньше на долю градуса. Например, я уверен, что вы считаете горизонтальными ступени, на которых сидите, потому что не готовы к тому, что лестница будет наклонной…

Все беспокойно заерзали, а Теодора даже схва-

---

[10] Примечания: 10

«…Хилл-хаус будут показывать за деньги, как дом Винчестеров…»

Дом принадлежал Саре Винчестер и с 1884 года до ее смерти в 1922 году непрерывно достраивался. История его такова: после кончины дочери и мужа, оружейного магната Уильяма Винчестера, Сара обратилась к медиуму, который сказал, что семью преследуют духи людей, убитых из винчестеров, и единственный способ для нее самой спастись — ни на один день не останавливать строительство. В доме есть лестницы и двери, ведущие в никуда, и прочие средства сбить с толку призраков. С 1923 года и по настоящее время дом открыт для туристов.

«…или многие восьмиугольные здания»

Термин обычно относится к восьмиугольным зданиям, выстроенным в 1850-е годы в США и Канаде, в период кратковременной моды, созданной архитектором-любителем Орсоном Фоулером.

тилась рукой за столбик перил, как будто боялась упасть.

— …слегка наклонены к середине колодца. Двери повешены с небольшим перекосом — возможно, кстати, потому-то они и захлопываются сами собой. Возможно, сегодня утром ваши шаги нарушили хрупкое равновесие дверей. Все эти мелкие погрешности усугубляют куда большее отклонение от прямоугольного плана, свойственное дому в целом. Теодора не видит башню из своего окна, потому что на самом деле башня расположена на углу дома. Из Теодориного окна она совершенно невидима, хотя отсюда кажется, будто она стоит прямо напротив ее спальни. В действительности спальня Теодоры находится пятнадцатью футами(*) левее того места, где мы стоим.

Теодора беспомощно развела руками.

— Жуть, — сказала она.

— Я поняла, — заговорила Элинор. — Нас сбила с толку крыша террасы. Я вижу ее из окна, а поскольку лестница находится напротив входной двери, я думала, что дверь прямо подо мной, хотя…

(*) Примечания: *

15 фут ≈ 4,6 м

— Вы видите только крышу террасы, — подтвердил доктор. — Дверь и башню видно из детской — большой комнаты в конце коридора; мы там сегодня побываем. Это, — голос его стал печальным, — шедевр архитектурной дезориентации. Двойная лестница в Шамборе…[11]

— Так все немного перекошено? — неуверенно начала Теодора. — Поэтому мы и чувствуем себя такими потерянными?

— А что будет, когда попадешь в настоящий дом? — спросила Элинор. — Я про… э-э… *настоящий* дом.

— Наверное, будет как на суше после морского путешествия, — сказал Люк. — От пребывания здесь чувство равновесия настолько исказится, что ты не сразу утратишь привычку к качке, то есть к Хилл-хаусу. А не может быть так, — обратился он к доктору, — что якобы наблюдаемые здесь сверхъестественные феномены — на самом деле следствия легкого расстройства вестибулярного аппарата? Это в ухе, — важно пояснил он Теодоре.

— Безусловно, определенное воздействие

---

[11] Примечания: 11

Шамбор — дворец во Франции, выстроенный королем Франциском I и прославленный, в частности, двойной спиральной лестницей, которую, по легенде, спроектировал Леонардо да Винчи.

есть, — ответил доктор. — Мы слепо доверяем чувству равновесия и разуму, и я вижу, как мозг может вопреки очевидности отчаянно бороться за сохранение привычной картины. Впрочем, нас ждут еще чудеса. Идемте.

Они встали с лестницы и, осторожно проверяя ногами пол, двинулись вслед за доктором по коридору в маленький салон, где сидели вечером, а оттуда — во внешнее кольцо комнат. Они припирали двери стульями и отдергивали тяжелые шторы, впуская в Хилл-хаус свет. В музыкальном салоне арфа не отозвалась на их шаги даже легким треньканьем струн. Рояль стоял плотно закрытый и увенчанный канделябром со свечами, ни к одной из которых никогда не подносили спичку. На мраморном столике помещались восковые цветы под стеклянным колпаком, стулья были золоченые, тонюсенькие, на гнутых ножках. Дальше располагалась оранжерея. Сквозь высокие стеклянные двери они видели дождь снаружи и садовую мебель в густых зарослях папоротника. Здесь было неприятно сыро. Они быстро прошли через сводчатую дверь в гостиную и замерли, не веря своим глазам.

— Ущипните меня, — слабым голосом проговорила Теодора, трясясь от смеха. — Такого не

может быть. — Она замотала головой. — Элинор, ты тоже видишь?..

— Что это?.. — беспомощно выдохнула Элинор.

— Я знал, что вам понравится, — довольно произнес доктор.

Одну сторону гостиной целиком занимала скульптурная группа; на фоне розовато-сиреневых полосатых обоев и ковра с цветочным рисунком мраморная нагота огромных фигур казалась особенно гротескной. Элинор закрыла лицо руками, Теодора повисла у нее на плече.

— По-моему, это должно изображать Венеру, встающую из вод, — заявил доктор.

— А вот и неправда, — обрел голос Люк. — Это святой Франциск исцеляет прокаженных.

— Нет-нет, — сказала Элинор. — Один из них — дракон.

— Ничего подобного, — решительно вмешалась Теодора. — Это же семейный портрет! С первого взгляда видно, что высокая обнаженная — мамочка родная! — мужская фигура в центре — старый Хью. Видите, какой довольный: он поздравляет себя с тем, что выстроил Хилл-хаус. Нимфы — его дочери. Та, что справа потрясает кукурузным початком, на самом деле рассказывает про свой судебный иск. Маленькая с краю — компаньонка,

а на другом краю…

— Миссис Дадли, портрет с натуры, — объявил Люк.

— Трава, на которой они стоят, изображает ковер в столовой, немного подросший. Кто-нибудь обратил внимание на этот ковер? Он похож на нескошенное поле и все время щекочет ноги. На заднем плане — развесистая яблоня, которая…

— Без сомнения, символизирует защиту дома, — сказал доктор Монтегю.

— Страшно подумать, что она может на нас упасть, — проговорила Элинор. — Не может этого случиться, доктор, раз дом такой неуравновешенный?

— Я читал, что скульптура была тщательно и с большими затратами сконструирована нарочно, чтобы уравновесить наклон пола, на котором она стоит. Во всяком случае, ее поставили при строительстве дома, и она до сих пор не упала. И знаете, вполне возможно, что Хью Крейну она даже нравилась. Что он ею восхищался.

— Или пугал детей, — сказала Теодора. — А без скульптуры комната была бы очень даже мила. — Она крутанулась на месте. — Бальная зала для дам в длинных юбках. Места хватит для контрданса. Хью Крейн, позвольте пригласить

вас на танец?

И она сделала перед статуей реверанс.

— Думаю, он согласится. — Элинор невольно отступила на шаг.

— Смотрите, чтобы он не наступал вам на ноги, — рассмеялся доктор. — Вспомните судьбу Дон Жуана.

Теодора осторожно тронула пальцем выставленную руку одной из фигур.

— Мрамор всегда пугает. Всегда не такой, как ждешь. Фигуры в полный рост так похожи на людей, что думаешь, они и на ощупь такие.

Она в одиночку завальсировала по комнате — переливчатое светлое пятно в тусклой полутьме — и, обернувшись, поклонилась статуе.

— В другом конце, — сказал доктор Люку и Элинор, — за портьерами, двери на террасу. Если Теодора разгорячится от танца, она может выйти на холодок.

Он пересек комнату, отодвинул тяжелые портьеры и распахнул двери. И вновь в комнату ворвались теплый запах дождя и ветер. Словно легкий вздох пробежал по мраморным фигурам, на полосатые стены легли прямоугольники света.

— Ничто в этом доме не движется, пока не отведешь взгляд, — сказала Элинор, — а как отведешь, сразу что-нибудь происходит. Вот статуэтки на полках — пока мы стояли к ним спиной, они танцевали с Теодорой.

— Я движусь, — объявила Теодора, приближаясь к ним в танце.

— Цветы под стеклом, — сказал Люк. — Бахрома. Мне положительно нравится этот дом.

Теодора дернула Элинор за волосы.

— Давай наперегонки по террасе! — крикнула она и метнулась наружу.

Элинор, не успев ни ответить, ни задуматься, выбежала следом. Смеясь, она обогнула угол дома и увидела, что Теодора входит в другую дверь. Элинор догнала ее и остановилась, запыхавшись. Они были в кухне, и миссис Дадли, отвернувшись от мойки, смотрела на них молча.

— Миссис Дадли, — вежливо сказала Теодора, — мы осматриваем дом.

Миссис Дадли взглянула на часы над плитой.

— Сейчас половина двенадцатого, — сообщила она. — Я…

— Вы подаете ланч в час, — закончила Теодора. — Мы просто хотели посмотреть кухню. Во всех остальных комнатах внизу мы, кажется,

побывали.

С минуту миссис Дадли стояла неподвижно, затем покорно кивнула и нарочито медленно прошла через кухню к дальней двери. Девушки успели разглядеть черную лестницу; в следующее мгновение миссис Дадли закрыла за собой дверь. Теодора, выждав немного, кивнула ей вслед и заметила:

— Подозреваю, что у миссис Дадли ко мне слабость.

— Наверное, она отправилась вешаться в башенку, — сказала Элинор. — Давай, пока мы здесь, посмотрим, что будет на ланч.

— Только ничего не трогай, — предупредила Теодора. — Ты прекрасно знаешь, что тарелки должны стоять на полке. Слушай, неужто она и впрямь собралась готовить нам суфле? Тут совершенно точно форма для суфле, яйца и сыр…

— Чудесная кухня, — сказала Элинор. — У мамы в доме кухня была темная и тесная, а вся еда получалась бледная и безвкусная.

— А твоя кухня? — рассеянно спросила Теодора. — В твоей квартирке? Элинор, погляди на двери.

— Я не умею готовить суфле, — сказала Элинор.

— Смотри. Вот дверь на террасу, вот на лестницу, ведущую вниз — надо полагать, в погреб. Следующая опять на террасу, потом на лестницу, по которой поднялась миссис Дадли, и…

— Опять на террасу, — сообщила Элинор, открывая дверь. — Три двери на террасу из одной кухни.

— А дальше еще две: в буфетную и в столовую. Наша добрейшая миссис Дадли любит двери, а? И уж точно, — тут их глаза встретились, — здесь с каждой стороны по выходу. Очень удобно, если спешишь убраться с кухни.

Элинор резко повернулась и вышла на террасу.

— Интересно, не поручила ли она Дадли прорубить для нее лишнюю дверь? И насколько ей спокойно в кухне, когда дверь за спиной может в любую минуту открыться? И вообще, что за гости ее там навещают, если ей нужна дверь везде, куда она может метнуться?

— Заткнись, — дружелюбно попросила Теодора. — Всем известно, что у нервной кухарки суфле не получится, а она наверняка подслушивает на лестнице. Давай выйдем через любую из дверей. И придвинем что-нибудь, чтобы не закрылась.

Люк с доктором стояли на террасе и смотрели

на лужайку. Парадная дверь была неожиданно близко, в нескольких шагах от них. Холмы, серые и блеклые за дождем, казалось, нависали прямо над головой. Идя вдоль террасы, Элинор подумала, что впервые видит дом, полностью взятый в кольцо. Как будто стянутый очень тугим поясом. Интересно, если убрать террасу, дом развалится? Она сделала почти полный круг и тут увидела башню. Серая каменная громада, плотно вжатая в дощатую стену и притиснутая вездесущей террасой, словно выпрыгнула из-за угла без всякого предупреждения. Ужасно, мелькнула у Элинор первая мысль, и тут же пришла вторая: если дом сгорит, башня останется стоять над руинами, серая и неприступная, напоминая людям, что к Хилл-хаусу, даже разрушенному, приближаться нельзя. Возможно, кое-где камни выпадут, так что летучие мыши и совы будут залетать внутрь и гнездиться среди книг. Примерно на середине высоты начинались окна со скошенными проемами-бойницами, и Элинор гадала, каково это, смотреть из них, и еще — почему она не смогла войти в башню. Я никогда не посмотрю из этих окон, подумала она, и попыталась вообразить узкую винтовую лестницу, уходящую кругами вверх и вверх. Башня заканчивалась конической

деревянной крышей, увенчанной деревянным же шпилем. В другом доме она выглядела бы смешно, однако здесь, в Хилл-хаусе, была неотъемлемой частью общего замысла. Башня злорадно ждала, пока кто-то маленький выберется через окошко на покатую крышу, ухватится за шпиль, привяжет веревку…

— Ты упадешь, — сказал Люк.

Элинор ойкнула. Она с трудом оторвала взгляд от башни и обнаружила, что сильно отклонилась назад, держась за перила террасы.

— Не доверяй своему чувству равновесия в моем очаровательном Хилл-хаусе, — продолжал Люк.

Она глубоко вдохнула, и тут доски ушли у нее из-под ног. Люк подхватил Элинор и держал, покуда она силилась восстановить равновесие в мире, где лужайка и деревья как будто стояли под углом, а небо шло кругом и заваливалось вбок.

— Элинор? — произнесла рядом Теодора. Слышались быстрые шаги доктора — он бежал к ним по террасе.

— От этого подлого дома только и жди подвоха, — сказал Люк.

— Элинор? — спросил доктор.

— Все хорошо. — Элинор тряхнула головой. Ее

еще немного шатало. — Я откинулась, чтобы разглядеть крышу башни, и у меня поплыло перед глазами.

— Она стояла почти под сорок пять градусов, когда я ее подхватил, — сказал Люк.

— У меня сегодня раз или два было такое чувство, — сообщила Теодора, — будто я иду по стене.

— Отведите ее в дом, — распорядился доктор. — Внутри на самом деле гораздо легче.

— Правда, все уже прошло, — смущенно забормотала Элинор.

Она медленными, неуверенными шагами добралась до парадной двери, которая оказалась закрытой.

— Мы вроде бы ее подперли. — Голос Элинор дрогнул.

Доктор вышел вперед и толкнул тяжелую дверь. Вестибюль за время их отсутствия вернулся в исходное состояние: все двери, которые они оставили нараспашку, были аккуратно закрыты. Когда доктор распахнул дверь в бильярдную, то стало видно, что и дверь в столовую захлопнута, а стул, которым они ее придвинули, стоит на прежнем месте у стены. В будуаре и в гостиной, в салоне и в оранжерее двери и окна были закры-

ты, шторы задернуты. Повсюду вновь воцарилась тьма.

— Это миссис Дадли, — сказала Теодора, плетясь за доктором и Люком, которые быстро переходили из комнаты в комнату, распахивая и припирая двери, рывком отодвигая шторы и впуская в дом теплый сырой воздух. — Вчера миссис Дадли закрыла дверь, как только мы с Элинор отошли, потому что предпочитает закрывать их, не дожидаясь, пока они захлопнутся беспричинно. Двери должны быть закрыты, и окна должны быть закрыты, и тарелки должны быть на полках…

Она залилась дурацким смехом. Доктор обернулся к ней и раздраженно нахмурил брови.

— Миссис Дадли надо запомнить свое место. Иначе я сам приколочу двери гвоздями, чтобы не захлопывались.

Доктор свернул к проходу, ведущему в будуар, и с грохотом шваркнул дверью о стену.

— Главное, не выходить из себя, — добавил он, злобно пиная дверь.

— Херес в салоне перед ланчем, — дружески предложил Люк. — Дамы, прошу.

2

— Миссис Дадли, — сказал доктор, откладывая вилку, — суфле вам удалось.

Экономка мельком взглянула на него и ушла на кухню с пустым блюдом.

Доктор вздохнул и устало повел плечами.

— После вчерашнего ночного бодрствования мне надо вздремнуть днем, а вам, — обратился он к Элинор, — хорошо бы полежать часок. Возможно, всем нам не помешает регулярный дневной отдых.

— Ясно, — весело ответила Теодора. — Заведу себе привычку спать после ланча. Дома она может показаться странной, но тогда я объясню, что такое расписание было у нас в Хилл-хаусе.

— Допускаю, что мы не будем высыпаться по ночам, — сказал доктор, и едва ощутимый холодок пробежал над столом, приглушив блеск серебра и яркие цвета фарфора: легкое облачко, которое проплыло по комнате и привело за собой миссис Дадли.

— Без пяти два, — сказала она.

3

Элинор с удовольствием поспала бы днем. Вместо этого она лежала на кровати в зеленой комнате и смотрела, как Теодора красит ногти. Время от времени девушки лениво обменивались репликами. Элинор не смела признаться себе, что ушла сюда потому, что боялась остаться одна.

— Обожаю себя украшать, — сказала Теодора, любуясь своими пальцами. — Хорошо бы раскраситься с ног до головы.

Элинор устроилась поудобнее.

— Золотой краской, — бездумно ответила она.

Из-под полуприкрытых век сидящая на полу Теодора виделась ей неопределенным пятном цвета.

— Лак для ногтей, духи и соль для ванны, — произнесла Теодора таким тоном, будто перечисляла города на Ниле. — Тушь для ресниц. Ты слишком мало об этом думаешь.

Элинор рассмеялась и закрыла глаза совсем.

— Некогда, — сказала она.

— Что ж, — решительно объявила Теодора, — придется тебя перевоспитать. Терпеть не могу бесцветных женщин. — Она засмеялась, показывая, что дразнится, и продолжила: — Для начала

я покрашу тебе ногти на ногах.

Элинор со смехом протянула босую ногу. Через мгновение она в полусне ощутила холодное прикосновение кисточки и вздрогнула.

— Уж наверняка такая прославленная гетера привыкла к услугам камеристок, — сказала Теодора. — У тебя пятки грязные.

Элинор в ужасе села и глянула на свои ноги: пятки действительно были грязные, а ногти — выкрашены алым.

— Это гадко, — выговорила она, готовая разрыдаться, и тут же невольно прыснула, увидев Теодорино лицо. — Я пойду вымою ноги.

— Ну ты даешь. — Теодора смотрела на нее во все глаза. — Глянь. У меня тоже пятки грязные, глупышка. Честное слово. Глянь же.

— И вообще я не люблю, когда меня обслуживают, — сказала Элинор.

— Ну ты и психованная! — весело ответила Теодора.

— Я не люблю чувствовать себя беспомощной. Моя мама…

— Твоя мама пришла бы в восторг от твоих красных ногтей, — сказала Теодора. — Тебе очень идет.

Элинор снова посмотрела на свои ноги.

— Это гадко, — вырвалось у нее. — Я хочу сказать — на мне. Я почему-то чувствую себя очень глупо.

— Так гадко или глупо? — Теодора принялась собирать свои флакончики. — В любом случае я не стану смывать с тебя лак. Вот проверим, уставятся ли доктор с Люком на твои ноги.

— Что я ни говорю, ты все так вывернешь, чтобы звучало глупо, — сказала Элинор.

— Или гадко. — Теодора серьезно взглянула на нее. — У меня такое чувство, Элинор, что тебе пора отсюда уезжать.

«Смеется она надо мной? — мелькнуло у Элинор. — Или правда считает, что мне тут не место?»

— Я не хочу, — сказала она.

Теодора вновь глянула на Элинор, быстро отвела глаза и легонько тронула ноготь у нее на ноге.

— Лак высох. Я идиотка. Просто испугалась чего-то. — Теодора встала и потянулась — Идем поищем остальных, — сказала она.

4

Люк стоял в коридоре второго этажа, устало прислонившись к стене; его голова касалась золоченой рамы, в которую был заключен эстамп с

изображением руин.

— Я все думаю о доме как о своей будущей собственности, — сказал он. — Прежде как-то не задумывался, а теперь постоянно напоминаю себе, что со временем он станет моим. И не могу понять отчего. — Он указал рукой на коридор. — Если бы я обожал двери, или золоченые часы, или миниатюры, если бы я грезил о собственном алькове, то Хилл-хаус стал бы для меня сокровищницей чудес.

— Дом хорош, — веско произнес доктор, — и в свое время наверняка считался элегантным. — Он двинулся по коридору к большой комнате в торце — бывшей детской. — Вот теперь мы увидим башню из окна. — Входя в дверь, он поежился, потом замер и удивленно глянул через плечо. — Может быть в дверях сквозняк?

— Сквозняк? В Хилл-хаусе? — рассмеялась Теодора. — Сперва нужно добиться, чтобы хоть одна дверь осталась открытой!

— Проходите сюда по одному, — сказал доктор.

Теодора шагнула в дверь и поморщилась.

— Будто в склеп входишь, — объявила она. — А внутри тепло, как везде.

Люк ступил на холодное место, задержался на секунду и тут же торопливо прошел дальше.

Элинор последовала за ним, и на миг ее пронзило невесть откуда взявшимся холодом. Как будто проходишь сквозь ледяную стену, подумала она, а вслух спросила:

— Что это?

Доктор довольно потер ладони.

— Альковы, говорите? — сказал он, затем осторожно протянул руку туда, где ощущался холод. — Вот *этого* им не объяснить. Теодора совершенно правильно упомянула склеп. В холодном месте дома священника в Борли[12] температура опускалась всего на одиннадцать градусов. Здесь, думаю, перепад гораздо значительнее. Вот оно, сердце дома.

Теодора и Элинор стали поближе друг к дружке. Хотя в детской было тепло, здесь пахло плесенью и затхлостью, а холод в двери казался осязаемым, видимым барьером, который нужно преодолеть, чтобы выйти наружу. К окну подступала серая громада башни, внутри царила полутьма, а ряд нарисованных на стене животных отнюдь не

---

[12] Примечания: 12

Дом священника в Борли — дом в Эссексе, выстроен в 1863 году, сгорел в 1939 году. Обитатели дома неоднократно сообщали о происходящих в нем паранормальных явлениях: призраках, необъяснимых стуках и проч. Полтергейст принял особый размах после того, как изучением дома занялся известный исследователь сверхъестественных феноменов Гарри Прайс, впоследствии написавший по собранным материалам две книги.

внушал веселья, как будто они пойманы в капкан или связаны с умирающей дичью на гравюрах в бильярдной. Детская была больше остальных спален Хилл-хауса и в отличие от них выглядела запущенной; Элинор подумалось, что даже усердная миссис Дадли старается без крайней надобности не переступать холодный барьер.

Люк вышел обратно в коридор и охлопал сперва ковер на полу, затем стены, в надежде найти, откуда дует.

— Точно не сквозняк, — сказал он доктору. — Если только здесь не прямой воздуховод с Северного полюса. Нигде ни щелки.

— Интересно, кто спал в детской, — рассеянно полюбопытствовал доктор. — Или после отъезда детей ею уже не пользовались?

— Смотрите! — указал Люк. В углах коридора, над дверью в детскую, ухмылялись две головы; задуманные, видимо, как забавные украшения, они веселили не больше нарисованных животных. Лица застыли, навеки искаженные смехом, неподвижные взгляды сходились в самом средоточии зловещего холода.

— Когда встаешь там, где они тебя видят, — объяснил Люк, — они тебя морозят.

Доктор с интересом выступил в коридор и под-

нял голову.

— Не оставляйте нас одних! — крикнула Теодора и выбежала из детской, таща Элинор за руку. Холод ощущался как быстрое ледяное касание или морозный выдох. — Будем здесь охлаждать пиво. — И она показала скалящимся физиономиям язык.

— Я должен составить полный отчет, — объявил доктор, очень довольный.

— Это не безразличный холод, — проговорила Элинор смущенно, поскольку сама плохо понимала, что хочет сказать. — Я почувствовала его как что-то сознательное, как будто мне нарочно хотят сделать неприятно.

— Думаю, это из-за лиц, — ответил доктор; он, стоя на четвереньках, ощупывал пол. — Мерную ленту и градусник, — сказал он себе. — Мел, чтобы очертить контур; возможно, холод усиливается по ночам? Все хуже, — он поднял глаза на Элинор, — когда думаешь, что на тебя смотрят.

Люк, поежившись, шагнул через холодное место и закрыл дверь в детскую; обратный путь он проделал прыжком, словно надеялся таким образом избежать холода. Как только дверь закрылась, все почувствовали, насколько темнее стало в коридоре, и Теодора сказала нетерпе-

ливо:

— Давайте спустимся в наш будуар, а то здесь холмы как будто на тебя наваливаются.

— Шестой час, — сказал Люк, — время коктейля. — Он повернулся к доктору. — Вы позволите мне после вчерашнего снова смешать мартини?

— Слишком много вермута, — ответил доктор и поплелся за ними, поминутно оглядываясь на детскую.

5

— Я предлагаю, — сказал доктор, откладывая салфетку, — забрать кофе в наш будуар. На мой взгляд, там повеселее.

Теодора хихикнула.

— Миссис Дадли ушла, так что давайте пробежимся, откроем все двери и окна, снимем все с полок…

— Без нее дом какой-то другой, — заметила Элинор.

— Более пустой, — кивнул Люк.

Он составлял кофейные чашки на поднос. Доктор ушел вперед — открывать двери и припирать их стульями.

— Каждый вечер я внезапно осознаю, что мы здесь одни, — продолжил Люк.

— Забавно, ведь миссис Дадли не очень-то с нами приветлива. — Элинор взглянула на стол. — Я люблю ее не больше вашего, но мама ни за что не позволила бы мне оставить такой стол на ночь.

— Если миссис Дадли хочет уходить до темноты, значит, посуда будет стоять до утра, — безразлично сказала Теодора. — Я точно не стану ничего убирать.

— Нехорошо оставлять после себя грязный стол.

— Ты все равно поставишь посуду не на те полки, а миссис Дадли заново ее перемоет, чтобы смыть следы твоих пальцев.

— А если я просто замочу серебро…

— Нет, — сказала Теодора, перехватывая ее руку. — Хочешь идти на кухню одна, через все эти двери?

— Не хочу. — Элинор положила вилки обратно на стол, потом еще раз взглянула на мятые салфетки, на винное пятно рядом с местом Люка и покачала головой. — Даже и не знаю, как отнеслась бы к этому мама.

— Идем, — сказала Теодора. — Они нам свет оставили.

В будуаре ярко горел камин. Теодора села рядом с подносом. Люк тем временем достал бренди из

буфета, куда вчера старательно убрал.

— Нам ни в коем случае нельзя раскисать, — объявил Люк. — Сегодня я снова вызываю вас на партию, доктор.

Перед ужином они принесли из других комнат удобные кресла и лампы, так что в будуаре стало вполне сносно.

— На самом деле Хилл-хаус очень к нам добр. — Теодора протянула Элинор кофе, и та блаженно откинулась в большом мягком-премягком кресле. — Элинор не надо мыть посуду, нам предстоит вечер в приятном обществе, а завтра, может быть, выглянет солнышко.

— Надо придумать, что возьмем на пикник, — сказала Элинор.

— Я тут в Хилл-хаусе разжирею и обленюсь, — продолжала Теодора.

Элинор было неприятно, что она постоянно называет дом по имени — будто нарочно повторяет это слово. Дерзко окликает дом — смотри, мол, мы здесь.

— Хилл-хаус, Хилл-хаус, Хилл-хаус, — тихо произнесла Теодора и улыбнулась Элинор.

— Любезная принцесса, — учтиво обратился к ней Люк, — не расскажешь ли, какова политическая ситуация в твоей стране?

— Крайне неустойчива, — ответила Теодора. — Я сбежала, потому что мой отец-король хочет выдать меня за Черного Михаэля[13] — претендента на трон. Я, разумеется, терпеть не могу Черного Михаэля — он носит золотую серьгу в ухе и бьет конюхов хлыстом.

— И впрямь крайне нестабильная обстановка, — заметил Люк. — Как же тебе удалось сбежать?

— Я переоделась молочницей и спряталась под сеном в телеге. Никто туда не заглянул, а границу я пересекла с фальшивыми документами, которые изготовила себе в избушке дровосека.

— И теперь Черный Михаэль устроит государственный переворот?

— Конечно. Ну и на здоровье.

Это как сидеть в очереди у зубного, думала Элинор, глядя на них поверх чашки с кофе; как сидеть в очереди у зубного и слушать чужие шутки, твердо зная, что все в конце концов окажутся в кабинете. Тут она заметила рядом с собой доктора и, подняв глаза, неуверенно улыбнулась.

---

[13] Примечания: 13

Черный Михаэль — в романе Антони Хоупа «Узник Зенды» младший сын короля вымышленной центрально-европейской страны Руритании; Михаэль пытается отнять у старшего брата власть и невесту — принцессу Флавию.

— Нервничаете? — спросил он.

Элинор кивнула.

— Я тоже. — Доктор придвинул стул и сел рядом с ней. — У вас такое чувство, будто что-то — непонятно, что именно, — должно скоро произойти?

— Да. Всё как будто ждет.

— А они, — доктор кивнул на смеющихся Теодору и Люка, — чувствуют то же, но проявляют иначе; интересно, как это на всех нас скажется. Месяц назад я едва ли мог предположить такое: что мы все четверо будем сидеть здесь, в этот доме. Я долго ждал.

А вот доктор избегает называть дом по имени, подумала Элинор.

— Вы думаете, мы правильно поступаем, что остаемся здесь?

— Правильно? — повторил он. — Думаю, мы поступаем исключительно глупо. Думаю, такая атмосфера отыщет изъяны и слабости в каждом и сломит нас всех — это вопрос нескольких дней. Единственное наше спасение — в бегстве. По крайней мере, *оно* не сможет за нами последовать. Почувствовав себя в опасности, мы уедем, как приехали. И, — горько добавил он, — со всей возможной поспешностью.

— Но ведь мы предупреждены, — заметила

Элинор, — и нас четверо.

— Я уже сказал об этом Люку и Теодоре, — продолжал доктор. — Пообещайте мне уехать сразу, как почувствуете, что дом забирает над вами власть.

— Обещаю, — с улыбкой ответила Элинор. Он хочет меня подбодрить, благодарно подумала она. — Но пока все хорошо. Правда. Все хорошо.

— Я не колеблясь отошлю вас, если увижу такую необходимость, — сказал доктор, вставая. — Люк, дамы нас простят?

Покуда они расставляли фигуры, Теодора с чашкой в руке бродила по комнате, а Элинор думала: у нее движения зверя, нервные и настороженные; она не может сидеть на месте, когда в воздухе ощущается некое беспокойство. Мы все на взводе.

— Посиди со мной, — сказала она. Теодора все с той же упругой грацией подошла, опустилась в кресло, с которого встал доктор, и устало откинула голову; как же она красива, подумала Элинор, какой же бездумной, счастливой красотой. — Устала?

Теодора с улыбкой повернулась к ней.

— Не могу больше выносить ожидание.

— Я только что думала, насколько ты по виду

спокойна.

— А я только что думала о… когда это было? позавчера?.. о позавчерашнем дне. И гадала, как меня угораздило сюда поехать. Наверное, я соскучилась по дому.

— Уже?

— А ты совсем о таком не думаешь? Будь Хилл-хаус твоим домом, ты бы о нем тосковала? А девочки — интересно, они плакали о своем темном угрюмом доме, когда их отсюда увозили?

— Я никогда никуда не ездила, — осторожно ответила Элинор, — и, наверное, не знаю, как это бывает.

— А теперь? Скучаешь по своей квартирке?

— Наверное, — ответила Элинор, глядя в огонь. — Я там очень мало живу — еще не поверила, что она моя.

— Хочу в свою собственную постель, — объявила Теодора, и Элинор подумала: она снова капризничает. Когда Теодора проголодалась, или хочет спать, или ей скучно, она становится как маленькая.

— У меня глаза слипаются, — сказала Теодора.

— Двенадцатый час, — ответила Элинор.

В тот самый миг, когда она повернулась к игрокам, доктор издал торжествующий возглас, а

Люк рассмеялся.

— Так-то, сэр, — объявил доктор. — Так-то!

— Вы разбили меня наголову, — признал Люк и начал собирать фигуры. — Никто не возражает, если я возьму с собой чуточку бренди? Чтобы скорее уснуть, или для пьяной храбрости, или еще для чего. Вообще-то, — и он улыбнулся девушкам, — я собираюсь еще полежать с книжкой.

— Вы по-прежнему читаете «Памелу»? — спросила Элинор доктора.

— Второй том. У меня впереди еще три, потом примусь за «Клариссу Гарлоу». Могу одолжить Люку…

— Спасибо, не надо, — торопливо ответил Люк. — У меня с собой чемодан детективов.

Доктор обвел глазами комнату.

— Так-так, — сказал он. — Экран придвинут, свет погашен. Двери миссис Дадли может закрыть с утра.

Усталой вереницей они поднялись по лестнице, выключая по пути свет.

— Кстати, у всех есть фонарики? — спросил доктор.

Они кивнули, занятые больше мыслями о том, как хочется спать, чем о волнах тьмы, наплывающей за ними по ступеням Хилл-хауса.

— Спокойной ночи всем, — сказала Элинор, открывая дверь синей комнаты.

— Спокойной ночи, — отозвался Люк.

— Спокойной ночи, — сказала Теодора.

— Спокойной ночи, — сказал доктор. — Крепкого сна.

6

— Иду, мам, иду, — сказала Элинор, нащупывая выключатель. — Все хорошо, я иду.

Элинор, слышала она, *Элинор.*

— Иду-иду! — крикнула она раздраженно. — Уже иду!

— Элинор?

И тут ее окатило холодом осознание: «Я в Хилл-хаусе!» Она окончательно проснулась и, дрожа, спрыгнула с постели.

— Что? Что случилось? Теодора?

— Элинор? Ты здесь?

— Иду.

Некогда включать свет; Элинор оттолкнула с дороги прикроватный столик и сама удивилась грохоту, с которым он упал. Уже нащупывая ручку двери в ванную, она подумала: это не столик упал, это мама мне в стену стучит. У Теодоры, по счастью, горела лампа. Сама Теодора сидела на

кровати, встрепанная, и смотрела в одну точку дикими со сна глазами. Я, наверное, выгляжу так же, мелькнуло у Элинор.

— Я здесь. В чем дело?..

И тут она различила звук — только сейчас отчетливо, хотя слышала его с самого пробуждения.

— Что это? — прошептала Элинор.

Она медленно села на кровать, дивясь собственному спокойствию. Ну вот и оно наконец. Всего лишь звук в коридоре, в дальнем конце, и холод — ужасный, ужасный холод. Звук со стороны детской и ужасный холод, а вовсе не мама колотит в стенку.

— Что-то стучит в две́ри, — произнесла Теодора самым бытовым тоном.

— Ну да. Вот и все. И это в другом конце коридора. Люк и доктор наверняка уже там, проверяют, в чем дело.

И вовсе не моя мама колотит в стенку; мне снова померещилось.

— Тук-тук, — сказала Теодора.

— Тук.

Элинор хихикнула. Мне совсем не страшно, подумала она, только очень холодно. Всего-навсего кто-то стучит в двери — в одну, потом в другую.

И этого я так боялась? «Тук» — самое подходящее слово. Как дети стучат, а не как матери через стену. И вообще, Люк с доктором уже там. Значит, вот это и называется «бросило в холод»? Очень неприятное чувство: начинается в животе и волнами расходится по телу, будто что-то живое. Будто что-то живое. Да. Будто что-то живое.

— Теодора. — Она зажмурилась, стиснула зубы и крепко обхватила себя руками. — Оно приближается.

— Просто звук, — ответила Теодора и прижалась к ней. — От него эхо.

Глухой какой-то стук, подумала Элинор, будто в дверь колотят чайником, или железным бруском, или стальной рукавицей. С минуту стук раздавался через равные интервалы, затем медленнее и тише и снова в быстрой последовательности. Складывалось впечатление, что кто-то методично стучит во все двери подряд. Откуда-то издалека, снизу, донеслись голоса Люка и доктора. Элинор успела подумать: «Они вовсе не здесь, с нами», — и тут ударило в дверь совсем близко.

— Может, оно пойдет по другой стороне коридора, — прошептала Теодора, и Элинор внезапно поняла: самое странное в этих неописуемых ощущениях — что Теодора их тоже испытывает.

«Нет», — сказала Теодора, потому что теперь ударило в соседнюю дверь — громче, оглушительно (идет ли оно по коридору зигзагами? и ногами ли оно идет? и чем стучит? есть ли у него руки?), и Элинор, вскочив с кровати, уперлась ладонями в дверь.

— Уходи! — заорала она. — Уходи, уходи!

Наступила полная тишина, и Элинор, прижимаясь лицом к двери, подумала: все, я нас выдала. Оно искало дверь, за которой кто-нибудь есть.

Холод вполз в комнату, прибывая, как вода, захлестывая с головой, подступая под потолок. Тишина стояла такая, что всякий бы подумал: обитатели Хилл-хауса мирно спят. И тут — настолько внезапно, что Элинор даже обернулась, — у Теодоры застучали зубы.

Элинор рассмеялась.

— Ты совсем как маленькая, — сказала она.

— Мне холодно, — шепнула Теодора. — Ужасно холодно.

— Мне тоже. — Элинор накинула на Теодору зеленое одеяло, а сама надела Теодорин махровый халат. — Теплее?

— Где Люк? Где доктор?

— Не знаю. Ты согрелась?

— Нет. — Теодору бил озноб.

— Через минуту я выйду в коридор и позову их. Ты можешь…

И тут началось снова, словно оно прислушивалось, дожидаясь их слов, хотело понять, кто они и насколько готовы ему противостоять, насколько испуганы. Так внезапно, что Элинор отпрыгнула к кровати, а Теодора вскрикнула, что-то железное грохнуло в дверь, и обе в ужасе подняли глаза, потому что стучали очень высоко: выше, чем могли бы достать они или даже Люк с доктором. И от того, что было за дверью, волнами накатывал мерзкий, парализующий холод.

Элинор стояла неподвижно и глядела на дверь. Она не знала, что делать, хотя мыслила вроде бы вполне ясно и не была уж очень сильно напугана — скажем, сильнее, чем ей могло привидеться в самом кошмарном сне. Холод беспокоил ее больше звуков, и даже Теодорин теплый халат не спасал от ощущения, будто к спине прикасаются быстрые ледяные пальцы. Разумнее всего, наверное, было распахнуть дверь — вполне может быть, что именно такой чисто научный подход предложил бы доктор. Однако Элинор точно знала, что даже если ее ноги дойдут до двери, то рука все равно не поднимется к дверной ручке; бесстрастно, отрешенно она сказала себе: ничья

рука бы этого не осилила, руки для такого не созданы. Каждый удар в дверь немного отбрасывал ее назад, а теперь она застыла, потому что грохот утихал.

— Я пожалуюсь обслуге на батареи, — сказала Теодора у нее за спиной. — Заканчивается?

— Нет, — выдавила Элинор. — Нет.

Оно их отыскало. Раз ему не открывают, оно войдет само. Элинор сказала:

— Теперь я понимаю, почему люди визжат от ужаса. Потому что я сейчас завизжу.

— Тогда завизжу и я, — ответила Теодора и засмеялась.

Элинор быстро села на кровать, и они ухватились друг за дружку, напрягая слух. Что-то охлопывало дверную раму, тыкалось в щели, норовя пролезть внутрь. Ручка задергалась. «Заперто?» — шепотом спросила Элинор. Теодора кивнула и тут же в ужасе поглядела на дверь ванной. «У меня тоже заперто», — шепнула ей в ухо Элинор, и Теодора с облегчением закрыла глаза. Вдоль рамы вновь пробежал липкий стукоток, и вдруг, как будто нечто за дверью обезумело от гнева, удары посыпались с новой силой. Дверь задрожала и задергалась на петлях.

— Ты не войдешь! — крикнула Элинор, и вновь

наступила тишина, как будто дом внимательно прислушивался к ее словам, понимая, глумливо соглашаясь, вполне готовый ждать. В комнату порывом ветра ворвался смешок, безумное хихиканье, и Элинор ощутила его позвоночником — легчайший отголосок хохота, короткого и самодовольного, прокатившийся по всему дому. Тут с лестницы донеслись голоса Люка и доктора, и — о счастье! — все закончилось.

Когда наступила настоящая тишина, Элинор судорожно вздохнула и отсела в сторону.

— Мы вцепились друг в дружку, как малые дети, — сказала Теодора, убирая руки с ее плеч. — Ты в моем халате.

— Я забыла свой. Все правда закончилось?

— На сегодня — да, — уверенно ответила Теодора. — А ты разве не чувствуешь? Мне вот уже тепло.

Тошнотворный холод ушел, и только когда Элинор вновь взглянула на дверь, легкий морозец напоминанием пробежал по спине. Она начала развязывать тугой узел, который затянула на поясе халата.

— Ощущение сильного холода — один из симптомов шока, — сказала она.

— Ощущение сильного шока — один из симп-

томов, которые я наблюдаю у себя, — ответила Теодора. — А вот и Люк с доктором.

В коридоре слышались их быстрые, встревоженные голоса. Элинор сбросила Теодорин халат и со словами: «Только бы они не вздумали стучать — еще один стук меня доконает» — убежала надеть свой. За спиной у нее Теодора просила Люка и доктора подождать минутку, сейчас она откроет дверь. Затем голос Люка произнес учтиво:

— Ну у тебя и лицо, Теодора! Как будто привидение увидела.

Вернувшись в комнату, она отметила, что и Люк, и доктор полностью одеты. Ей подумалось, что это неплохая мысль: встретить ночной холод, если он повторится, в свитере и шерстяном костюме. И плевать, что скажет миссис Дадли, узнав, что по крайней мере одна постоялица спит на чистом белье в уличной обуви и шерстяных носках.

— Ну, джентльмены, — спросила Элинор, — как вам нравится жить в доме с привидениями?

— Очень даже, — ответил Люк. — Замечательный повод выпить среди ночи.

Он держал в руках бутылку и стаканы. Элинор подумала, как уютно это будет, сидеть тесным

кружком, в четыре утра, и пить бренди. Они говорили беспечно, быстро, исподтишка косясь друг на друга, и каждый гадал, какой тайный страх поселился в других, отыскивал в чертах и движениях перемены, невольные проявления губительной слабости.

— Что-нибудь происходило, пока мы были снаружи? — спросил доктор.

Девушки переглянулись и прыснули со смеху — на сей раз искренне, без тени истерики или страха. Через минуту Теодора ответила прилежно:

— Ничего особенного. Кто-то молотил в дверь пушечным ядром, затем пытался забраться внутрь и съесть нас, а когда мы не открыли, чуть не надорвался от хохота. Однако ничего серьезного.

Элинор встала, с любопытством открыла дверь и проговорила удивленно:

— Я думала, она разлетится в щепки, а тут ни царапины, и на остальных дверях тоже. Нигде никаких следов.

— Как мило, что оно не портит двери, — сказала Теодора, протягивая Люку стакан. — Мне было бы до слез жалко, если бы милый старый дом пострадал. — Она подмигнула Элинор. — Нелли

собиралась завизжать.

— Ты тоже.

— Ничего подобного. Я просто тебя поддержала за компанию. К тому же миссис Дадли заранее предупредила, что не придет. А где были вы, наши мужественные защитники?

— Гоняли собаку, — ответил Люк. — Во всяком случае, какое-то животное, похожее на собаку. — Он помолчал и продолжил неохотно: — Мы выбежали за ним на улицу.

Теодора вытаращила глаза, а Элинор спросила:

— Вы хотите сказать, собака была *в доме?*

— Она пробежала мимо моей двери, — сказал доктор. — Я только видел, как что-то мелькнуло. Я разбудил Люка. Мы гнались за ней по лестнице, потом по саду и потеряли ее где-то за домом.

— Парадная дверь была открыта?

— Нет, — ответил Люк. — Парадная дверь была закрыта. И все остальные тоже. Мы проверили.

— Мы бродили довольно долго, — сказал доктор, — и понятия не имели, что вы не спите, пока не услышали голоса. — Он произнес веско: — Мы не приняли в расчет одного.

Все озадаченно поглядели на него, и он объяснил, по-преподавательски загибая пальцы:

— Во-первых, мы с Люком явно проснулись

раньше вас: мы бегали по дому и на улице больше двух часов, ища, если мне позволено так выразиться, ветра в поле. Во-вторых, мы оба, — говоря, он вопросительно взглянул на Люка, — не уловили ни звука до тех пор, пока не раздались ваши голоса. Стояла полная тишь. То есть стук был слышен только вам. Возвращаясь назад, мы, очевидно, спугнули то, что ждало под вашей дверью. Теперь, когда мы сидим вчетвером, все тихо.

— Я все равно не понимаю, к чему вы клоните, — сказала Теодора, хмурясь.

— Надо принять меры предосторожности, — ответил доктор.

— Какие? Против чего?

— Нас с Люком выманили наружу, а вы оказались заперты внутри. Не возникает ли впечатление… — он понизил голос, — не возникает ли впечатление, что нас хотели разделить?

Часть V

1

В ярком утреннем свете даже синяя комната Хилл-хауса выглядела свежо и радостно. Смотря на себя в зеркало, Элинор подумала: это мое второе утро в Хилл-хаусе, и я невероятно счастлива. Все пути ведут к свиданью. Я почти не спала ночь, я лгала и выставила себя идиоткой, а воздух — как вино. Я перепугалась так, что со страха едва не растеряла последний скудный умишко, но каким-то образом я заслужила это счастье. Я столько его ждала. Отбросив усвоенное с детства убеждение, что нельзя говорить о хорошем — сглазишь, она улыбнулась себе в зеркале и произнесла мысленно: «Ты счастлива, Элинор, ты наконец-то получила долю отпущенного тебе счастья». И, отведя взгляд от своего отражения, повторила упрямо: все пути ведут к свиданью, все пути ведут к свиданью.

— Люк? — донесся из коридора голос Теодоры. — Ты вчера ночью стащил мой чулок. Ты гадкий воришка, и я надеюсь, что миссис Дадли меня слышит.

Люк отвечал, что джентльмен вправе сохранить небольшой подарок от дамы и что миссис Дадли наверняка слышит каждое слово.

— Элинор? — Теперь Теодора колотила в разделяющую их дверь. — Ты не спишь? Можно войти?

— Конечно, — ответила Элинор, глядя на свое лицо в зеркале. Ты это заслужила, сказала она себе, это плата за все, что ты вытерпела.

Теодора открыла дверь и сказала весело:

— Какая ты сегодня хорошенькая, моя Нелл. Эта чудная жизнь явно тебе на пользу.

Элинор улыбнулась в ответ; ровно то же самое она могла бы сказать о Теодоре.

— У нас должны быть синяки под глазами и потухший взгляд. — Теодора обняла подругу и через ее плечо посмотрела на себя в зеркало. — А только погляди: две цветущие юные красотки.

— Мне тридцать четыре, — сказала Элинор, сама не понимая, из какого чувства противоречия накинула себе два года.

— А выглядишь ты на четырнадцать, — ответила Теодора. — Идем. Мы заслужили свой завтрак.

Они со смехом пробежали по лестнице и через игровую комнату в столовую.

— Доброе утро, — весело сказал Люк. — Как

спали?

— Прекрасно, спасибо, — ответила Элинор. — Сном младенца.

— Был вроде какой-то шум, — добавила Теодора, — но в старом доме это естественно. Доктор, чем мы сегодня займемся?

— Хм? — поднял голову доктор.

Он один выглядел усталым, но и его глаза горели так же, как у всех. Это радостное волнение, подумала Элинор. Нам всем очень хорошо.

— Баллехин-хаус, — произнес доктор, смакуя слова. — Дом священника в Борли. Гламисский замок.[14] Не верится, что испытываешь такое на себе. Просто не верится. Я начинаю отчасти понимать восторги настоящих экстрасенсов. Не передадите ли сюда мармелад? Спасибо. Моя жена мне не поверит. У еды сегодня какой-то особенный вкус, вы не находите?

— Вот и я гадаю: это миссис Дадли себя превзошла или что еще? — подтвердил Люк.

— Я все пытаюсь вспомнить, — сказала Эли-

---

[14] Примечания: 14

Гламисский за́мок — замок в Шотландии, с которым связаны многочисленные легенды о призраках. В часовне обитает Серая дама, дама без языка выглядывает из зарешеченного окна, у дверей в одну из спален появляется призрак негритенка, умершего в замке двести лет назад, на месте убийства короля Малькольма II проступают несмываемые пятна крови и так далее. Замок принадлежит Боуз-Лайонам; здесь провела детство мать королевы Елизаветы II.

нор. — Про ночь. То есть я знаю, что испугалась, но не могу представить, как это было.

— Я помню холод, — поежилась Теодора.

— Думаю, дело в том, что все настолько не похоже на знакомые переживания… в смысле, потому и не откладывается в голове. — Элинор смущенно рассмеялась.

— Точно, — согласился Люк. — С утра я *рассказывал* себе о ночных событиях. После страшного сна убеждаешь себя, что на самом деле этого не было, а тут наоборот.

— По-моему, отличная встряска, — заметила Теодора.

Доктор предостерегающе поднял указательный палец.

— Нельзя полностью исключить, что причина кроется в подземных водах.

— Тогда надо больше домов строить над тайными родниками.

Доктор нахмурился.

— Эта эйфория меня смущает, — сказал он. — Нет ли в ней опасности? Не проявление ли это атмосферы Хилл-хауса? Первый признак того, что мы поддались его чарам?

— Тогда я буду заколдованная принцесса, — объявила Теодора.

— И все же, — начал Люк, — если сегодня ночью Хилл-хаус проявил себя в полной мере, то бояться особенно нечего. Нам всем было страшно и неприятно, однако я не помню ощущения *физической* опасности. Даже когда Теодора сказала, что нечто за дверью хотело ее съесть, не было чувства…

— Я знаю, что она имела в виду, — возразила Элинор, — и еще тогда подумала, что это правильное слово. Ощущение было, что оно хочет нас поглотить, вобрать в себя, возможно — сделать частью дома… ой, мне казалось, я понимаю, что говорю, только у меня очень плохо получается.

— Физической опасности нет, — уверенно сказал доктор. — Ни одно привидение за всю историю привидений не причинило кому-либо телесного вреда. Вред причиняет себе сама жертва. Нельзя даже сказать, что призрак атакует разум. Разум — сознательный, думающий — неуязвим. Сидя здесь и разговаривая, мы разумом и на йоту не верим в привидений. Никто из нас, даже после сегодняшней ночи, не может произнести слово «привидение» и не улыбнуться. Нет, опасность сверхъестественного в том, что оно наносит удар в ту часть современного разума, где он совершенно безоружен. Мы отбросили броню

суеверий и ничего не придумали взамен. Никто из нас не думает умом, что вчера по саду бегало привидение или что привидение колотило в двери. Однако, несомненно, *что-то* в Хилл-хаусе нынешней ночью происходило, и разум бессилен прибегнуть к своей инстинктивной защите — усомниться в себе. Мы не можем сказать: «Мне померещилось», потому что три человека наблюдали то же самое.

— Я могу, — улыбнулась Элинор. — Вы трое существуете только в моем воображении; на самом деле вас нет.

— Если бы вы были готовы и впрямь в это поверить, — серьезно сказал доктор, — я бы отослал вас отсюда сегодня же утром. Вы бы слишком близко подошли к состоянию ума, которое примет опасности Хилл-хауса как родные и желанные.

— Доктор хочет сказать, дорогая Нелл, что счел бы тебя психоненормальной.

— И наверное, был бы прав, — ответила Элинор. — Конечно, если я возьму сторону Хилл-хауса против вас, вы меня отошлете.

Почему я? — подумала она. Я что, общественная совесть? Вечно должна говорить холодными словами то, что гордость не позволяет им признать? Я что, самая слабая, слабее даже Теодоры? Уж

явно из нас четверых я последняя, кто противопоставит себя остальным.

— Полтергейсты — совершенно иное дело, — продолжал доктор, косясь на Элинор. — Они воздействуют исключительно на материальный мир: швыряют камни, двигают предметы, бьют посуду. Миссис Фойстер из Борли уж столько всего вытерпела, но даже она сорвалась, когда ее лучший чайник вылетел в окошко. Впрочем, в иерархии сверхъестественного полтергейсты занимают самое низкое положение: они разрушительны, но не обладают ни волей, ни умом — просто сила, ни на что конкретное не направленная. А помните, — с улыбкой спросил он, — есть такая очаровательная сказка Оскара Уайльда, «Кентервильское привидение»?

— Где американские близнецы выжили из замка старого английского призрака, — кивнула Теодора.

— Она самая. Мне всегда нравилась гипотеза, что близнецы на самом деле — полтергейст. Безусловно, полтергейст может заслонить куда более любопытные феномены. Дурные привидения вытесняют хороших. — Он довольно потер руки. — И все остальное тоже. В Шотландии есть усадьба, кишащая полтергейстами; как-то там

за один день произошло семнадцать самовозгораний. Полтергейсты обожают переворачивать кровати, стряхивая с них спящих. Я помню историю одного пастора, который вынужден был сменить дом, потому что полтергейст каждый день швырял ему в голову гимнодий, украденный из церкви у конкурента.

Внезапно Элинор разобрал беспричинный смех; ей хотелось подбежать к доктору и обнять его или пуститься в пляс на лужайке; хотелось петь, кричать, размахивать руками, по-хозяйски демонстративно обходить кругами каждую из комнат Хилл-хауса. Я здесь, я здесь, думала Элинор. Она зажмурилась от восторга, потом спросила тоном пай-девочки:

— И что мы сегодня делаем?

— Какие вы все-таки дети! — ответил доктор, тоже улыбаясь. — Вечно спрашиваете, что мы сегодня делаем. Что бы вам не поиграть в свои игрушки? Или между собой? Мне надо поработать.

— Чего я на самом деле хочу, — Теодора хихикнула, — так это скатиться по перилам.

Ее захватила та же лихорадочная веселость, что и Элинор.

— Прятки, — предложил Люк.

— Постарайтесь не разбредаться поодиноч-

ке, — предупредил доктор. — Я не могу точно объяснить почему, но мне кажется, лучше не стоит.

— Потому что в лесах медведи, — ответила Теодора.

— А на чердаке — тигры, — подхватила Элинор.

— В башне — ведьма, в гостиной — дракон.

— Я говорю совершенно серьезно, — со смехом произнес доктор.

— Десять часов. Я убираю в…

— Доброе утро, миссис Дадли, — сказал доктор.

Элинор, Теодора и Люк без сил откинулись на стульях, заходясь от хохота.

— Я убираю в десять.

— Мы сильно вас не задержим. Еще минут пятнадцать, и можно будет убирать со стола.

— Я убираю завтрак в десять. Я подаю ланч в час. Обед — в шесть. Сейчас десять часов.

— Миссис Дадли, — строго начал доктор и тут же, заметив, как напрягся от беззвучного смеха Люк, на секунду прикрыл лицо салфеткой и сдался. — Можете убирать со стола, миссис Дадли, — обреченно произнес он.

Оглашая Хилл-хаус веселым хохотом, отголоски которого долетали и до мраморной скульптурной

группы в гостиной, и до детской на втором этаже, и до вершины нелепой башенки, они прошли в свой будуар и, не переставая смеяться, рухнули на стулья.

— Нехорошо дразнить миссис Дадли, — сказал доктор и тут же зарылся лицом в ладони. Плечи его тряслись.

Они еще долго не могли успокоиться: кто-нибудь начинал фразу и не договаривал, только тыкал в собеседника пальцем, и Хилл-хаус содрогался от их смеха, пока, нахохотавшись до колик, они не откинулись в креслах, выдохшиеся и обессиленные, и не поглядели друг на друга.

— Итак, — начал доктор и тут же замолчал, потому что Теодора хихикнула.

— Итак, — повторил доктор суровее, и они затихли. — Я хочу еще кофе, — жалобно сообщил он — Вы ведь тоже хотите?

— Вы предлагаете вот так прямо пойти к миссис Дадли? — уточнила Элинор.

— Прийти к миссис Дадли не в час и не в шесть и попросить кофе? — подхватила Теодора.

— Примерно говоря, да, — сказал доктор. — Люк, мой мальчик, я заметил, что миссис Дадли к вам благоволит…

— И как, — изумленно вопросил Люк, — вам

удалось сделать столь невероятное наблюдение? Миссис Дадли смотрит на меня как на блюдо, поставленное не на ту полку. В глазах миссис Дадли…

— Вы как-никак наследник дома, — просительно сказал доктор. — Чувства миссис Дадли к вам должны быть сродни чувству старой прислуги к молодому хозяину.

— В глазах миссис Дадли я хуже оброненной вилки. Если вы хотите что-нибудь у старой дуры попросить, отправьте Тео или обворожительную Нелл. Они не боятся…

— Ну уж нет, — сказала Теодора, — вы не бросите против миссис Дадли беззащитную женщину. Нас с Нелл надо оберегать, а не выставлять на крепостные валы вместо трусливых мужчин.

— Доктор…

— Чепуха, — отрезал доктор. — Уж не станете же вы просить меня, старшего по возрасту. К тому же вы знаете, что она вас обожает.

— Жестокий старец! — воскликнул Люк. — Приносите меня в жертву ради чашки кофе. Не удивляйтесь же, предупреждаю я со всей мрачностью, не удивляйтесь же, если ваш Люк не вернется живым из боя. Возможно, миссис Дадли еще не успела перекусить, и она вполне способна

приготовить филе из Люка по-домашнему или в сыре и сухарях, в зависимости от настроения. Так что если я не вернусь, — и он потряс пальцем у доктора под носом, — советую повнимательнее разглядеть, что вам подадут на ланч.

Он отвесил преувеличенно церемонный поклон, словно отправлялся на битву с великаном, и закрыл за собой дверь.

— Милый Люк. — Теодора со вкусом потянулась.

— Милый Хилл-хаус, — сказала Элинор. — Тео, в саду есть летний флигель, весь заросший, я вчера заметила. Отправимся его исследовать?

— С удовольствием, — ответила Теодора. — Я намерена насладиться каждым дюймом Хилл-хауса. И вообще в такой чудный день грех сидеть взаперти.

— Люка тоже позовем, — сказала Элинор. — А вы, доктор, пойдете?

— Мои заметки… — Доктор не договорил, потому что дверь резко распахнулась. Первой мыслью Элинор было, что Люк не отважился пойти к миссис Дадли и все это время простоял под дверью. В следующий миг она увидела его белое лицо и услышала, как доктор произнес с досадой: — Я нарушил свое собственное первое правило: отпу-

стил его одного.

— Люк? Люк? — вырвалось у нее.

— Все хорошо. — Люк даже выдавил улыбку. — Но идемте в коридор.

Напуганные его лицом, голосом и улыбкой, они молча вышли в длинный темный коридор, ведущий к центральному вестибюлю.

— Вот. — Люк чиркнул спичкой и поднес ее к стене. По спине у Элинор пробежал неприятный маленький холодок.

— Это… надпись? — спросила она, подходя ближе.

— Да, — ответил Люк. — По пути туда я ее даже не заметил. Миссис Дадли, кстати, отказала, — добавил он напряженно.

— Фонарик. — Доктор вытащил из кармана фонарик и медленно пошел по коридору, высвечивая букву за буквой. Затем потрогал одну из них пальцем. — Мел, — объяснил он. — Написано мелом.

Элинор подумалось, что надпись — большая и небрежная — должна выглядеть так, словно мальчишки накорябали ее на заборе, однако ломаные буквы на деревянных панелях были невероятно реальны. Они тянулись из конца в конец коридора, так что разобрать все не удава-

лось, даже стоя у противоположной стены.

— Можете прочесть? — тихо спросил Люк, и доктор, светя себе фонариком, прочел медленно:

— «НА ПОМОЩЬ ЭЛИНОР ВЕРНИСЬ ДОМОЙ».

— Нет.

Слова застряли у Элинор в горле: она увидела свое имя одновременно с тем, как доктор его читал. Это я, подумала она, это мое имя написано тут так отчетливо; меня не должно быть на стене этого дома.

— Сотрите, пожалуйста, — прошептала она и почувствовала у себя на плече руку Теодоры. — Это безумие.

— Безумие, по-другому не скажешь, — твердо произнесла Теодора. — Элинор, иди назад, сядь. Люк найдет тряпку и все сотрет.

— Но это безумие. — Элинор все не уходила, смотрела на свое имя, написанное мелом на стене. — Почему?..

Доктор решительно взял ее под руку, отвел в будуар и закрыл дверь. Люк уже тер надпись носовым платком.

— А теперь выслушайте меня, — сказал доктор. — Только из-за того, что там ваше имя…

— В том-то и дело. — Элинор глядела на него во все глаза. — Оно знает мое имя, верно? Оно

знает мое имя.

— Прекрати! — Теодора сильно встряхнула ее за плечи. — Там могло быть про кого угодно. Оно знает все наши имена.

— Это ты написала? — Элинор повернулась к ней. — Пожалуйста, скажи… я не обижусь, просто чтобы знать… может, это шутка?

Она с мольбой взглянула на доктора.

— Вам известно, что никто из нас этого не писал, — сказал тот.

Вошел Люк, вытирая руки платком, и Элинор с надеждой подняла голову.

— Люк, это же ты написал, правда? Пока ходил на кухню, — умоляюще спросила она.

Люк сперва поглядел недоуменно, потом сел на подлокотник ее кресла.

— Послушай, — сказал он. — Ты хочешь, чтобы я повсюду писал твое имя? Вырезал твои инициалы на деревьях? Оставлял везде записочки «Элинор, Элинор»? — Он легонько потянул ее за волосы. — Я еще не сошел с ума, и ты не дури.

— Тогда почему я? — Элинор поочередно обвела их глазами. Я не с ними, я избранная, подумала она неожиданно для себя и сказала быстро, просительно: — Я чем-то привлекла к себе больше внимания?

— Не больше обычного, дорогая. — Теодора стояла у камина, постукивая пальцами по доске. Говоря, она с широкой улыбкой смотрела на Элинор. — Может, ты сама это и написала.

От обиды Элинор едва не сорвалась на крик.

— Думаешь, мне хочется, чтобы мое имя было написано по всему этому гадкому дому? Думаешь, мне приятно быть в центре внимания? Я не избалованный ребенок, как некоторые. Мне совсем не по душе, когда меня выделяют…

— И просят о помощи? — весело закончила Теодора. — Быть может, дух бедной гувернантки наконец отыскал способ себя выразить. Может, она просто ждала какую-нибудь серенькую, робкую…

— А может, ко мне обратились потому, что никаким призывам не пробить твой железобетонный эгоизм. Сочувствия и доброты во мне…

— А может, ты сама это написала, — повторила Теодора.

Как всякие мужчины, оказавшиеся свидетелями женской ссоры, Люк и доктор молча стояли в сторонке, растерянные и огорченные. Наконец Люк сказал:

— Ну хватит, Элинор.

Элинор резко повернулась и топнула ногой.

— Как ты можешь! — выдохнула она. — Как вы все можете!

И тут доктор рассмеялся. Элинор недоверчиво посмотрела на него, потом на Люка, с улыбкой ее разглядывающего. Что со мной не так? — мелькнуло у нее, потом: а ведь они думают, Теодора нарочно меня злит. Чтобы привести в чувство. Стыдно, когда тобою так манипулируют. Она закрыла лицо руками и села.

— Нелл, дорогая, — сказала Теодора. — Прости.

Надо что-то ответить, думала Элинор. Сделать вид, будто я благодарна им за участие и стыжусь себя.

— Нет, это ты прости. Я перепугалась.

— Ничего удивительного, — ответил доктор, и Элинор подумала: какой он наивный, как его насквозь видно. Верит в любую глупость, какую ему скажут. Даже в то, что Теодора меня встряхнула. Она улыбнулась ему и подумала: ну вот, я снова со всеми.

— Я правда боялась, ты сейчас забьешься в истерике, — сказала Теодора, вставая на колени перед креслом Элинор. — Я бы на твоем месте точно забилась. Но мы не можем позволить, чтобы ты дала слабину.

Мы не можем позволить, чтобы в центре вни-

мания оказался кто-нибудь, кроме Теодоры, подумала Элинор. Если от меня отвернутся, то сразу все. Она погладила Теодору по голове и сказала:

— Спасибо. Я правда чуточку сорвалась.

— Я думал, вы подеретесь, — заметил Люк, — пока не разгадал стратегию Теодоры.

С улыбкой глядя в сияющие глаза приятельницы, Элинор думала: только стратегия Теодоры состояла совсем в другом.

2

Время в Хилл-хаусе текло неспешно. Элинор и Теодора, доктор и Люк, укутанные в бархат холмов и погруженные в теплую темную роскошь дома, получили передышку длиною в сутки — спокойный день и спокойную ночь, так что даже немного заскучали. Ели они все вместе; готовка миссис Дадли по-прежнему была выше всяких похвал. Они беседовали, играли в шахматы. Доктор закончил «Памелу» и принялся за «Историю сэра Чарльза Грандисона». Все время от времени испытывали острую потребность побыть наедине с собой и часами просиживали у себя в комнатах, где ничто не нарушало их мирный покой. Теодора, Элинор и Люк исследовали заросли за домом и

отыскали летний флигель. Доктор тем временем сидел со своими записями на лужайке, в пределах видимости и слышимости. Они нашли бывший розарий, который почти заглушили сорняки, и огород, заботами Дадли поддерживаемый в образцовом состоянии. Вновь и вновь возникал разговор о том, что надо бы устроить пикник. Рядом с флигелем росла земляника, и Теодора с Люком и Элинор набрали доктору целый платок ягод. Он приподнял голову от блокнота и, глядя на их перемазанные соком руки и рты, снова объявил, что они — точно дети. Каждый из троих записал — небрежно и без подробностей, — что видел и слышал в Хилл-хаусе, и доктор сложил листки в папку. На следующее утро — их третье утро в Хилл-хаусе — доктор и Люк провели на втором этаже час, ползая по коридору на четвереньках и пытаясь с помощью мерной ленты и мела установить точные размеры холодного пятна. Элинор и Теодора сидели по-турецки на полу, записывали цифры, которые называл доктор, и сражались в крестики-нолики. У доктора постоянно замерзали руки, и он не мог держать мел и ленту больше минуты кряду. Люк, в дверях детской, мог подвести второй конец ленты только к краю пятна — на самом пятне паль-

цы у него немедленно слабели и разжимались. Градусник, помещенный в центр пятна, упорно показывал ту же температуру, что в остальном коридоре, и доктор крайне нелестно отозвался об исследователях дома в Борли, зафиксировавших одиннадцатиградусный перепад. Худо-бедно измерив пятно, он повел всех в столовую и за ланчем огласил приказ встретиться позже на крокетной лужайке.

— Глупо тратить такое дивное утро на разглядывание холодного участка пола. Впредь нам надо больше времени проводить снаружи, — сказал он и, когда все рассмеялись, удивленно поднял брови.

— Интересно, существует ли еще остальной мир? — произнесла Элинор, задумчиво глядя в свою тарелку (миссис Дадли сегодня испекла им пирог с абрикосами). — Очевидно, миссис Дадли ночует в каком-то месте, откуда каждое утро приносит густые сливки, а Дадли ходит куда-то за продуктами, но, по моему глубокому убеждению, никакого внешнего мира нет.

— Мы на необитаемом острове, — объявил Люк.

— Не могу вообразить мир за пределами Хилл-хауса, — сказала Элинор.

— Возможно, — ответила Теодора, — нам надо делать зарубки на бревне или складывать в кучку камешки, по одному на каждый день, чтобы не потерять счет времени.

— Как хорошо, что внешнего мира не существует, — заметил Люк, накладывая себе целую гору взбитых сливок. — Ни тебе писем, ни газет. Если что и происходит, нам до этого нет никакого дела.

— Должен вас огорчить, — начал доктор, и все умолкли. — Прошу прощения. Я всего лишь хотел сказать, что внешний мир к нам проникнет и, конечно, огорчаться тут нечему. В субботу приезжает миссис Монтегю, то есть моя супруга.

— А когда суббота? — спросил Люк. — Разумеется, мы будем очень рады миссис Монтегю.

— Послезавтра. — Доктор задумался. — Да, — сказал он через минуту, — думаю, что послезавтра. Мы, безусловно, поймем, что наступила суббота, — он подмигнул, — когда увидим миссис Монтегю.

— Надеюсь, она не слишком рассчитывает на ночной тарарам, — заметила Теодора. — Хилл-хаус не оправдывает надежд, которые подавал вначале. Впрочем, возможно, он встретит миссис Монтегю фейерверком паранормальных

явлений.

— Миссис Монтегю будет вполне к ним готова, — заверил доктор.

— Интересно, — сказала Теодора Элинор, когда они под пристальным взглядом миссис Дадли вставали из-за стола, — почему все так тихо? Мне это ожидание действует на нервы. Уж лучше бы опять началось, что ли.

— Ждем не мы, — ответила Элинор, — а дом. Думаю, он затаился до времени.

— А едва мы потеряем бдительность, он как прыгнет!

— Интересно, сколько он может ждать. — Элинор, поежившись, направилась к лестнице. — Мне почти хочется написать сестре. «Мы чудесно проводим время в добром старом Хилл-хаусе…»

— «На следующее лето обязательно привези сюда все семейство, — подхватила Теодора, — мы каждую ночь спим, накрывшись с головой одеялом…»

— «Воздух так бодрит, особенно в коридоре второго этажа…»

— «Мы постоянно радуемся, что до сих пор живы…»

— «Каждую минуту происходит что-нибудь интересное…»

— «Цивилизация представляется такой далекой…»

Элинор рассмеялась. Она чуть опередила Теодору на лестнице. В мрачном коридоре было сейчас немного светлее: они оставили дверь в детскую открытой, и солнце из окна озаряло мерную ленту и мел на полу. На темных панелях лежали синие, оранжевые и зеленые отблески витража.

— Я пойду спать, — объявила она. — В жизни столько не ленилась.

— А я лягу и буду грезить о трамваях, — ответила Теодора.

У Элинор вошло в обыкновение быстро оглядывать комнату с порога, прежде чем войти; она убеждала себя, что просто взгляду нужно привыкнуть к такому количеству синевы. Она собиралась распахнуть окно, которое по возвращении всегда находила закрытым, и была уже на середине спальни, когда в коридоре стукнула дверь и сдавленный голос Теодоры позвал: «Элинор!»

Элинор выбежала наружу и замерла в ужасе, глядя Теодоре через плечо.

— Что это? — прошептала она.

— Что это изображает? — Голос Теодоры сорвался на визг. — Что изображает, дура?

И вот этого я ей тоже не забуду, подумала Элинор очень четко, несмотря на растерянность, а вслух сказала:

— Вроде бы похоже на краску. Только… — И тут до нее дошло. — Только пахнет ужасно.

— Это кровь, — твердо ответила Теодора. Она вцепилась в дверь и, когда та качнулась, еле устояла на ногах. — Кровь. Везде. Ты ее видишь?

— Конечно вижу. И вовсе не везде. Брось паниковать.

На самом деле Теодора очень мало паникует, усовестила себя Элинор. Следующий раз кто-нибудь из нас запрокинет голову и взвоет по-настоящему. Только бы это была не я — ведь я заранее настроена держать себя в руках, — а Теодора…

— Опять надпись на стене? — спросила она холодно и, услышав дикий смех Теодоры, подумала: как бы все-таки не я, нельзя такого допустить, надо собраться…

Она закрыла глаза и поймала себя на том, что произносит беззвучно: «Стой, послушай, ты узнаешь, как поет твой верный друг. Брось напрасные скитанья, все пути ведут к свиданью…»

— О да, дорогая, — сказала Теодора. — Я не знаю, как тебе это удалось.

«Это знают дед и внук».

— Не глупи, — ответила Элинор. — Позови Люка и доктора.

— Зачем? Разве это не задумывалось как маленький сюрприз для меня? Только для нас двоих.

Вырвавшись из рук Элинор, которая пыталась не пустить ее в комнату, Теодора подбежала к шкафу, распахнула дверцу и заплакала от злости.

— Моя одежда, — причитала она. — Моя одежда.

Элинор решительным шагом вернулась к лестнице.

— Люк! — сказала она, перегнувшись через перила. — Доктор!

Звала она негромко и старалась не сорваться, но в следующее мгновение раздался стук уроненной на пол книги и быстрые шаги. Элинор смотрела, как доктор и Люк бегут к лестнице, видела их испуганные лица и думала, до чего же все они постоянно напряжены, даже когда выглядят спокойными, каждый только и ждет крика о помощи; разум и понимание нисколько не облегчают дела.

— Тео, — сказала Элинор, как только мужчины

поднялись. — Она в истерике. Кто-то… что-то перемазало ее спальню красной краской, и она рыдает над своей одеждой.

Я не могла изложить мягче, мелькнуло в голове. Могла ли я изложить мягче? — спросила себя Элинор и поняла, что улыбается.

Теодора по-прежнему громко всхлипывала и пинала дверь гардероба в приступе ярости, которая могла бы показаться комичной, если бы не окровавленная желтая блузка у нее в руках; остальная одежда была сорвана с плечиков и мятой перепачканной грудой валялась на дне шкафа.

— Что это? — спросил Люк доктора.

Тот покачал головой.

— Я бы поклялся, что кровь, но чтобы добыть столько крови, надо… — Он осекся.

С минуту они стояли молча, разглядывая надпись «НА ПОМОЩЬ ЭЛИНОР ВЕРНИСЬ ДОМОЙ», намалеванную кривыми красными буквами над кроватью Теодоры.

На сей раз я готова, сказала себе Элинор.

— Надо ее отсюда забрать. Отведите ее ко мне.

— Моя одежда испорчена, — пожаловалась Теодора доктору. — Видите мою одежду?

Запах был чудовищный, от букв по обоям раз-

бегались потеки и кляксы. Дорожка капель вела от стены к гардеробу — возможно, она-то и заставила Теодору заглянуть туда в первую очередь. Посреди зеленого ковра расплылось неправильной формы пятно.

— Какая гадость, — сказала Элинор. — Пожалуйста, отведите Тео в мою комнату.

Люк и доктор вдвоем убедили Теодору пройти через ванную в смежную спальню, а Элинор, глядя на красную краску («Это должна быть краска, — сказала она себе, — просто обязательно должна, что еще это может быть?»), спросила: «Но зачем?» — и уставилась на послание. Здесь лежит тот, чье имя начертано кровью,[15] изящно подумала она, может ли быть, что сейчас я выражаюсь не вполне ясно?

— Она успокоилась? — спросила Элинор, когда доктор снова вошел в комнату.

— Скоро успокоится. Думаю, мы временно поселим ее у вас. Вряд ли после такого она захочет здесь ночевать. — Доктор улыбнулся немного устало. — И, думаю, не скоро она отважится сама открыть какую-нибудь дверь.

— Наверное, ей придется взять мою одежду.

---

[15] Примечания: 15

Перифраз эпитафии, сочиненной Китсом для самого себя: «Здесь лежит тот, чье имя начертано на воде».

— Наверное, да, если вы не против. — Доктор взглянул на нее с любопытством. — Второе послание встревожило вас меньше первого?

— Слишком уж это глупо, — сказала Элинор, пытаясь разобраться в собственных чувствах. — Я как раз стояла, смотрела и думала: «Зачем?» Это как шутка, которая никого не смешит. Я должна была напугаться куда сильнее и не напугалась, потому что это чересчур страшно — по-настоящему так не может быть. И я все время вспоминаю Тео с ее красным лаком… — Она хихикнула. Доктор пристально взглянул на нее, однако Элинор продолжала: — Понимаете, ничего бы не изменилось, будь это просто краска. — Я говорю без умолку, подумала она, незачем столько объяснять. — Может, я потому все так несерьезно восприняла, что Тео принялась рыдать из-за одежды и обвинила меня, будто я написала свое имя во всю стену. Может быть, я привыкла, что меня во всем винят.

— Никто вас ни в чем не винит, — ответил доктор, и Элинор почувствовала в его тоне укоризну.

— Надеюсь, моя одежда ее устроит, — сказала она едко.

Доктор оглядел комнату, опасливо тронул паль-

цем букву на стене и ногой отодвинул желтую Теодорину блузку.

— Позже, — рассеянно произнес он. — Может быть, завтра. — Потом взглянул на Элинор и улыбнулся. — Надо будет сделать точные зарисовки.

— Давайте я вам помогу, — сказала Элинор. — Мне совсем не страшно, только противно.

— Да, — ответил доктор. — А пока запрем комнату, чтобы Теодора случайно в нее не забрела. Позже, когда будет время, я все изучу. И еще, — добавил он с неожиданной улыбкой, — я бы не хотел, чтобы миссис Дадли пришла сюда убираться.

На глазах у Элинор доктор запер изнутри дверь в коридор, а когда они вместе вошли в ванную, то и дверь оттуда в зеленую комнату.

— Я попрошу принести вторую кровать, — сказал он и добавил чуть смущенно: — Вы держались молодцом, Элинор. Спасибо.

— Я же говорю, мне противно, но не страшно, — ответила Элинор, польщенная, и повернулась к Теодоре. Та ничком лежала на ее кровати, и Элинор ощутила приступ гадливости, заметив на своей подушке красные следы от Теодориных рук.

— Послушай, — резко произнесла она, подхо-

дя ближе, — тебе придется носить мою одежду, пока не купишь новую или пока старую не постирают.

— Постирают? — Теодора судорожно перекатилась на спину и прижала окровавленные руки к лицу. — Постирают?!

— Бога ради, — сказала Элинор. — Дай я тебя умою.

Она подумала — не пытаясь хоть как-нибудь объяснить свои чувства, — что еще ни к одному человеку не испытывала такого безотчетного отвращения, тем не менее сходила в ванную намочить полотенце и, вернувшись, принялась оттирать Теодоре руки и лицо.

— Ты вся перемазана, — заметила Элинор, стискивая от брезгливости зубы.

Внезапно Теодора улыбнулась.

— На самом деле я не думала, что это ты писала, — проговорила она, и Элинор, обернувшись, увидела у себя за спиной Люка. — Какая же я дура, — сказала ему Теодора, и Люк рассмеялся.

— Ты будешь отлично смотреться в красном свитере Элинор, — сказал он.

Она гадина, думала Элинор, идя в ванную, чтобы замочить полотенце в холодной воде. Подлая, грязная и мерзкая гадина. Входя обратно, она

услышала слова Люка:

— ...вторую кровать. Теперь, девушки, у вас будет одна комната на двоих.

— Комната на двоих, одежда на двоих, — подхватила Теодора. — Мы будем практически близняшки.

— Кузины, — добавила Элинор, однако никто ее не услышал.

3

— Существовал и, более того, строго соблюдался обычай, — сказал Люк, крутя бренди в бокале, — согласно которому палач перед потрошением мелом прочерчивал на животе жертвы будущие надрезы — чтобы не промахнуться, как вы понимаете.

Мне бы хотелось ударить ее палкой, думала Элинор, глядя на голову Теодоры рядом со своим креслом. Мне бы хотелось забить ее камнями.

— Утонченная деталь, утонченная. Поскольку, если осужденный боялся щекотки, прикосновение мела доставляло ему невыносимые муки.

Я ненавижу ее, думала Элинор, меня от нее выворачивает; она вся чистая, вымытая и в моем красном свитере.

— А если осужденного вешали в цепях, то па-

лач…

— Нелл? — Теодора подняла голову и улыбнулась. — Мне правда стыдно, честное слово.

Мне хотелось бы видеть ее казнь, подумала Элинор и сказала с улыбкой:

— Не глупи.

— Среди суфиев распространен взгляд, что мир не создан и, следовательно, не может быть уничтожен. Это я посидел в библиотеке, — серьезно объяснил Люк.

Доктор вздохнул.

— Сегодня, полагаю, придется обойтись без шахмат, — сказал он Люку, и тот кивнул. — День был утомительный, и дамы, наверное, захотят лечь пораньше.

— Я не уйду, пока не накачаюсь бренди до беспамятства, — твердо заверила Теодора.

— Страх, — начал доктор, — есть отказ от логики, добровольный отказ от разумных шаблонов. Мы либо сдаемся ему, либо боремся с ним; компромисс тут невозможен.

— Я вот подумала, — сказала Элинор, чувствуя, что должна перед всеми извиниться. — Я считала, будто совершенно спокойна, а теперь понимаю, что была ужасно напугана. — Она озадаченно нахмурилась; остальные молча ждали продол-

жения. — Когда мне страшно, я отчетливо вижу разумную, прекрасную в своей нестрашности сторону мира: столы, стулья и окна, с которыми ровным счетом ничего не происходит, я вижу их как сложный узор ковра, стабильный и неизменный. Однако когда мне страшно, я существую вне всякой связи с этими вещами. Наверное, дело в том, что вещи не боятся.

— Думаю, все мы боимся себя, — медленно произнес доктор.

— Нет, — ответил Люк. — Мы боимся увидеть себя явственно и без маски.

— Или понять, чего мы на самом деле хотим. — Теодора прижалась щекой к ладони Элинор, и та гадливо отдернула руку.

— Я всегда боялась оставаться одна, — сказала Элинор и тут же удивилась: неужто я это говорю? Сболтнула ли я что-нибудь такое, о чем завтра пожалею? За что снова буду себя казнить? — Там было написано мое имя, и никто из вас не понимает, каково это — оно такое знакомое. — Она протянула к ним руки, почти просительно. — Попытайтесь понять. Мое собственное дорогое имя, и вдруг кто-то пишет его на стене, обращается ко мне по имени… — Она помолчала и продолжила, глядя в глаза каждому, даже в обращенные к ней

глаза Теодоры. — Представьте. Есть только одна я, и это все, что у меня есть. Мне больно чувствовать, как я рассыпаюсь и живу одной своей половиной, разумом, наблюдая, как другая половина мечется в ужасе, а я не могу этого прекратить, хоть и знаю, что на самом деле ничего плохого не будет, и тем не менее время тянется так долго, даже секунда бесконечна, и чтобы вытерпеть, надо сдаться…

— Сдаться?! — резко переспросил доктор, и Элинор удивленно посмотрела на него.

— Сдаться? — повторил Люк.

— Не знаю, — смущенно ответила Элинор. Я просто излагала свои мысли, убеждала она себя, я что-то говорила… что я сейчас говорила?

— С ней это уже бывало, — сказал Люк доктору.

— Знаю, — серьезно кивнул тот, и Элинор почувствовала, что все на нее смотрят.

— Простите, — сказала она. — Я выставила себя дурочкой? Наверное, это от усталости.

— Ничего-ничего, — так же серьезно ответил доктор. — Выпейте бренди.

— Бренди? — Элинор, опустив глаза, увидела, что держит в руке полный бокал. — Что я сказала? — спросила она.

Теодора хохотнула.

— Пей. Пей, моя Нелл, тебе надо выпить.

Элинор послушно отхлебнула бренди, отчетливо почувствовав, как оно обожгло гортань, и повернулась к доктору:

— Наверное, я сказала что-то очень глупое, иначе бы все так на меня не смотрели.

Доктор рассмеялся.

— Перестаньте стараться быть в центре внимания.

— Тщеславие, — беспечно произнес Люк.

— Потребность быть на виду, — подхватила Теодора, и все ласково улыбнулись Элинор.

4

Сидя на соседних кроватях, Элинор и Теодора ощупью отыскали друг дружку и крепко взялись за руки. В спальне царили зверский холод и непроглядная тьма. В соседней комнате, там, где до сегодняшнего утра жила Теодора, кто-то бубнил — слов было не разобрать, но сомнений, что это именно голос, не оставалось. Стиснув руки так, что ощущали пальцами каждую косточку, девушки вслушивались в настойчивый тихий гул: голос то повышался, подчеркивая какое-то невнятное слово, то понижался до шепота, но не умолкал ни на секунду. И вдруг, без всякого предупреждения, раздался булькаю-

щий смех — громче, громче, громче, заглушая бормотание, — и через минуту затих, перейдя в мучительный стон, а голос все звучал и звучал.

Рука Теодоры ослабела и вновь напряглась. Элинор, на минуту убаюканная ровным гулом, вздрогнула и вгляделась в темноту, туда, где должна была сидеть подруга. И тут же в голове криком пронеслась мысль: «Почему темно? Почему темно?» Элинор рывком повернулась, обеими руками стиснула ладонь Теодоры, хотела заговорить и не смогла. Она застыла, силясь удержать пошатнувшийся разум, заставить его мыслить логически. Мы оставили свет включенным, так почему же темно? Теодора, хотела шепнуть она, но язык и губы не шевелились, Теодора, хотела спросить она, почему темно? А голос все бубнил и бубнил, тихо и злорадно, не стихая ни на мгновение. Элинор подумала, что могла бы разобрать слова, если бы лежала абсолютно тихо, если бы лежала абсолютно тихо и слушала, слушала и ловила неумолчный, назойливо звучащий голос; она в отчаянии стиснула руку Теодоры и почувствовала ответное пожатие.

Снова прокатился безумный булькающий смех, он рос и рос, заглушая бормотание, и внезапно наступила полная тишина. Элинор выдохнула,

гадая, сможет ли теперь заговорить, и тут услышала тихий плач, от которого у нее оборвалось сердце, бесконечно жалобный плач, нежный стон неизбывного горя. Это ребенок, подумала она, не веря своим ушам, и тут же голос, которого она никогда не слышала, хотя точно знала, что всегда слышала его в страшных снах, завопил истошно: «Уйди! Уйди! Не мучь меня!» — потом зарыдал: «Пожалуйста, не мучь меня. Отпусти меня домой» — и перешел в прежний жалобный плач.

Я этого не выдержу, подумала Элинор совершенно отчетливо. Это чудовищно, это ужасно, здесь мучили ребенка, я никому не позволю мучить ребенка, а голос все бубнил и бубнил, тихо и настойчиво, бормотал и бормотал, то чуть тише, то чуть громче, по-прежнему не умолкая ни на секунду.

Все, подумала Элинор, осознав, что лежит поперек кровати в непроглядной тьме, вцепившись обеими руками в руку Теодоры, так что ощущает каждую фалангу ее тонких пальцев, все, я больше не выдержу. Меня хотели напугать — и напугали. Мне очень страшно, однако я личность, я человек, я мыслящее человеческое существо, и я многое готова стерпеть от этого гадкого безумного дома, но я не позволю мучить ребенка. Клянусь

богом, сейчас я разлеплю губы и заору: «Прекратите!» — и она заорала. Свет горел, как они его и оставили, Теодора сидела на кровати, испуганная и встрепанная.

— Что? — спрашивала Теодора. — Что случилось, Нелл?

— Боже. Боже. — Элинор вскочила с кровати, пробежала через комнату и, дрожа, забилась в угол. — Боже, боже, чью руку я сейчас держала?

Часть VI

1

Я исследую тайные тропки сердца, вполне серьезно подумала Элинор и тут же удивилась, что бы это могло значить и с чего ей пришла в голову такая мысль. Был послеполуденный час, они вместе с Люком сидели рядом на ступеньках летнего флигеля. Укромные тропки сердца, думала Элинор. Она знала, что все еще бледна и под глазами у нее круги, однако солнце приятно грело, ветерок колыхал листья над головой, а Люк привольно разлегся рядом на ступеньках.

— Люк, — неуверенно начала она, боясь показаться смешной, — почему люди хотят друг с другом говорить? В смысле, что они вечно пытаются о других выяснить?

— Например, что ты хочешь узнать обо мне? — рассмеялся Люк. Элинор подумала: а почему не ты обо мне? до чего же он тщеславен — и тоже рассмеялась:

— Что я могу о тебе узнать кроме того, что и так вижу?

«Вижу» было самым нейтральным из всех слов,

какие она могла бы употребить, зато и самым безопасным. Скажи мне что-нибудь, о чем никто, кроме меня, никогда не узнает, возможно, хотела попросить она. Или: чем ты хочешь мне запомниться? Или даже: со мной еще никогда не делились ничем по-настоящему важным, так может, ты? И тут же она удивилась собственным мыслям. Что это? Глупость? Наглость? Однако Люк только сдвинул брови, разглядывая лист, который держал в руке, как будто целиком погрузился в решение сложной задачи.

Он пытается сформулировать так, чтобы произвести наибольшее впечатление, подумала Элинор. По его ответу я пойму, что он обо мне думает. Каким он захочет выглядеть в моих глазах? Сочтет, что с меня хватит и легкой загадочности, или расстарается, чтобы предстать особенным? Проявит ли галантность? Это будет совсем унизительно — ведь он покажет, что раскусил меня, что моя слабость к галантному обращению для него не секрет. Захочет ли напустить туману? Выставить себя чуточку сумасшедшим? И как мне следует принять от него нечто очень личное — а уже понятно, что это будет нечто очень личное, — пусть даже неискреннее? Дай бог, чтобы Люк оценил меня правильно, или хотя бы

не дай мне увидеть его лицемерие. Хоть бы он оказался умен или я слепа; лишь бы не понять слишком хорошо, как он ко мне относится.

Тут он быстро глянул на нее и улыбнулся той улыбкой, в которой Элинор уже научилась читать самоуничижение; интересно, подумала она (и мысль эта была неприятна), интересно, знает ли его Теодора настолько же хорошо?

— У меня не было матери, — сказал он.

Потрясение было неимоверное. Так вот что он обо мне думает, вот как оценивает, что я хочу от него услышать. Надо ли ответить откровенностью на откровенность, чтобы показать себя достойной такого доверия? Вздохнуть? Что-нибудь пробормотать чуть слышно? Встать и уйти?

— Никто не любил меня просто за то, что я свой, родной, — сказал Люк. — Ты ведь понимаешь?

Ну нет, подумала Элинор, меня так дешево не купить, я не приму пустые слова в обмен на мои чувства; он попугай. Я скажу, что никогда такого не понимала, что плаксивая жалость к себе нисколько меня не трогает; я не позволю делать из меня дуру.

— Да, понимаю, — сказала она.

— Так я и думал, — ответил Люк, и ей захотелось влепить ему пощечину. — Ты очень чуткий

человек, Нелл, — продолжал он и тут же испортил все, добавив: — Ты добрая и честная. Потом, когда ты вернешься домой…

Люк не закончил фразу, а Элинор подумала: либо он хочет сказать мне нечто чрезвычайно важное, либо потянет время и вежливо переведет разговор на другую тему. Он не стал бы говорить так без причины, он не из тех, кто добровольно чем-нибудь о себе делится. Считает ли он, будто я размякну от проявления человеческой приязни и брошусь ему на шею? Будто я не умею прилично себя вести? Что он обо мне знает, о моих мыслях и чувствах? Жалеет ли он меня?

— Все пути ведут к свиданью, — проговорила она.

— Да. Как я сказал, я рос без матери. А теперь я вижу, что у всех было то, чего недоставало мне. — Люк улыбнулся. — Я законченный эгоист, — горько произнес он, — и все надеюсь, что кто-нибудь научит меня жить правильно. Что какая-нибудь женщина возьмется за то, чтобы сделать меня взрослым.

Он безнадежный эгоист, подумала Элинор с некоторым даже удивлением, единственный мужчина, с которым я разговаривала наедине. Мне скучно; он просто малоинтересный человек.

— Почему бы тебе не повзрослеть самостоятельно? — спросила она и немедленно подумала: сколько людей — сколько женщин — задавали ему тот же вопрос?

— Какая ты умная.

И скольким женщинам он так отвечал?

Мы говорим не думая, мысленно улыбнулась Элинор, а вслух сказала ласково:

— Тебе, наверное, очень одиноко.

Я хочу заботы и нежности, а вместо этого веду с эгоистом дурацкий бессмысленный разговор.

— Да, наверное, тебе очень одиноко, — повторила она.

Люк тронул ее руку.

— Тебе так повезло, — сказал он. — У тебя была мама.

2

— В библиотеке нашел, — объявил Люк. — Клянусь!

— Невероятно! — воскликнул доктор.

— Смотрите. — Люк положил фолиант на стол и открыл титульную страницу. — Смотрите, он своей рукой это написал: «СОФИИ АННЕ ЛЕСТЕР КРЕЙН, на память от любящего и преданного отца ХЬЮ ДЕСМОНДА ЛЕСТЕРА КРЕЙНА, для просве-

щения и наставления в жизни, двадцать первого июня 1881 года».

Теодора, Элинор и доктор сгрудились у стола. Люк перевернул страницу.

— Видите, — сказал он, — его дочери предстоит учиться кротости. Он явно изрезал для своего творения множество старинных книг. Некоторые картинки мне знакомы, и они все приклеены.

— Тщета человеческих свершений, — печально произнес доктор. — Только подумать о книгах, которые Хью Крейн испортил, чтобы сделать свою. Вот гравюра Гойи — жуткое зрелище, а уж для маленькой девочки и подавно.

— А под картинкой подпись, — сказал Люк, — «Чти отца и матерь своих, дщерь, подаривших тебе жизнь и принявших на себя тяжкое бремя: вести дитя в невинности и праведности по узкому пути спасения к вечному блаженству, дабы в конце предать Господу душу благочестивую и добродетельную; помысли, дщерь, как ликуют Небеса, зря души этих младенцев, кои возносятся ввысь, не познав еще греха и вероломства, и соблюди себя в той же чистоте».

— Бедняжка, — выговорила Элинор и тут же ахнула: Люк перевернул страницу и открыл следующий моральный урок Хью Крейна, про-

иллюстрированный изображением змеиного рва. Под ярко раскрашенными извивающимися змеями было четкими печатными буквами с позолоченными инициалами выведено: «Удел рода человеческого — вечное проклятие; ни слезами, ни раскаянием не смыть первородного греха; чурайся мира сего, дщерь, да не затронут тебя его похоти и неблагодарность. Блюди себя, дщерь».

— Дальше ад, — сказал Люк. — Слабонервным лучше не смотреть.

— Я отвернусь, — ответила Элинор, — а вы прочтите вслух.

— Разумно, — заметил доктор. — Иллюстрация из Фокса.[16] Исключительно малопривлекательная смерть, на мой взгляд. Впрочем, кто может понять мучеников?

— Нет, все-таки глянь сюда, — сказал Люк. — Видишь, он подпалил угол страницы, на которой написал: «О если бы ты хоть на миг услышала вопли и стенания несчастных душ, обреченных вечному огню! О если бы твои очи хоть на миг

---

[16] Примечания: 16

Фокс, Джон (1517–1587) — английский историк, автор мартиролога, обычно называемого «Книгой мучеников Фокса». Книга по большей части посвящена страданиям английских протестантов с XIV по середину XVI века и снабжена многочисленными изображениями костров и пыток; была очень популярна у пуритан как в Англии, так и в Америке.

узрели багровое зарево неугасимого пламени! Увы грешникам, ввергенным в нескончаемую муку! Дщерь, сейчас твой отец поднес к углу страницы свечу и видел, как бумага съежилась и почернела от жара. А ведь пламя свечи пред пламенем геенским — что одна песчинка пред целой пустыней, и как бумага горит даже от слабейшего огня, так и твоя душа будет пылать вечно в пламени тысячекратно злейшем».

— Наверняка он каждый вечер читал ей это перед сном, — вставила Теодора.

— Погоди, — сказал Люк, — ты еще не видела рая. На это даже ты можешь взглянуть, Нелл. Блейк. Немного суров, на мой вкус, но много лучше ада. Слушайте: «Свят, свят, свят! В чистом свете небес ангелы неумолчно славят Его и друг друга. Дщерь, здесь я буду тебя ждать».

— Какой подвиг любви! — заметил доктор. — Сколько часов ушло, чтобы все это задумать, прилежно вывести каждую букву, позолотить…

— А вот семь смертных грехов, — сказал Люк. — Думаю, старикан сам их рисовал.

— Над Обжорством он явно потрудился от души, — подхватила Теодора. — Боюсь, теперь аппетит у меня отбило на всю жизнь.

— Погоди, там еще Похоть будет, — пообещал

Люк. — Вот уж где старый Хью превзошел самого себя.

— Нетушки, с меня хватит, — ответила Теодора. — Я посижу с Нелл, а вы, если найдете особо поучительный пассаж, который, по вашему мнению, будет мне полезен, зачитайте его вслух.

— Вот Похоть, — сказал Люк. — Неужто такая женщина могла кого-то привлечь?

— Боже мой, — проговорил доктор. — Боже мой.

— Ну точно он сам рисовал, — повторил Люк.

— Для ребенка?! — Доктор был возмущен. — Для дочери?

— В ее персональном альбоме. Обратите внимание на Гордыню — вылитая Нелл.

— Что? — встрепенулась Элинор.

— Люк шутит, — успокоил ее доктор — Не смотрите, моя дорогая. Люк вас просто дразнит.

— Теперь Лень, — объявил Люк.

— Зависть, — сказал доктор. — И как бедное дитя посмело преступить…

— Последняя страница, на мой взгляд, самая лучшая. Здесь кровь Хью Крейна. Нелл, хочешь посмотреть на кровь Хью Крейна?

— Нет, спасибо.

— Тео? Тоже нет? Тогда я настаиваю, чтобы вы

ради собственного блага выслушали, что Хью Крейн пишет в заключение своей книги: «Дщерь, священные пакты скрепляются кровью, и я взял сок жизни из собственного запястья, дабы связать тебя нерушимой клятвой. Живи добродетельно, будь кроткой, веруй в своего Спасителя и полагайся на меня, твоего отца, и тогда, обещаю, мы вместе унаследуем вечное блаженство. Следуй наказам твоего любящего отца, который в смирении духа составил для тебя эту книгу. Да послужат мои слабые усилия своей цели и да отвратят они мое дитя от ловчих ям мира сего, дабы нам соединиться в Царствии Небесном». И подписано: «Твой вечно любящий отец, в этом мире и в следующем, виновник твоего бытия и хранитель твоей добродетели, со смиренной любовию, Хью Крейн».

Теодора поежилась.

— Как же он, наверное, кайфовал, подписывая свое имя собственной кровью, — сказала она. — Так и вижу его хохочущим до колик.

— Нехорошо это все, неправильно, — покачал головой доктор.

— Она ведь была совсем маленькая, когда ее отец уехал за границу, — сказала Элинор. — Вряд ли он ей это читал.

— Наверняка читал, склонившись над колыбелью и выплевывая слова, чтобы они закрепились в детской головке, — возразила Теодора. — Хью Крейн, ты был гадким старикашкой, ты выстроил гадкий дом, и если ты меня слышишь, я хочу сказать тебе в лицо: я надеюсь, ты будешь вечно гореть в этой мерзкой картинке без всякой передышки.

Она резким, издевательским жестом обвела комнату, и с минуту все молчали, словно ожидая ответа. Потом дрова в камине рассыпались с тихим треском, доктор взглянул на часы, и Люк встал.

— Солнце над ноком рея, матросам пора пропустить по чарке, — довольно изрек доктор.

3

Теодора, по-кошачьи устроившись у камина, недобрым глазом смотрела на Элинор снизу вверх; в другой половине комнаты быстро постукивали шахматные фигурки. Теодора заговорила вкрадчиво, измывательски:

— Ну что, Нелл, теперь ты пригласишь его в свою уютную квартирку? Будешь угощать чаем из чашки со звездами?

Элинор смотрела в огонь, не отвечая. Я такая

идиотка, думала она, я так глупо себя вела.

— Хватит ли там места для двоих? Поедет ли он, если ты его позовешь?

Хуже некуда, думала Элинор, я так глупо себя вела.

— Может быть, он мечтал о маленьком домике — поменьше Хилл-хауса, конечно, — может быть, он поселится с тобой.

Идиотка, последняя идиотка.

— Твои белые занавески… твои маленькие каминные львы…

Элинор взглянула на нее почти ласково.

— Но я должна была… — Она встала и направилась к выходу. Не слыша удивленных голосов за спиной, не видя, куда идет, она машинально добрела до парадной двери и вышла в теплую ночь. — Я должна была, — повторила Элинор миру снаружи.

Страх и вина сестры; Теодора нагнала ее на лужайке. Обиженные, раздраженные, они в молчании двинулись прочь от дома, и каждой было жалко другую. Когда человек зол, или смеется, или напуган, или ревнует, он совершает поступки, невозможные в другое время: ни Теодора, ни Элинор не задумались, что опасно далеко отходить от Хилл-хауса после заката. Отчаяние гнало

их укрыться в темноте; закутанные каждая в свой плотный, ненадежный, нестерпимый плащ ярости, они упрямо шагали бок о бок, мучительно ощущая это соседство, и ни одна не хотела первой начинать разговор.

В итоге молчание нарушила Элинор; она ударила ногу о камень и сперва из гордости намеревалась не замечать боль, но через минуту заговорила напряженно, стараясь не повышать голос:

— Не понимаю, с какой стати ты решила, будто можешь вмешиваться в мои дела. — Она выражалась официально, чтобы избежать потока обвинений или незаслуженных упреков (они ведь друг другу чужие? или кузины?). — Мои поступки совершенно не должны тебя волновать.

— Так и есть, — мрачно ответила Теодора. — Твои поступки меня совершенно не волнуют.

Мы по разные стороны ограды, подумала Элинор, но я тоже имею право жить, и я убила час с Люком в попытке это доказать.

— Я ушибла ногу, — сказала она.

— Сочувствую. — Голос Теодоры звучал вполне искренне. — Ты же знаешь, какая он свинья. — Она помолчала и добавила решительно, с каким-то даже весельем. — Поганец.

— Меня это абсолютно не касается. — И поскольку они были женщины и ссорились: — Да и вообще, тебе-то что…

— Нельзя было ему такое спускать, — сказала Теодора.

— Что именно? — осведомилась Элинор.

— Влипнешь ведь, дурочка, — сказала Теодора.

— А если не влипну? Ты очень огорчишься, что в этот раз оказалась не права?

Теодора ответила устало, с ехидцей:

— Если я не права, то страшно за тебя рада, хоть ты и дурочка.

— Ну что еще ты могла сказать!

Они шли по тропке к ручью, чувствуя в темноте, что идут под уклон, и каждая втайне обвиняла другую, что та нарочно выбрала дорогу, по которой они когда-то брели счастливыми подругами.

— Ладно, — произнесла Элинор рассудительным тоном, — тебе это все равно не важно, чем бы все ни кончилось. Какое тебе дело, как я себя веду?

Теодора минуту шла молча, и Элинор внезапно ощутила нелепую уверенность, что та в темноте незримо протянула ей руку.

— Тео, — неловко произнесла она. — Я совсем не умею говорить с людьми.

Теодора рассмеялась.

— А что ты вообще умеешь? Убегать?

Ничего непоправимого еще сказано не было, однако они топтались на самом краю прямого вопроса, который, как и «Ты меня любишь?», раз прозвучав, навсегда останется незабытым и неотвеченным. Девушки шли медленно, задумчиво, по спускавшейся к ручью тропе, сближенные ожиданием: теперь, когда маневры и колебания были позади, оставалось лишь терпеливо дожидаться решимости. Каждая знала почти до слова, что другая думает и хочет сказать, каждая готова была зарыдать от жалости к подруге. Обе разом почувствовали, как переменилась тропа, и одновременно поняли, что другая чувствует то же. Теодора взяла Элинор под руку; не смея остановиться, они медленно продолжали путь, а тропка перед ними петляла, темнела и расширялась.

Элинор ойкнула, и Теодора стиснула ее руку, тише, мол. По обе стороны от них безмолвные деревья поблекли, стали белыми и эфемерно-прозрачными на фоне черного неба. Трава была бесцветной, тропа — широкой и темной, и ничего больше. У Элинор стучали зубы, от страха сводило живот; Теодора мертвой хваткой, словно клещами, стиснула ее локоть; каждый медлен-

ный шаг ощущался как сознательный поступок, просчитанное безумное упорство, с которым она переставляла одну ногу за другой, — как единственный оправданный выбор. От пронзительной черноты дороги и бросающей в дрожь белизны стволов щипало глаза, в мозгу четко и ясно пылали слова: вот теперь мне по-настоящему страшно.

Они шли, тропа бежала впереди, одинаковые белые стволы сменяли друг друга под черным нависшим небом. Ноги, касавшиеся темной тропы, как будто светились, и рука Теодоры тоже. Чуть дальше дорога круто поворачивала; они продолжали идти, ступая медленно, тщательно, поскольку только это одно оставалось им из всех физических действий и только это одно не давало окончательно раствориться в жуткой черноте, белизне и зловещем призрачном сиянии. Теперь мне по-настоящему страшно, огненными словами думала Элинор; она по-прежнему отрешенно чувствовала руку Теодоры на своем локте, но Теодора была далеко-далеко, отдельно от нее: ледяной холод — и никакого человеческого тепла рядом. Теперь мне по-настоящему страшно, думала Элинор, ставя ногу на тропу и дрожа от соприкосновения с черной землей, от слепого,

безмысленного озноба.

Им открылся следующий отрезок тропы; возможно, она вела их куда-то намеренно, потому что они не могли сойти с нее на губительную белизну травы по обочинам. Тропа поворачивала, темная и блестящая, и они шли, куда она требовала. Рука Теодоры напряглась, и Элинор издала тихий полувскрик-полувсхлип: что там белое впереди, белее деревьев, движется, манит? Манит, исчезает среди стволов, смотрит? Чьи это шаги, кто ступает незримо по белой траве параллельно им? Где они?

Тропа вывела их к своей цели и кончилась. Элинор и Теодора глядели на сад, ослепшие от солнечного света и буйства красок; невероятно, но здесь расположилась за пикником семья. Девушки слышали смех детей, ласковые, веселые голоса родителей, над густой зеленой травой покачивались желтые, красные и оранжевые цветы, небо сияло золотом и синевой, мальчик в алом джемпере, заходясь от смеха, катался по траве со щенком. Рядом была расстелена клетчатая скатерть, мать, улыбаясь, ставила на нее тарелку с яркими фруктами. И тут Теодора закричала:

— Не оглядывайся! — Голос ее от страха сорвался на визг. — Не оглядывайся! Беги!

Элинор на бегу подумала, что зацепится ногой о клетчатую скатерть, что споткнется о щенка, но в саду, через который они мчались, не было ничего, кроме черного в темной ночи бурьяна. Теодора, продолжая вопить, ломилась через кусты на месте цветочных клумб и вскрикивала от боли, натыкаясь на торчащие из земли камни и что-то еще — возможно, битую чашку. Через минуту они уже молотили кулаками в белую каменную стену, заплетенную темными лозами винограда, и криками умоляли их впустить, пока ржавые ворота не поддались и девушки не оказались в огороде перед Хилл-хаусом. По-прежнему держась за руки, плача и задыхаясь, они с черного хода ворвались в кухню, и тут же к ним подбежали Люк с доктором.

— Что случилось? — спросил Люк, хватая Теодору. — Вы целы?

— Мы чуть с ума не сошли, — слабым голосом произнес доктор. — Уже несколько часов вас ищем.

— Это был пикник. — Элинор рухнула на кухонный стул и посмотрела на свои руки. Только сейчас она поняла, что они исцарапаны в кровь и трясутся. — Мы пытались убежать. — Она протянула руки вперед, показывая их осталь-

ным. — Это был пикник. Дети…

Теодора протяжно, со всхлипом, хохотнула и выговорила:

— Я оглянулась… мы шли, и я посмотрела через плечо…

Она снова тоненько засмеялась.

— Дети… и щенок…

— Элинор. — Теодора стремительно повернулась и припала головою к ее плечу. — Элинор. Элинор.

Обняв Теодору, она подняла глаза на Люка и доктора. Тут комната закачалась из стороны в сторону, и время, каким его всегда знала Элинор, остановилось.

Часть VII

1

В тот день, когда должна была приехать миссис Монтегю, Элинор ушла одна в холмы над Хилл-хаусом. У нее не было определенной цели, ни даже мыслей, куда и зачем она идет, просто хотелось побыть наедине с собой вдали от темных дубовых панелей дома. Она отыскала укромный уголок и легла на мягкую траву, пытаясь вспомнить, когда последний раз вот так лежала на травке и думала. Деревья и полевые цветы, оторвавшись от своих насущных дел, роста и умирания, смотрели на нее с ласковой заботой, как будто даже к ней — скучной и нечуткой — нужно проявлять доброту, как к любому несчастному созданию, неукорененному в земле и вынужденному мучительно передвигаться с места на место. Элинор рассеянно сорвала ромашку, тут же умершую у нее в руке, и, лежа на траве, смотрела в мертвое лицо цветка. В голове не было ничего, кроме дикой, всепобеждающей радости. Она обрывала лепестки и, улыбаясь про себя, думала: что я буду делать? Что я буду делать?

2

— Поставьте чемоданы в вестибюле, Артур, — распорядилась миссис Монтегю. — Не понимаю, почему никого нет. Я так думаю, кто-нибудь мог бы открыть нам дверь. И отнести вещи наверх. Джон? Джон?

— Дорогая, дорогая. — Доктор Монтегю с салфеткой в руке торопливо вышел в вестибюль и послушно чмокнул жену в подставленную щеку. — Как хорошо, что ты приехала! Мы уже и отчаялись ждать.

— Я сказала, что приеду сегодня. Когда я не выполняла своих обещаний? Я взяла с собой Артура.

— Здравствуйте, Артур, — произнес доктор без особой радости.

— Кто-то должен был вести машину, — объяснила миссис Монтегю. — Или ты думал, я сама буду всю дорогу за рулем? Ты ведь прекрасно знаешь, что я устаю. Добрый день.

Доктор, обернувшись, улыбнулся Теодоре, Элинор и Люку, которые неуверенно сгрудились в дверном проеме.

— Дорогая, — сказал он. — Это мои друзья, они вместе со мной живут в Хилл-хаусе последние

несколько дней. Теодора. Элинор Венс. Люк Сандерсон.

Теодора, Элинор и Люк вежливо пробормотали, что рады знакомству. Миссис Монтегю кивнула и заметила:

— Вижу, сели обедать без нас.

— Мы уже не чаяли вас увидеть, — сказал доктор.

— Я уверена, что обещала тебе приехать сегодня. Конечно, вполне возможно, что я ошибаюсь, но мне помнится, что я называла именно сегодняшний день. Постараюсь в ближайшее время запомнить ваши имена. Этого джентльмена зовут Артур Паркер; он меня сюда привез, потому что я не люблю сама водить машину. Артур, это друзья Джона. Кто-нибудь поможет нам с чемоданами?

Доктор и Люк шагнули к ее вещам, а миссис Монтегю продолжала:

— Я, разумеется, поселюсь в вашей самой зловещей комнате. Артура можете разместить где угодно. Молодой человек! Синий чемодан мой, маленький дипломат тоже; отнесите их в вашу самую зловещую комнату.

Люк вопросительно взглянул на доктора Монтегю.

— Думаю, в детскую, — ответил тот. — Я по-

лагаю, что главный источник возмущений находится в детской, — пояснил он жене.

Та раздраженно вздохнула.

— Мне кажется, ты бы мог действовать методичнее. Прожил здесь почти неделю и до сих пор не прибег к помощи планшета? Автоматического письма? И разумеется, ни одна из молодых дам не обладает способностями медиума? Это вещи Артура. Он взял с собой клюшки для гольфа, просто на случай…

— На какой случай? — уточнила Теодора.

Миссис Монтегю холодно оглядела ее и наконец сказала:

— Не стану больше отрывать вас от обеда. Пожалуйста, возвращайтесь за стол.

— Определенно перед дверью в детскую есть холодное пятно, — с надеждой сообщил доктор.

— Да, дорогой, очень мило. А вещи Артура молодой человек отнесет? У вас тут, как я вижу, все очень неорганизованно. Казалось бы, за неделю можно было завести какой-никакой порядок. Имели место материализации фигур?

— Мы определенно наблюдали проявления…

— Ладно, теперь я здесь, и мы со всем разберемся. Куда Артуру поставить машину?

— За домом есть пустой сарай, куда мы поста-

вили свои. Он может отогнать ее туда утром.

— Чепуха, Джон. Ты прекрасно знаешь, что я не откладываю на завтра то, что можно сделать сегодня. У Артура утром будет много других дел. Машину нужно отогнать сейчас.

— На улице темно, — неуверенно ответил доктор.

— Джон, ты меня удивляешь. По-твоему, я не знаю, что ночью на улице темно? У машины есть фары, а молодой человек может показать Артуру дорогу.

— Спасибо, — мрачно ответил Люк, — но мы взяли себе за твердое правило не выходить из дома после наступления темноты. Артур, конечно, может выйти, если ему очень хочется, но без меня.

— Дамы, — начал доктор, — пережили ужасное…

— Молодой человек — трус, — объявил Артур. Он наконец перетащил из машины все свои чемоданы, корзины и сумки с клюшками для гольфа и теперь стоял рядом с миссис Монтегю, глядя на Люка с высоты своего роста. Лицо у Артура было багровое, волосы — седые; распекая Люка, он сдвинул густые брови. — Постыдились бы, юноша. При девушках-то.

— Девушки боятся ничуть не меньше меня, — холодно ответил Люк.

— Истинная правда. — Доктор Монтегю успокаивающе взял Артура за локоть. — Когда вы тут немного поживете, то увидите, что Люк поступает не трусливо, а совершенно разумно. Мы взяли за правило после наступления темноты держаться вместе.

— Должна заметить, Джон, что не ждала от тебя такой нервозности, — сказала миссис Монтегю. — В подобных случаях страх недопустим. — Она раздраженно притопнула ногой. — Как тебе хорошо известно, отошедшие в мир иной хотят видеть нас радостными и улыбающимися, знать, что мы думаем о них с любовью. Духи, обитающие в этом доме, наверняка страдают, видя, что вы их боитесь.

— Давай поговорим об этом позже, — устало произнес доктор. — Так как насчет обеда?

— Разумеется. — Миссис Монтегю глянула на Теодору и Элинор. — Очень жаль, что мы подняли вас из-за стола.

— Вы обедали?

— Разумеется, Джон, мы не обедали. Я сказала, что мы будем к обеду, ведь так? Или я снова ошибаюсь?

— Так или иначе, я сообщил миссис Дадли, что вы приедете. — Доктор открыл дверь в бильярдную. — Она приготовила настоящий пир.

Бедный доктор Монтегю, подумала Элинор, сторонясь, чтобы тот провел жену в столовую. Ему так не по себе. Интересно, на сколько она приехала?

— Интересно, на сколько она приехала? — шепнула Теодора ей на ухо.

— Может, у нее в чемодане эктоплазма,[17] — с надеждой отозвалась Элинор.

— И сколько ты сможешь с нами пробыть? — спросил доктор Монтегю, усаживаясь во главе стола. Его жена уютно расположилась рядом.

— Ну, дорогой, — миссис Монтегю продегустировала соус с каперсами, приготовленный миссис Дадли, и одобрительно кивнула, — так тебе удалось найти приличную кухарку?.. ты прекрасно знаешь, что Артуру надо вернуться в школу. Артур — директор школы, — пояснила она собравшимся за столом, — и он любезно отменил все свои дела на понедельник. Так что нам лучше тронуться в понедельник в середине дня,

---

[17] Примечания: 17

Эктоплазма — в оккультизме и парапсихологии — особого рода материальная субстанция, которая выделяется организмом медиума; из нее могут формироваться фантомы.

тогда Артур будет на работе во вторник.

— Школьникам-то какое счастье, — тихонько сказал Люк Теодоре, и та ответила:

— Но сегодня только суббота.

— Вполне съедобно, на мой вкус, вполне, — заметила миссис Монтегю. — Утром я поговорю с твоей кухаркой, Джон.

— Миссис Дадли — замечательная женщина, — осторожно ответил доктор.

— А я таких выкрутасов не люблю, — сказал Артур. — Мне бы по-простому, мяса с картошкой, — объяснил он Теодоре — Не пью, не курю, не читаю макулатуры. Как-никак школа, так сказать. Дети смотрят.

— Наверняка все они берут с вас пример, — очень серьезно ответила Теодора.

— Конечно, в семье не без урода, — тряхнул головой Артур. — Бывает, попадаются хлюпики. Маменькины сынки, так сказать. Распускают нюни по углам. Это я из них быстро выбиваю.

Он потянулся за маслом.

Миссис Монтегю подалась вперед и взглянула на него через стол.

— Не наедайтесь плотно, Артур, — посоветовала она. — У нас впереди напряженная ночь.

— Что вы там задумали? — спросил доктор.

— Я убеждена, что тебе в голову не приходило заняться этим систематически, но ты должен признать, Джон, в данной области у меня просто больше интуитивного понимания, как у всех женщин или по крайней мере у некоторых. — Она сделала паузу и задумчиво поглядела на Теодору с Элинор. — У них, полагаю, такого понимания нет. Если только я снова не ошибаюсь? Ты очень любишь указывать на мои ошибки, Джон.

— Дорогая…

— Я не выношу, когда дело делается спустя рукава. Артур, конечно, будет совершать обходы. Я затем его и взяла. Так редко, — пояснила она Люку, сидевшему по другую сторону от нее, — встречаешь интерес к иному миру у людей, работающих в сфере образования; вы не поверите, как глубоко осведомлен в этих вопросах Артур. Я прилягу в самом вашем зловещем помещении, оставив горящим только ночник, и постараюсь войти в контакт с субстанциями, тревожащими этот дом. Я никогда не засыпаю, если рядом есть неуспокоенные духи, — пояснила она Люку.

Тот лишь кивнул, не находя слов.

— Надо просто думать головой, — сказал Артур. — И уж если делать — так основательно, не опускать планку. Всегда так своим парням

говорю.

— После обеда мы, наверное, проведем небольшой сеанс с планшетом, — сказала миссис Монтегю. — Вдвоем с Артуром, конечно; вы, как я вижу, еще к этому не готовы и только отпугнете духов. Нам нужна тихая комната…

— Библиотека, — вежливо предложил Люк.

— Библиотека? Наверное, годится. Книги, как известно, часто бывают очень хорошими проводниками. Материализации наиболее успешно проходят в помещениях, где есть книги. Я не припомню случая, чтобы присутствие книг затруднило материализацию. Надеюсь, там хорошо вытирают пыль? Артур иногда чихает.

— Миссис Дадли поддерживает дом в идеальном порядке, — заверил доктор.

— Мне обязательно нужно будет с ней утром поговорить. Тогда отведи нас в библиотеку, Джон, а молодой человек пусть принесет мой дипломат — только не чемодан, а именно дипломат. Принесите его мне в библиотеку. Мы выйдем к вам позже. После сеанса с планшетом мне нужен стакан молока и, возможно, печенье; годятся даже обычные крекеры, если они не слишком соленые. Очень полезно провести несколько минут за тихим разговором с приятными людьми, осо-

бенно если ночью мне предстоит быть особенно восприимчивой; мозг — чувствительный инструмент и требует соответствующей заботы. Артур?

Она небрежно кивнула девушкам и вышла в сопровождении Артура, Люка и своего мужа.

Через минуту Теодора сказала:

— Я, кажется, без памяти влюблюсь в миссис Монтегю.

— Не знаю, — ответила Элинор. — Мне так больше по сердцу Артур. А Люк — трус.

— Бедный Люк, — сказала Теодора. — У него не было матери.

Элинор, подняв глаза, поймала на себе иронически-любопытный взгляд Теодоры и вскочила из-за стола так быстро, что опрокинула стакан.

— Нельзя оставаться одним, — задыхаясь, выговорила она. — Идем к остальным.

Она почти бегом устремилась из комнаты. Теодора со смехом последовала за ней.

В будуаре Люк и доктор стояли у камина.

— Объясните, сэр, кто такой планшет? — смиренно спросил Люк.

Доктор раздраженно вздохнул.

— Недоумки, — начал он и тут же взял себя в руки. — Простите. Меня это все бесит, но если ей нравится... — Он яростно ткнул кочергой в

камин и, помолчав, продолжил: — Планшет — устройство, похожее на спиритическую доску… Наверное, лучше объяснить, что это метод автоматического письма, средство связи с… э-э… неосязаемыми сущностями, хотя, на мой взгляд, единственная неосязаемая сущность, с которой они контактируют, — их собственное воображение. Да. Так вот. Планшет — это дощечка, обычно треугольная или в форме сердца. На остром конце закреплен карандаш, с широкой стороны — два колесика либо ножки, легко скользящие по бумаге. Два человека кладут на него пальцы и задают вопрос. Планшет движется под действием силы, которую мы не будем сейчас обсуждать, и пишет ответ. Спиритическая доска, как я говорил, устроена очень похоже, только там предмет движется по доске, указывая на буквы. Можно двигать обычный бокал или блюдце; я видел, как это проделывали с детской машинкой, хотя, признаюсь, зрелище было довольно комичное. Оба участника касаются предмета пальцами одной руки, а второй записывают вопросы и ответы. Ответы, на мой взгляд, всегда бессмысленные. Впрочем, моя жена так не думает. Чушь собачья. — Доктор снова ткнул в поленья кочергой. — Детский сад, — сказал он. — Суеверия.

3

— Планшет был сегодня очень добр, — сказала миссис Монтегю. — Джон, в этом доме определенно присутствуют чуждые субстанции.

— Отличный был сеанс. — Артур торжествующе помахал листом бумаги.

— Мы добыли для вас множество сведений, — продолжала миссис Монтегю. — Итак. Планшет вполне определенно сообщает о монахине. Ты что-нибудь выяснил насчет монахини, Джон?

— В Хилл-хаусе? Очень маловероятно.

— Планшет настойчиво сообщает о монахине, Джон. Быть может, в округе видели что-нибудь такое? Скажем, смутную темную фигуру, пугавшую припозднившихся селян?

— Фигура монахини — довольно распространенное…

— Джон, я тебя прошу. Ты хочешь сказать, что я ошибаюсь? Или ты имел в виду, что ошибается планшет? Поверь хотя бы планшету, если тебе недостаточно моих слов, что речь определенно идет о монахине.

— Я только хотел сказать, дорогая, что призрак монахини — один из самых распространенных. Ничего подобного в Хилл-хаусе не наблюдалось,

но почти в каждом…

— Джон, прошу тебя. Ты позволишь мне продолжать? Или мы вообще ничего не желаем слышать о планшете? Спасибо. — Миссис Монтегю взяла себя в руки и заговорила спокойнее: — Итак. Есть еще имя в разных написаниях: Хелен, Элен, Элина. Кто это может быть?

— Дорогая, здесь жило столько народа…

— Хелен предостерегла нас против загадочного монаха. Когда в одном доме обнаруживаются и монахиня, и монах…

— Дом наверняка стоит на старом месте, — вставил Артур. — Господствующие влияния, так сказать. Старые влияния не уходят, — более развернуто пояснил он.

— Заставляет думать о нарушенных обетах. Ведь правда?

— Их тогда часто нарушали. Искушения, так сказать, и вообще.

— Я не думаю… — начал доктор.

— Я почти уверена, что ее замуровали живьем, — сказала миссис Монтегю. — Монахиню то есть. Известный обычай. Не поверишь, сколько я получила посланий от замурованных заживо монахинь.

— Нет ни единого упоминания о том, чтобы

монахинь когда-либо…

— Джон. Позволь еще раз напомнить, что я лично получала сообщения от замурованных монахинь. По-твоему, я говорю неправду? Или, по-твоему, монахиня станет нарочно сочинять, будто ее замуровали, хотя на самом деле этого не было? Неужто я снова ошибаюсь, Джон?

— Конечно нет, дорогая, — устало вздохнул доктор Монтегю.

— С единственной свечой и ломтем хлеба, — сообщил Артур Теодоре. — Ужасно, как подумать.

— Ни одну монахиню не замуровали живьем, — упрямо произнес доктор, немного повысив голос. — Это легенда. Сказка. Клевета, распространяемая…

— Ладно, Джон. Мы не станем из-за этого ссориться. Верь, во что хочешь. Просто пойми, что чисто материалистическим взглядам иногда приходится уступить перед фактами. Неопровержимо доказано, что среди духов, тревожащих этот дом, есть монахиня и…

— А что еще сообщил… э-э… планшет? — поспешно спросил Люк. — Мне так не терпится узнать.

Миссис Монтегю шаловливо погрозила пальцем.

— О вас, молодой человек, ничего. А вот одна из девушек услышит нечто интересное.

Невыносимая женщина, подумала Элинор. Невыносимая, властная, вульгарная.

— Итак, — продолжала миссис Монтегю, — Хелен велела нам отыскать в погребе старый колодец.

— Только не говори мне, что Хелен закопали живьем, — сказал доктор.

— Нет, Джон, вряд ли, иначе, думаю, она бы об этом сообщила. Кстати, Хелен не дала понять, что именно мы найдем в колодце. Вряд ли сокровище — в такого рода случаях редко натыкаешься на клад. Вероятнее — что-нибудь связанное с пропавшей монахиней.

— А еще вероятнее — мусор за восемьдесят лет.

— Уж от кого, Джон, а от тебя я такого скепсиса не ждала. Ты приезжаешь сюда с целью собрать доказательства сверхъестественных проявлений, а когда я объясняю тебе их причины и показываю, откуда начинать поиски, ты кривишь лицо.

— Мы не имеем права раскапывать подвал.

— Артур мог бы… — с надеждой начала миссис Монтегю, но доктор отвечал твердо:

— Нет. В договоре аренды особо оговорено, что я не могу проводить в доме никаких внутренних

работ: раскапывать подвал, отдирать стенные панели, вскрывать полы. Хилл-хаус по-прежнему ценная собственность, а мы — ученые, а не вандалы.

— Неужто тебя не интересует истина, Джон?

— Именно к ней я и стремлюсь всей душой. — Доктор Монтегю прошел через комнату, взял шахматную фигуру и яростно на нее уставился. Вид у него был такой, будто он мысленно считает до ста.

— Господи, сколько же иногда нужно выдержки, — вздохнула миссис Монтегю. — Однако я хочу зачитать послание, которое мы получили в конце. Артур, оно у вас?

Артур зашуршал листками.

— Это сразу после сообщения о цветах, которые вам надо послать тетушке, — напомнила миссис Монтегю. — Планшетом управляет дух по имени Мерриго, — пояснила она, — который принимает в Артуре самое живое личное участие: передает ему весточки о родных и тому подобное.

— Угрозы для жизни нет, — серьезно сообщил Артур. — Цветы, конечно, надо послать, но Мерриго заверил, что болезнь не опасна.

— Итак. — Миссис Монтегю выбрала несколько листков и быстро перевернула: на них каранда-

шом были размашисто написаны редкие слова. Миссис Монтегю, наморщив лоб, принялась водить по ним пальцем. — Вот, — сказала она. — Артур, вы читайте вопросы, а я — ответы. Так будет звучать более естественно.

— Идет, — весело ответил Артур, наклоняясь над ее плечом. — Откуда начинать? Отсюда?

— С «кто ты?».

— Ясно. Кто ты?

— Нелл, — резким голосом прочла миссис Монтегю.

Элинор, Теодора, Люк и доктор разом повернулись к ней.

— Нелл, а дальше?

— Элинор Нелли Нелл Нелл. Иногда они так делают. — Миссис Монтегю прервала чтение, чтобы объяснить. — Повторяют слово раз за разом, чтобы оно наверняка дошло.

Артур прочистил горло.

— Что тебе нужно? — прочел он.

— Дом.

— Ты хочешь домой?

Теодора, глянув на Элинор, иронически пожала плечами.

— Хочу дом.

— Что ты здесь делаешь?

— Жду.

— Ждешь чего?

— Дом. — Артур помедлил и важно кивнул. — Вот опять, — сказал он. — Понравилось слово, и заладил.

— Обычно мы не задаем вопрос «почему?», — сказала миссис Монтегю, — поскольку он сбивает планшет с толку. Однако в этот раз мы рискнули спросить напрямик. Артур?

— Почему? — прочел Артур.

— Мама, — прочла миссис Монтегю. — Как видите, мы правильно сделали, что спросили, поскольку планшет не затруднился с ответом.

— Хилл-хаус — твой дом? — ровным голосом прочел Артур.

— Дом, — ответила миссис Монтегю.

Доктор вздохнул.

— Ты страдаешь? — прочел Артур.

— На это нам не ответили. — Миссис Монтегю успокаивающе кивнула. — Иногда они не любят говорить, что страдают, не хотят огорчать нас, оставшихся здесь. Вот как тетушка Артура никогда не признается, что заболела, однако Мерриго исправно нас извещает. Только усопшие еще упрямее.

— Терпят и не жалуются, — подтвердил Ар-

тур и прочел: — Мы можем что-нибудь для тебя сделать?

— Нет, — прочла миссис Монтегю.

— Можем мы что-нибудь сделать для всех вас?

— Нет. Нет. Нет. Нет. — Миссис Монтегю подняла глаза. — Видите? Одно слово, опять и опять. Им нравится повторяться. Бывают, исписывают одним словом целую страницу.

— Что тебе нужно? — прочел Артур.

— Мама, — зачитала в ответ миссис Монтегю.

— Почему?

— Дитя.

— Где твоя мать?

— Дом.

— Где твой дом?

— Нигде. Нигде. Нигде. А дальше, — миссис Монтегю поспешно сложила листок, — сплошная бессмыслица.

— Не припомню, чтобы планшет разговаривал так охотно, — доверительно сообщил Артур Теодоре. — Очень сильные впечатления.

— Но почему он выбрал именно Нелл? — досадливо спросила Теодора. — Ваш дурацкий планшет не имеет права посылать людям сообщения без их согласия или…

— Не советую оскорблять планшет, — начал

Артур, но миссис Монтегю его перебила.

— Так вы Нелл? — спросила она, уставившись на Элинор. Затем повернулась к Теодоре. — Мы думали, Нелл — вы.

— И что? — огрызнулась Теодора.

— На сообщения это, разумеется, никак не влияет, — сказала миссис Монтегю, раздраженно постукивая сложенным листком, — хотя, полагаю, нас могли бы представить друг другу как следует. Я совершенно убеждена, что планшет знал, кто из вас кто, однако мне неприятно, что меня ввели в заблуждение.

— Не завидуй, — сказал Теодоре Люк. — Хочешь, закопаем тебя живьем.

— Если эта штуковина вздумает оставить мне послание, пусть сообщает о кладах, — объявила Теодора. — А не о всякой ерунде вроде цветов для тетушки.

Они старательно избегают на меня смотреть, подумала Элинор. Меня снова выделили, и они по доброте душевной делают вид, будто это пустяки.

— Как по-вашему, почему сообщение адресовано мне? — беспомощно спросила она.

Миссис Монтегю уронила листки на журнальный столик.

— Даже и не знаю, дитя мое. Впрочем, вы ведь уже не совсем дитя. Быть может, вы душевно более восприимчивы, чем догадываетесь. Хотя… — она безразлично отвернулась, — как такое возможно? Прожить в этом доме неделю и не получить даже самого короткого послания с той стороны… Дрова прогорели, их надо поворошить.

— Нелл не нужны послания с того света, — ласково проговорила Теодора, беря холодную руку Элинор в свою. — Нелл надо в теплую постельку и баиньки.

Мне нужно, чтобы меня оставили в покое, очень четко подумала про себя Элинор. Мне нужно тихое место, чтобы полежать и подумать, тихое место среди цветов, где я могу спокойно помечтать о своем.

4

— Я, — важно произнес Артур, — расположусь в комнате рядом с детской, где услышу любой звук. Я буду держать наготове взведенный револьвер — не пугайтесь, дамы, я отлично стреляю — и фонарик, а также очень громкий свисток, которым смогу вас созвать, если увижу что-нибудь достойное вашего внимания или мне потребует-

ся… э-э… ваше общество. Так что спите спокойно.

— Артур, — объяснила миссис Монтегю, — будет совершать регулярные обходы: каждый час обходить второй этаж. Я не считаю, что ему надо спускаться — ведь я буду наверху. Мы это все уже не раз проделывали. Идемте.

Они молча поднялись вслед за ней по лестнице, наблюдая, как миссис Монтегю нежно поглаживает перила и деревянную резьбу на стене.

— Какое счастье знать, что обитатели этого дома только и ждут случая поведать свои истории, дабы освободиться от бремени скорбей. Итак. Первым делом Артур осмотрит спальни. Артур?

— Приношу извинения, дамы, приношу извинения. — Артур распахнул дверь синей комнаты, в которой жили теперь Теодора и Элинор. — Хорошенькое гнездышко, — похвалил он, — как раз для очаровательных дам. Если желаете, я избавлю вас от хлопот и сам загляну под кровати и в шкаф.

Под их серьезными взглядами он встал на четвереньки и заглянул под кровати, затем встал и отряхнул руки.

— Все безопасно, — был его вердикт.

— А моя комната где? — спросила миссис Монтегю. — Куда молодой человек отнес мои вещи?

— Точно в торце коридора, — сказал доктор. — Мы зовем ее детской.

Миссис Монтегю в сопровождении Артура решительно прошла по коридору. На холодном пятне она поежилась.

— Мне понадобятся еще одеяла. Пусть молодой человек принесет мне одеяла из другой спальни. — Она открыла дверь и кивнула. — Белье на кровати вроде свежее, это да, но вот проветривали ли комнату?

— Я предупредил миссис Дадли, — ответил доктор.

— Чувствуется затхлость. Артур, вам придется, несмотря на холод, открыть окно.

Звери со стен детской мрачно смотрели на миссис Монтегю.

— Может быть, все-таки… — Доктор замялся, опасливо глядя на ухмыляющиеся рожи у двери. — По-моему, лучше все-таки кому-нибудь с тобой остаться.

— Дорогой мой. — Присутствие усопших настроило миссис Монтегю на благодушный лад, и теперь она говорила с ласковой улыбкой. — Сколько часов — сколько, сколько часов — провела я в чистейшей любви и понимании, одна в комнате и в то же время не одна? Дорогой мой,

как мне тебя убедить, что нет никакой опасности там, где есть только любовь и сочувствие? Я здесь, чтобы помочь этим несчастным — протянуть им руку сердечного отклика, показать, что их по-прежнему помнят и готовы выслушать, готовы рыдать вместе с ними; их одиночеству пришел конец, и я…

— Да, — сказал доктор. — Но дверь все-таки не закрывай.

— Не запру, если ты настаиваешь. — Миссис Монтегю демонстрировала чудеса великодушия.

— Я буду в другом конце коридора, — сказал доктор. — Совершать обходы не предлагаю, раз этим займется Артур, но если тебе что-нибудь понадобится, я услышу.

Миссис Монтегю рассмеялась и помахала ему рукой.

— Несчастные души нуждаются в твоей защите куда больше, чем я, — сказала она. — Конечно, я сделаю все, что в моих силах. Однако они очень ранимы, при своих каменных сердцах и незрячих очах.

Появился Артур в сопровождении Люка, который с трудом сдерживал смех. Артур только что обошел все спальни на этаже.

— Все чисто, — кивнул он доктору. — Можете

смело отправляться спать.

— Спасибо, — ответил доктор и снова обратился к жене: — Доброй ночи. Будь осторожна.

— Доброй ночи. — Миссис Монтегю с улыбкой обвела всех взглядом. — Пожалуйста, не бойтесь, — сказала она. — Что бы ни случилось, помните: я здесь.

После того как сперва Теодора, затем Люк пожелали им доброй ночи, а Артур еще раз призвал всегда спать спокойно и не пугаться, если услышат выстрелы, а также предупредил, что начнет первый обход в полночь, Элинор и Теодора пошли в свою комнату. Люк направился в дальний конец коридора, доктор постоял минуту, нехотя отвернулся от закрытой двери, за которой скрылась его жена, и побрел к себе.

— Погоди, — сказала Теодора, едва они с Элинор вошли в комнату. — Люк обещал мне, что они будут ждать нас в другом конце коридора. Не раздевайся и не шуми. Чует мое сердце, старушка своей чистейшей любовью поставит весь дом на дыбы. Если есть на свете дом, которому эта чистейшая любовь будет поперек горла, так это Хилл-хаус. Ну все. Артур закрыл дверь. Пошли. Тихо.

Бесшумно ступая по ковру в одних чулках, они

торопливо добрались до комнаты доктора.

— Быстрее, — сказал тот, приоткрывая дверь ровно настолько, чтобы их впустить. — Тсс.

— Это опасно. — Люк притворил дверь, оставив маленькую щелочку. — Он кого-нибудь пристрелит.

— Мне очень неспокойно, — озабоченно проговорил доктор. — Мы с Люком будем бодрствовать и сторожить, а вы оставайтесь здесь, под нашим присмотром. Что-то сегодня произойдет, я чувствую.

— Лишь бы она чего-нибудь не выкинула со своим планшетом, — сказала Теодора. — Простите, доктор Монтегю, я не хотела грубо отзываться о вашей супруге.

Доктор рассмеялся, продолжая внимательно наблюдать за дверью.

— Сперва она планировала ехать на весь срок, — сказал он, — но записалась на курсы йоги и не могла пропустить занятия. Она почти во всех отношениях превосходная женщина, — добавил он, с жаром глядя на них. — Чудесная, очень заботливая жена. Отличная хозяйка. Пуговицы мне пришивает. — Доктор с надеждой улыбнулся. — Это, — он указал в сторону коридора, — практически единственный ее недостаток.

— Наверное, она думает, что помогает вам в работе, — сказала Элинор.

Доктор скривился и передернул плечами. Тут дверь распахнулась и с грохотом захлопнулась; в наступившей тишине они различили медленный шелест, словно по коридору задул очень ровный, сильный ветер. Они переглянулись, пытаясь выдавить улыбку, пытаясь выглядеть мужественно перед лицом медленно подступающего потустороннего холода, и тут, за гулом ветра, раздался стук в двери первого этажа. Без единого слова Теодора взяла с постели доктора сложенный плед и накрылась им вместе с Элинор; они придвинулись друг к дружке, тихо, чтобы не производить шума. Элинор, охваченная нестерпимыми холодом (даже рука Теодоры на плече не согревала), думала, вцепившись в подругу: оно знает мое имя, на сей раз оно знает мое имя. Стук поднимался по лестнице, грохоча на каждой ступеньке. Доктор, стоящий у двери, напрягся всем телом, и Люк подошел ближе к нему.

— Это не у детской, — сказал Люк, останавливая руку доктора, который уже потянулся открыть дверь.

— Как же утомляет этот постоянный стук, — дурашливо заметила Теодора. — На следующее

лето поеду куда-нибудь еще.

— Везде свои недостатки, — ответил Люк. — Например, в озерных местностях — комары.

— А не может такого быть, что Хилл-хаус уже исчерпал свой репертуар? — Несмотря на легкомысленный тон, голос Теодоры дрожал. — Вроде бы стук уже был, теперь что, все опять по новой?

Грохот эхом прокатился по коридору; он шел со стороны, противоположной детской. Доктор встревоженно покачал головой.

— Мне придется туда пойти, — сказал он. — Она может испугаться.

Элинор, раскачиваясь в такт ударам, которые, чудилось, бухали не только в коридоре, но и у нее в голове, сказала: «Они знают, где мы». Остальные, думая, что она имеет в виду Артура и миссис Монтегю, кивнули и прислушались. Стуки, сказала себе Элинор, прижимая ладони к глазам и раскачиваясь, будут двигаться по коридору до конца, затем повернут и двинутся назад, и так снова и снова, как первый раз, а потом стихнут, и тогда мы с улыбкой посмотрим друг на друга, а от холода останутся только мурашки на спине, а со временем пройдут и они.

— Оно не причинило нам вреда, — напомнила Теодора доктору, силясь перекричать грохот. —

Так что им тоже ничего не грозит.

— Лишь бы она не решила что-нибудь в связи с этим предпринять, — мрачно ответил доктор. Он по-прежнему стоял у двери, но уже не делал попыток ее открыть — да это и казалось невозможным под натиском грохота снаружи.

— Я положительно чувствую себя ветераном, — сказала Теодора Элинор. — Давай ближе ко мне, Нелл, согрейся.

Она под одеялом притянула Нелл к себе, и обеих окутал мучительный, парализующий холод. Затем внезапно грохот оборвался и наступила памятная им крадущаяся тишина. Они переглянулись, не дыша. Доктор обеими руками держал дверную ручку. Люк — хотя лицо его было бледно, а голос дрожал — спросил весело:

— Кому бренди? Моя страсть к спиритус вини…

— Нет. — Теодора захихикала как сумасшедшая. — Только не этот каламбур!

— Прости. Ты не поверишь, — начал Люк, и горлышко графина зазвенело о край стакана, который он собирался наполнить, — но для меня это уже не каламбур. Вот как жизнь в доме с привидениями искажает чувство юмора.

Крепко держа стакан обеими руками, Люк подо-

шел к кровати, на которой съежились девушки, и Теодора, высунув руку из-под одеяла, взяла у него бренди.

— Вот, — сказала она, поднося стакан к губам Элинор. — Пей.

Элинор пила, не чувствуя согревающего тепла, и думала: мы в центре циклона. Уже скоро. Люк бережно понес бренди доктору, и Элинор, видя глазами, но не регистрируя мозгом, смотрела, как стакан выпал из пальцев Люка, когда дверь бесшумно заходила ходуном. Люк оттащил доктора назад. Дверь дрожала под неслышными ударами; казалось, сейчас она сорвется с петель и рухнет на пол, оставив их без защиты. Доктор с Люком пятились, бессильные этому помешать.

— Оно не войдет, — снова и снова твердила Теодора, не сводя глаз с двери, — не войдет, не пускайте его, оно не войдет…

Дверь перестала дрожать, теперь поворачивалась ручка, словно кто-то ее оглаживает, пробует по-свойски, ласково, а когда и это не помогло, начались охлопывания и ощупывания дверной рамы, словно вкрадчивая просьба; впусти, впусти.

— Оно знает, что мы здесь, — шепнула Элинор, и Люк, обернувшись через плечо, яростно прижал

палец к губам.

Как холодно, по-детски думала Элинор, я теперь уже никогда не засну из-за этого шума, раздающегося в моей голове; как другие могут его слышать, если он исходит из моей головы? Я дюйм за дюймом растворяюсь в доме, сыплюсь потихоньку, потому что меня расшатывает шум изнутри, а они-то чего боятся?

Элинор слышала отстраненно, что стук начался по новой, всезаполняющий металлический грохот прокатывался через нее волнами; она прижала ледяные руки к лицу, проверяя, на месте ли оно, и подумала: все, больше не могу, мне невозможно холодно.

— Возле детской, — отчетливо донесся сквозь гул севший голос Люка. — Возле детской. Нет.

Он схватил за локоть шагнувшего к двери доктора.

— Чистейшая любовь, — истерически выговорила Теодора и снова захихикала.

— Если они не откроют двери… — сказал Люк доктору. Тот стоял, припав ухом к двери, а Люк крепко держал его за локоть.

А сейчас мы услышим новый звук, подумала Элинор, прислушиваясь к тому, что происходит у нее в голове, — он меняется. Удары стихли,

словно не добившись своего, и что-то быстро прошуршало по коридору туда-обратно, словно там с невероятным терпением прохаживался какой-то зверь, чутко ловя шорохи за дверями, затем вновь раздалось памятное Элинор бормотание; это я бубню? — успела удивиться она, и тут же из-за двери донесся тоненький издевательский смех.

— Фи-фа-фо-фам, — вполголоса произнесла Теодора, и смех стал громче, перешел в ор; это у меня в голове, подумала Элинор, прижимая руки к лицу, это у меня в голове и сейчас вырвется, вырвется, вырвется…

Весь дом задрожал в ознобе, шторы хлопали по окнам, мебель качалась, шум в вестибюле стал таким громким, что бил в стены, в коридоре со звоном бьющегося стекла падали картины и, кажется, вылетали окна. Люк с доктором налегли на дверь, словно удерживая ее, а пол ходил у них под ногами. Мы плывем, мы плывем, думала Элинор, и до нее издалека донеслись слова Теодоры: «Дом рушится». В них не было уже ни волнения, ни страха. Вцепившись в кровать, измочаленная, выжатая, Элинор уронила голову, зажмурилась, закусила от холода губу и почувствовала тошнотворную пустоту под ложечкой, когда комната ухнула вниз, потом выровнялась и медленно

начала поворачиваться. «Боже милостивый», — выговорила Теодора в миле от нее, а Люк поймал доктора и поставил его прямо.

— Вы там как? — крикнул Люк. Он уперся спиной в дверь и держал доктора за плечи. — Тео, ты как?

— Держусь, — ответила Теодора. — Про Нелл не знаю.

— Не давай ей замерзнуть, — произнес Люк далеко-далеко. — Худшее впереди.

Голос отдалялся. Элинор по-прежнему видела и слышала Люка: он все так же был в комнате вместе с доктором и Теодорой, но в той подвижной тьме, сквозь которую она бесконечно падала, реальными оставались только ее побелевшие руки на кроватном столбике; она видела их, очень маленькие, видела, как они сжались еще крепче, когда кровать встала под углом, стена накренилась, а дверь уехала вбок. Где-то с грохотом обрушилось что-то высокое, наверное башня. А я-то была уверена, что она простоит еще много лет, подумала Элинор, нам конец, конец, дом себя крушит. Смех не умолкал, тоненький, безумный, с шалыми переливами, и она подумала: нет, для меня кончено. Я не вынесу больше, я откажусь от своего «я», отрекусь, добровольно отдам то, чего

и не хотела вовсе; пусть забирает все, что ему от меня нужно.

— Иду, — сказала она вслух — как выяснилось, Теодоре.

Комната была совершенно тиха, из-за неподвижных штор проглядывал рассвет. Люк сидел на стуле у окна, лицо у него было в ссадинах, рубашка порвана, и он по-прежнему пил бренди. Доктор сидел на другом стуле, умытый, аккуратно причесанный, собранный. Теодора, склонившаяся над Элинор, сказала: «Все в порядке». Элинор села и встряхнула головой. Дом, тихий и сосредоточенный, выстроился вокруг нее. Все было на своих местах.

— Как… — начала Элинор, и все трое рассмеялись.

— Новый день, — ответил доктор, и, несмотря на приглаженный вид, голос его прозвучал глухо. — И новая ночь.

— Как я уже пытался сказать, — заметил Люк, — жизнь в доме с привидениями извращает чувство юмора. У меня вовсе не было намерения отпускать запретный каламбур, — пояснил он Теодоре.

— Как… как они? — спросила Элинор. Слова казались чужими, язык ворочался с трудом.

— Оба спят сном праведника, — сказал доктор. — Вообще-то, — добавил он, по всей видимости продолжая разговор, начатый, пока Элинор спала, — я не считаю, что эту бурю вызвала моя жена, хотя признаюсь, что еще одно упоминание про чистейшую любовь…

— Что это было? — спросила Элинор и подумала: наверное, я всю ночь стискивала зубы, судя по тому, как затекли челюсти.

— Хилл-хаус пустился в пляс, — ответила Теодора, — и прихватил нас с собой. По крайней мере, я думаю, что он плясал, хотя, может быть, просто ходил на голове.

— Почти девять, — произнес доктор. — Как только Элинор будет готова…

— Идем, крошка, — сказала Теодора. — Тео тебя умоет и причешет к завтраку.

Часть VIII

1

— Кто-нибудь им сказал, что миссис Дадли убирает со стола в десять? — поинтересовалась Теодора, вопросительно заглядывая в кофейник.

Доктор замялся.

— Не хочется будить их после такой ночи.

— Но миссис Дадли убирает в десять.

— Они идут, — сказала Элинор, — я слышу их на лестнице.

Я все слышу, что происходит в доме, хотелось добавить ей.

Тут и остальные различили недовольный голос миссис Монтегю.

— Боже мой, они не могут отыскать столовую, — сообразил Люк и бросился открывать дверь.

— …как следует проветрить. — Голос миссис Монтегю ворвался в комнату за секунду до нее самой. Она похлопала доктора по плечу, кивнула остальным и уселась за стол. — Должна сказать, — начала она без предисловий, — что нас могли бы позвать к завтраку. Все, конечно, остыло? Кофе сносный?

— Доброе утро, — буркнул Артур, раздраженно плюхаясь на стул.

Теодора, торопясь поставить миссис Монтегю чашку, едва не опрокинула кофейник.

— Вроде бы не совсем остыл, — сказала миссис Монтегю. — Но все равно я сразу после завтрака побеседую с вашей миссис Дадли. Комнату необходимо проветрить.

— А как ночь? — робко произнес доктор. — Ты провела ее… э-э… с пользой?

— Если ты хочешь узнать, хорошо ли я спала, Джон, то так и говори. Отвечая на твой исключительно вежливый вопрос: нет. Я так и не сомкнула глаз. В этой комнате просто нечем дышать.

— Трудновато заснуть в старом доме, а? — заметил Артур. — Мне всю ночь ветка стучала в стекло. Стучит и стучит, я чуть с ума не сошел.

— Душно даже при открытом окне. Кофе миссис Дадли варит лучше, чем ведет дом. Еще чашечку, пожалуйста. Джон, я удивляюсь, что ты поселил меня в плохо проветренную комнату; для контактов с усопшими необходима как минимум нормальная циркуляция воздуха. Я едва не задохнулась от пыли.

— Не понимаю, — сказал Артур доктору, — чего вы все так себя накрутили. Я просидел с револь-

вером целую ночь, и хоть бы мышь зашуршала. Только ветка била в стекло. Чуть с ума меня не свела, — доверительно сообщил он Теодоре.

— Конечно, мы не оставляем надежду, — заверила миссис Монтегю мужа. — Может быть, сегодня ночью что-нибудь проявится.

2

— Тео? — Элинор отложила блокнот, и Теодора, что-то деловито строчившая, подняла глаза. — Я вот все думаю.

— Как же я ненавижу эти записи! Чувствуешь себя полной идиоткой, пытаясь изложить этот бред.

— Я вот тут думаю…

— Ну? — Теодора слегка улыбнулась. — У тебя такой серьезный вид. Принимаешь какое-то грандиозное решение?

— Да, — сказала Элинор, уже без колебаний. — Насчет того, что делать дальше. После того, как мы уедем из Хилл-хауса.

— И?

— Я поеду с тобой, — сказала Элинор.

— Со мной?

— Да, с тобой, к тебе. Я… — Элинор криво усмехнулась, — поеду к тебе.

Теодора подняла брови.

— Зачем? — спросила она напрямик.

— У меня никогда не было близкого человека, — сказала Элинор, гадая, где прежде слышала что-то очень похожее. — Я хочу быть с теми, кому я нужна.

— Я не подбираю на улице бродячих кошек, — весело ответила Теодора.

Элинор тоже рассмеялась.

— Значит, я что-то вроде бродячей кошки?

— Ну… — Теодора снова взялась за карандаш. — У тебя есть собственный дом. Ты будешь рада туда вернуться, даже если сейчас так не думаешь. Нелл, моя Нелли, мы все обрадуемся возвращению домой, когда придет время. Что ты написала про вчерашние звуки? Я никак не могу подобрать слова.

— Я поеду к тебе, — повторила Элинор. — Правда.

— Нелли, Нелли. — Теодора снова рассмеялась. — Послушай. Это просто лето, всего несколько недель отдыха в милом загородном пансионате. Дома у тебя своя жизнь, у меня — своя. Лето кончится, и мы к ней вернемся. Конечно, будем друг дружке писать, может быть, даже в гости съездим, но Хилл-хаус — это не навсегда.

— Я найду работу. Я не буду тебе мешать.

— Не понимаю. — Теодора с досадой отбросила карандаш. — Ты всегда напрашиваешься туда, где тебе не рады?

Элинор кротко улыбнулась.

— Мне нигде не рады, — сказала она.

3

— Тут все такое материнское, — сказал Люк. — Такое мягкое. Подушки, пуфики. Огромные диваны и кресла, которые, когда садишься, оказываются жесткими и норовят спихнуть.

— Тео? — тихонько позвала Элинор.

Теодора подняла на нее глаза и озадаченно тряхнула головой.

— И руки повсюду. Мягкие стеклянные ладошки, которые тебя манят…

— Тео? — повторила Элинор.

— Нет, — сказала Теодора. — Я тебя к себе не возьму. И не желаю больше об этом говорить.

— Возможно, — продолжал Люк, наблюдая за ними, — самое отвратительное здесь — это упор на округлости. Я призываю вас беспристрастно взглянуть на абажур из склеенных стекляшек, или на большие шары-светильники на лестнице, или на ребристую переливчатую конфетницу

сбоку от Тео. В столовой есть ваза особо мутного желтого стекла на подставке в виде детских ручек и сахарное пасхальное яйцо с видением танцующих пастушков внутри. Пышногрудая дама подпирает головой лестничные перила, а в гостиной под стеклом…

— Нелл, оставь меня в покое. Давай прогуляемся к ручью или куда еще…

— …вышитое крестиком детское личико. Нелл, ну не смотри так обиженно, Тео всего лишь предложила прогуляться к ручью. Если хотите, я пойду с вами.

— На здоровье, — ответила Теодора.

— Отпугивать кроликов. Если хотите, я возьму палку. А не хотите, не пойду вовсе. Как скажешь, Тео.

Теодора рассмеялась.

— Может, Нелл захочет остаться здесь и писать на стенах.

— Какая ты злая, Тео, — сказал Люк. — Недобрая.

— Лучше расскажи про танцующих пастушков в пасхальном яйце, — потребовала Теодора.

— Мир в сахарной скорлупе. Шесть крохотных пастушков танцуют, пастушка в розовом и голубом любуется ими, лежа на мшистом бережку;

вокруг деревья, цветы, овечки, а старый козопас играет на свирели. Наверное, я хотел бы стать козопасом.

— Если бы не был тореадором.

— Если бы не был тореадором. А романы Нелл, как ты помнишь, обсуждают во всех артистических кафе.

— Козлоногий Пан, — сказала Теодора. — Тебе надо поселиться в дупле. Люк.

— Нелл, — сказал Люк. — Ты не слушаешь.

— Ты ее напугал, Люк.

— Потому что Хилл-хаус когда-нибудь станет моим, со всеми его несметными сокровищами и пуфиками? Я не буду добр к этому дому, Нелл. Как-нибудь в приступе дурного настроения я брошу об пол сахарное пасхальное яйцо, или разобью детские ладошки, или забегаю по лестнице с топотом и криком, круша тростью бисерные абажуры, лупя пышногрудую перильную даму по голове, или даже…

— Вот видишь? Ты ее напугал.

— Кажется, да, — сказал Люк. — Нелл, я просто болтаю чепуху.

— У него и трости-то наверняка нет, — добавила Теодора.

— Вообще-то есть. Нелл, я просто болтаю чепу-

ху. Что с ней, Тео?

Теодора ответила ровным голосом:

— Она просила меня после Хилл-хауса взять ее к себе, а я отказалась.

Люк рассмеялся.

— Бедная глупенькая Нелл, — сказал он. — Все пути ведут к свиданью. Идемте к ручью.

— Дом-наседка, — сказал Люк, когда они спускались с террасы на лужайку, — домоматерь, домохозяйка, домовладычица. Я точно буду плохим домовладыкой, когда унаследую Хилл-хаус.

— Не понимаю, кому нужен Хилл-хаус, — заметила Теодора.

Люк, обернувшись, насмешливо взглянул на дом.

— Никогда не знаешь, чего захочешь, пока не увидишь своими глазами, — произнес он. — Не будь у меня шансов его унаследовать, я, наверное, испытывал бы совсем другие чувства. Чего люди друг от друга хотят, как-то спросила меня Нелл. Зачем они вообще нужны?

— Это я виновата, что мама умерла, — сказала Элинор. — Она стучала в стену и звала меня, звала, а я не проснулась. Я должна была принести ей лекарство, всегда раньше приносила. А в тот раз она меня будила и не добудилась.

— Пора уже и забыть, — сказала Теодора.

— Я все с тех пор пытаюсь вспомнить, просыпалась или нет. Может, я проснулась от стука, а потом снова заснула. Очень может быть, что и так.

— Если нам к ручью, — вставил Люк, — то надо поворачивать.

— Ты напрасно себя изводишь, Нелл. Наверняка ты просто выдумала, будто это твоя вина.

— Конечно, это все равно бы произошло, раньше или позже, — сказала Элинор. — Но в любом случае из-за меня.

— Если бы этого не произошло, ты бы не приехала в Хилл-хаус.

— Дальше мы пойдем цепочкой, — объявил Люк. — Нелл, ты первая.

Улыбаясь, Элинор прошла вперед. Ноги легко ступали по тропе. Теперь я знаю, куда мне ехать, думала она, я сказала ей про свою мать, так что тут все в порядке. Я найду себе домик или квартирку, как у нее. Мы будем видеться каждый день и вместе разыскивать милые вещицы — тарелки с золотой каймой, белую кошку, сахарное пасхальное яйцо, чашку со звездами. Я уже не буду бояться одиночества и стану называть себя просто Элинор.

— Вы обо мне говорите? — спросила она через плечо.

Через минуту Люк ответил вежливо:

— Схватка добра и зла за душу Нелл. Мне, наверное, придется взять на себя роль Бога.

— Но конечно, доверять нельзя ни тебе, ни мне, — весело подхватила Теодора.

— Мне так уж точно, — отозвался Люк.

— И вообще, Нелл, — сказала Теодора, — мы вовсе не о тебе говорили. Детский сад какой-то, — полусердито заметила она Люку.

Я так долго ждала, думала Элинор, я наконец-то заработала свое счастье. Она вышла на вершину холма и посмотрела вниз на тонкую цепочку деревьев, сквозь которую им предстояло пройти, чтобы попасть к ручью. Как красиво они выглядят на фоне неба, такие прямые и свободные. Люк не прав, тут вовсе не все мягкое: вот деревья жесткие, как все деревья. Они по-прежнему говорят обо мне, о том, как я приехала в Хилл-хаус и нашла Теодору, а теперь не хочу ее отпускать. За спиной по-прежнему были слышны их голоса, в которых прорывались то резкие нотки, то издевка, то приятельский смех, и Элинор шла как в полусне, понимая, что они идут следом: через минуту после того, как она ступила в высокую

траву, та же трава зашуршала под их ногами, и перепуганный кузнечик с шумом скакнул в сторону.

Я смогу помогать ей в магазинчике, думала Элинор; она любит красивые вещицы, мы будем выискивать их вместе. Отправимся куда захотим, хоть на край света, и вернемся, когда захочется. Он рассказывает, что узнал обо мне, объясняет, что в меня нелегко заглянуть, я окружена стеной олеандров, а Тео смеется, потому что я больше не буду одинока. Они такие похожие и оба добрые, я и не рассчитывала получить столько, сколько они мне дали; я очень правильно сделала, что приехала сюда, потому что все пути ведут к свиданью.

Она вступила под жесткие ветви деревьев, радуясь прохладе после жаркого солнца. Дальше надо было идти осторожнее, потому что тропка шла под уклон и на ней попадались камни и корни. Разговор сзади то ускорялся, то замедлялся, перемежаясь смехом. Я не буду оглядываться, блаженно думала Элинор, чтобы не выдать своих мыслей. Мы поговорим об этом как-нибудь на досуге, Тео и я. Какое странное у меня чувство, думала она, выходя из-под деревьев на последний крутой отрезок тропы перед ручьем, бурное

удивление и тихая радость, все вместе; я не стану оглядываться, пока не дойду до того места, где она в день приезда чуть не упала; я напомню ей про золотых рыбок в воде и про наш пикник.

Элинор села на узком зеленом бережку и притянула колени к подбородку; я не забуду этих мгновений моей жизни, пообещала она себе, вслушиваясь в приближающиеся шаги и голоса друзей. «Давайте сюда! — позвала она, оборачиваясь к Теодоре, — я...» — и умолкла. На склоне никого не было, только отчетливо слышались шаги и тихий издевательский смех.

— Кто?.. — прошептала она, вскакивая. — Кто?..

Она видела, как приминается трава под незримыми ногами, как отпрыгнул в сторону еще один кузнечик и покатился камешек. Шаги звучали очень отчетливо; Элинор вжалась спиной в обрыв и услышала смех совсем близко; «Элинор, Элинор», — раздался у нее в голове и снаружи зов, которого она ждала всю жизнь. Шаги смолкли. Воздух — плотный, почти твердый — налетел порывом и удержал, когда она зашаталась. «Элинор, Элинор, — звучало сквозь шум ветра в ушах, — Элинор, Элинор», — и вновь ее обхватило надежно и прочно. И ничуть не холодно,

подумала она, ничуть не холодно; а в следующий миг закрыла глаза, привалилась спиной к обрыву и сказала беззвучно: «Не выпускай меня» — и затем: «Останься», потому что державшее ее плотное отхлынуло, растворилось. «Элинор, Элинор», — в последний раз услышала она и поняла, что стоит у ручья, дрожа, как будто солнце скрылось за тучу, и удивленно смотрит на шаги, удаляющиеся сперва по воде, где от них легкими кругами разбегались волны, потом — медленно, любовно — по траве противоположного склона к вершине холма.

Вернись, почти крикнула она, дрожа мелкой дрожью, и тут же опрометью бросилась в гору, крича на бегу: «Тео! Люк!»

Она нашла их в рощице. Они стояли, привалившись к стволам, и о чем-то со смехом беседовали. Когда она подбежала, они обернулись и вздрогнули, а Теодора спросила почти со злостью:

— Теперь-то чего тебе нужно?

— Я ждала вас у ручья…

— Мы решили постоять в холодке, — ответила Теодора. — Мы тебе кричали. Думали, ты слышала. Правда, Люк?

— Конечно, — смущенно проговорил Люк. — Мы думали, ты нас слышала.

— И вообще, — сказала Теодора, — мы уже собрались за тобой идти. Верно?

— Верно, — улыбнулся Люк. — Конечно, уже собрались.

4

— Подземные воды, — сказал доктор, размахивая вилкой.

— Чепуха. Неужто миссис Дадли одна все это готовит? Спаржа более чем приемлема. Артур, пусть молодой человек положит вам спаржи.

— Дорогая. — Доктор с нежностью взглянул на жену. — Мы тут завели обыкновение отдыхать после ланча, и если ты…

— Нет, конечно. Мне слишком много всего надо успеть. Поговорить с твоей кухаркой, проследить, чтобы мою комнату проветрили, подготовить планшет к вечернему сеансу. Артуру надо почистить револьвер.

— Признак настоящего солдата, — сказал Артур. — Оружие всегда в порядке.

— Ты и молодежь, конечно, можете идти отдыхать. Возможно, ты не ощущаешь, как я, настоятельную потребность помочь несчастным душам, которые по-прежнему бродят здесь, не обретая упокоения; ты находишь глупым мое

сочувствие к ним, может быть, тебе даже смешно, когда я роняю слезу о несчастной одинокой душе, оставшейся без помощи и поддержки. Чистая любовь…

— Крокет? — поспешно спросил Люк. — Может, сыграем в крокет? — Он с энтузиазмом обвел взглядом собравшихся. — Бадминтон? Крокет?

— Подземные воды? — подсказала Теодора.

— Не люблю я этих затейливых соусов, — твердо заявил Артур. — Так всегда и говорю парням, что это — признак шалопута. — Он задумчиво взглянул на Люка. — Признак шалопута. Затейливые соуса, женская обслуга. Мои парни все сами делают. Признак мужчины, — сообщил он Теодоре.

— А чему еще вы их учите? — вежливо спросила та.

— Учу? В смысле, учат ли мои парни еще что-нибудь? Алгебру, там, латынь? Конечно. — Артур с довольным видом откинулся на стуле. — У меня на это учителя есть, я до такого не касаюсь.

— А много у вас учеников? — Теодора подалась вперед, учтивая, заинтересованная, развлекающая гостя светской беседой. Артур так и сиял; миссис Монтегю хмурилась и нетерпеливо постукивала пальцами.

— Сколько? Сколько… У нас отличная теннисная команда. — Он широко улыбнулся Теодоре. — Абсолютно первостатейная, так сказать. Не считая хлюпиков?

— Не считая хлюпиков, — кивнула Теодора.

— Теннис. Гольф. Бейсбол. Атлетика. Крикет. Небось не думали, что мы играем в крикет? Еще плавание и волейбол. Некоторые на все ходят, правда, — озабоченно добавил он. — Универсалы. Может, человек семьдесят набежит.

— Артур! — Миссис Монтегю больше не могла сдерживаться. — Не надо о работе. Не забывайте, что вы приехали сюда отдыхать.

— Да, это я дал маху. — Артур признательно улыбнулся. — Пойду оружие проверю.

— Два часа, — объявила миссис Дадли, появляясь на пороге. — Я убираю в два.

5

Теодора засмеялась, и Элинор, укрывшаяся в глубокой тени за летним флигелем, обеими руками зажала рот, чтобы не выдать себя случайным словом. Я должна выяснить, думала она, должна выяснить.

— Называется «Убийство семьи Граттанов», — говорил Люк. — Премилая вещица. Могу даже

спеть.

— Признак шалопута. — Теодора снова рассмеялась. — Бедный Люк. Я бы сказала «лоботряса».

— Если ты предпочла бы провести это время с Артуром…

— Разумеется, я предпочла бы провести время с Артуром. С образованным человеком всегда интересно.

— Крикет, — сказал Люк. — Небось не думала, что мы играем в крикет?

— Пой, пой, — засмеялась Теодора.

Люк запел, чуть гнусаво, отчетливо выделяя каждое слово:

Сперва девица Граттан
Ему преградила вход;
Ножом он ее зарезал,
Открыв кровавый счет.

Седую бабку Граттан
Потом негодяй убил;
Старуха с ним сражалась,
Пока хватало сил.

Папаша дряхлый Граттан
Посиживал в тепле;

К нему он подобрался
И удавил в петле.

В кроватке крошка Граттан
Спеленутый лежал;
Он ребрышки малютке
Смертельной хваткой сжал.

И жвачкою табачной
На трупик плюнул смачно.

Наступила короткая тишина, потом Теодора простонала:

— Очаровательно, Люк. Неземная красота. Теперь, слыша эту песню, я всегда буду вспоминать о тебе.

— Я собираюсь спеть ее Артуру, — сказал Люк.

Когда же они заговорят обо мне? — гадала Элинор. Через минуту Люк продолжил беспечно:

— Интересно, какая у доктора получится книга, когда он ее напишет? Как ты думаешь, про нас в ней будет?

— Тебя он выведет рьяным молодым исследователем парапсихологических феноменов, а меня — девушкой безгранично одаренной, но с сомнительной репутацией.

— Интересно, будет ли отдельная глава для

миссис Монтегю?

— И для Артура. И для миссис Дадли. Жаль, если он сведет нас к цифрам в таблице.

— Кажется, мне голову напекло, — сказал Люк. — Какой бы нелепый подвиг по этому поводу совершить?

— Попроси миссис Дадли приготовить нам лимонад.

— Знаешь, чего я хочу? — спросил Люк. — Отправиться в исследовательскую экспедицию. Давай пойдем по ручью в холмы и отыщем его истоки. Может, там озеро, и тогда мы искупаемся.

— Или водопад. Это такой ручей, на котором точно должны быть водопады.

— Тогда пошли.

Из-за флигеля Элинор слышала их смех и быстрые, удаляющиеся к дому шаги.

6

— А вот тут интересно написано, — объявил Артур тоном человека, которому очень хочется развлечь окружающих, — в этой книге. Как сделать свечи из обычных восковых мелков.

— Да, очень интересно, — устало отозвался доктор. — Извините, Артур, мне надо закончить записи.

— Конечно, доктор. У каждого своя работа. Закрываю рот.

Элинор, слушавшая из-за двери, различила, как Артур заерзал и заскрипел стулом, готовясь сидеть молча.

— Что-то здесь совершенно нечем себя занять, — сказал он. — Как вы обычно проводите время?

— Работаю, — коротко ответил доктор.

— Пишете про то, что происходит в доме?

— Да.

— И про меня тоже?

— Нет.

— Думается, вам надо включить наши записи с сеанса. Вы про что сейчас пишете?

— Артур. Не могли бы вы почитать или что-нибудь в таком духе?

— Конечно-конечно. У меня правило — никому не мешать.

Элинор слышала, как он взял книгу, положил, взял сигарету, чиркнул спичкой, снова поерзал и наконец спросил:

— Послушайте, а не надо чего-нибудь сделать? Где все?

Доктор ответил терпеливо, но равнодушно:

— Теодора и Люк, насколько я знаю, ушли

исследовать ручей. Остальные, наверное, где-нибудь в доме. Кстати, моя жена отправилась к миссис Дадли.

— Ясно. — Артур снова вздохнул. — Коли так, можно и почитать, — сказал он и через минуту начал снова: — Знаете, доктор, не хочется вас отвлекать, но вы только послушайте, что здесь написано…

7

— Нет, миссис Дадли. По моему глубокому убеждению, — сказала миссис Монтегю, — молодых людей разного пола нельзя селить вместе. Если бы мой муж посоветовался со мной, прежде чем затевать этот безумный выезд…

— А вот я всегда говорю, — это был голос миссис Дадли, и Элинор, прижавшаяся к двери, от удивления раскрыла рот в полудюйме от деревянной филенки, — что молодость бывает раз в жизни. Молодые развлекаются, в их годы это вполне естественно.

— Но жить под одной крышей…

— Да уж не такие они дети, понимают, что можно, чего нельзя. Хорошенькая мисс Теодора вполне способна о себе позаботиться, какой бы шалун ни был мистер Люк.

— Передайте мне полотенце, миссис Дадли, я протру серебро. Я считаю возмутительным, что нынешние дети так рано все узнают. Должны быть тайны, которые по праву принадлежат взрослым и до которых детям надо сперва дорасти.

— Тогда им несладко придется, прежде чем они все узнают на собственной шкуре. — Голос миссис Дадли журчал легко, свободно. — Эти помидоры Дадли сегодня утром снял в огороде. В нынешнем году они удались.

— Порезать?

— Ой, нет, нет. Садитесь и отдыхайте, вы уже и так сегодня натрудились. Я поставлю чайник и сделаю нам с вами чайку.

8

— Все пути ведут к свиданью. — Люк через комнату улыбнулся Элинор. — А синее платье на Тео правда твое? Я его прежде не видел.

— Я — Элинор, — издевательски вставила Теодора, — потому что у меня борода.

— Как ты предусмотрительно взяла одежду на двоих, — сказал Люк Элинор. — В моем старом джемпере Тео смотрелась бы куда хуже.

— Я — Элинор, — сказала Теодора, — потому

что я в синем. Мою любовь зовут на Э, и я люблю ее, потому что она эфемерная. Ее имя Элинор, и она живет эгоистическими мечтами.

Теодора вредничает, отстраненно подумала Элинор; она как будто смотрела на них издали и слышала их голоса. Теодора вредничает, а Люк пытается это смягчить, ему стыдно за себя, что он надо мной смеется, и за Теодору, потому что она вредничает.

— Люк, — сказала Теодора, косясь на Элинор, — иди сюда и спой мне еще раз.

— Не сейчас, — ответил Люк — ему явно было неловко. — Доктор уже расставил фигуры.

Он повернулся и отошел с чуть излишней поспешностью. Уязвленная Теодора откинулась в кресле и закрыла глаза, всем видом показывая, что не намерена разговаривать. Элинор сидела, глядя на свои пальцы, и вслушивалась в звуки дома. На втором этаже хлопнула, закрываясь, дверь; птица присела на башню и тут же снова вспорхнула. В кухне потрескивала, остывая, плита. Мелкий зверек — кролик? — пробирался через кусты у летнего флигеля. Элинор, со своим новым ощущением дома, различала даже, как медленно оседает пыль на чердаке и стареет дерево. Только библиотека была от нее закрыта, она не слышала

ни частого дыхания миссис Монтегю и Артура над планшетом, ни их взволнованных вопросов; не слышала, как ветшают книги и сыплется ржавчина с винтовой лестницы в башню. В будуаре Теодора раздраженно постукивала пальцами, а доктор с Люком переставляли шахматные фигуры. Потом в библиотеке с грохотом распахнулась дверь, и Элинор уловила резкий сердитый звук приближающихся шагов. В следующий миг все разом повернули голову — в будуар ворвалась миссис Монтегю.

— Я заявляю, — с напором выдохнула она, — я заявляю, что это возмутительно!

— Дорогая… — Доктор привстал, но миссис Монтегю сердито от него отмахнулась.

— Если бы ты соблюдал элементарные приличия… — начала она.

Артур, робко следовавший за ней, прошмыгнул к креслу у камина, а когда Теодора взглянула на него, предостерегающе мотнул головой.

— Элементарные приличия. В конце концов, Джон, я проделала немалый путь, и Артур тоже, чтобы тебе помочь, и никак не ожидала натолкнуться на такой цинизм и недоверие со стороны тебя и вот их. — Она указала на Элинор, Теодору и Люка. — Все, о чем я прошу, — это минимум

уважения и сочувствия к тому, что я пытаюсь сделать, а ты только фыркаешь и усмехаешься. — Тяжело дыша, раскрасневшаяся, миссис Монтегю затрясла пальцем у доктора перед носом. — Планшет, — сказала она, — не желает со мной сегодня говорить. Ни единого слова не получила я от планшета, а все из-за колкостей и ехидства; теперь планшет может не говорить со мной несколько недель, такое уже случалось, уверяю тебя, случалось после того, как скептики его высмеивали, и я, отправляясь сюда — из самых лучших побуждений, заметь! — и зная, что планшет может замолчать на несколько недель, рассчитывала если не на поддержку, то, по крайней мере, на чуточку уважения.

И она снова затрясла пальцем, временно исчерпав слова.

— Дорогая, — сказал доктор, — я уверен, что никто из нас не стал бы сознательно тебе мешать.

— А смешки и ухмылки? Нежелание верить, когда вам показывают собственные слова планшета? Наглость этих молодых людей?

— Миссис Монтегю, честное слово… — начал Люк, но миссис Монтегю прошла мимо него и уселась в кресле. Губы ее были вытянуты в нитку, глаза сверкали. Доктор попытался было загово-

рить, но умолк и, отвернувшись от жены, жестом пригласил Люка обратно за шахматный стол. Люк неуверенно подчинился. Артур, изогнувшись всем телом, тихо сообщил Теодоре:

— Никогда не видел ее такой расстроенной. Пренеприятное это дело, когда планшет не отвечает. Он очень обидчивый, так сказать. Чувствует атмосферу.

Сочтя, что удовлетворительно разъяснил ситуацию, Артур откинулся в кресле и робко улыбнулся.

Элинор почти не слушала. Кто-то расхаживает по комнате, думала она, Люк, наверное, и тихо разговаривает сам с собой — какой-то странный способ играть в шахматы. Мурлычет себе под нос? Напевает? Раз или два она почти разобрала обрывок слова, потом Люк тихо заговорил: он сидел за шахматным столом, где ему и надлежало быть. Элинор обернулась и посмотрела на пустую середину комнаты, где кто-то прохаживался, тихонько напевая, и тут она услышала отчетливо:

Выбегай гулять на волю,
Выбегай гулять на волю,
Выбегай гулять на волю,
Как в былые времена…

Да, я помню, подумала она, улыбаясь, вслушиваясь в тихую мелодию, ну конечно же, мы играли в эту игру.

— Просто дело в том, что это исключительно сложный и чувствительный прибор, — говорила миссис Монтегю Теодоре; она все еще сердилась, но уже заметно оттаяла от сочувственного Теодориного внимания. — Естественно, малейшее недоверие его оскорбляет. Вот вы как бы себя чувствовали, если бы люди отказывались в вас верить?

Прыгай в окна и обратно,
Прыгай в окна и обратно,
Прыгай в окна и обратно,
Как в былые времена…

Голос был звонкий, возможно детский, он пел нежно и тоненько, едва различимо; Элинор улыбнулась и вспомнила. Песенка звучала отчетливее, чем голос миссис Монтегю, продолжавшей вещать о планшете.

Выходи на встречу с милым,
Выходи на встречу с милым,
Выходи на встречу с милым,
Как в былые времена…

Песенка затихла, и Элинор почувствовала легкое колыхание воздуха от приближающихся шагов; что-то почти коснулось ее лица, может быть, тихий вздох у самой щеки. Она удивленно повернула голову. Люк и доктор склонились над шахматной доской, Артур доверительно нагнулся к Теодоре, миссис Монтегю по-прежнему говорила.

Никто из них этого не слышал, подумала Элинор радостно; никто не слышал, кроме меня.

Часть IX

1

Элинор притворила за собой дверь спальни — очень тихо, чтобы не разбудить Теодору, — и тут же подумала: она бы все равно не проснулась, она всегда так крепко спит. А я приучилась спать очень чутко, пока ухаживала за мамой, успокоила она себя. Темный коридор освещала лишь маленькая круглая лампа над лестницей, все двери были закрыты. Забавно, думала Элинор, бесшумно ступая босыми ногами по ковру, это единственный дом, где я не боюсь шуметь ночью, по крайней мере не боюсь выдать, что это я. Она проснулась с мыслью пойти в библиотеку, и разум тут же сочинил повод: мне не спится, объяснила она себе, я спущусь в библиотеку и возьму книгу. Если кто-нибудь спросит, куда я иду, я отвечу: в библиотеку, взять книгу, потому что мне не спится.

Было тепло уютной, дремотной теплотой. Элинор босиком сошла по лестнице к библиотечной двери и вдруг вспомнила: я же не могу туда войти, мне туда нельзя — и тут же отшатнулась от

тошнотворного запаха разложения. «Мама», — сказала она вслух. «Иди сюда», — отчетливо прозвучал голос со второго этажа, и Элинор порывисто обернулась. «Мама, — тихо позвала она, подходя к лестнице, — мама!» Сверху донесся мягкий смешок. Элинор, часто дыша, взбежала по ступенькам и остановилась на верхней площадке, оглядывая закрытые двери справа и слева.

— Ты где-то здесь, — сказала она, и по коридору пробежало тихое эхо, сбиваясь на шепот в незримых воздушных токах.

— Здесь, — повторило оно, — здесь.

Элинор со смехом пробежала на звук к двери детской; холодное пятно исчезло, и она улыбнулась смеющимся лицам, которые смотрели на нее со стены.

— Ты здесь? — зашептала она перед дверью. — Ты здесь? — И замолотила кулаками изо всех сил.

— Да? — Это был голос миссис Монтегю, еще не до конца проснувшейся. — Да? Заходи, кто бы ты ни был.

Нет, нет, подумала Элинор, обнимая себя за плечи и беззвучно смеясь: не здесь, не с миссис Монтегю, — и она скользнула по коридору, слыша, как миссис Монтегю кричит вслед:

— Я твой друг, я желаю тебе добра! Зайти и скажи мне, что тебя тревожит.

Она не откроет дверь, мудро подумала Элинор, она не боится, но дверь не откроет, — и застучала, замолотила в дверь к Артуру, из-за которой почти сразу донеслось его сонное: «Что?»

Танцуя по мягкому ковру, она добежала до двери, за которой спала Теодора; вероломная Теодора, подумала Элинор, злая насмешница Теодора, проснись, проснись, проснись, — и заколотила, захлопала по двери, засмеялась, дергая дверную ручку. Через минуту она уже стучала к Люку: проснись, проснись и будь вероломным. Никто из них не откроет, думала она, все будут сидеть внутри, прижимая к груди одеяло, и ждать, дрожа, что будет дальше; проснитесь, думала она, молотя в дверь к доктору, ну-ка посмейте выглянуть наружу и увидеть, как я танцую в коридоре Хилл-хауса.

И тут Теодора напугала ее воплем:

— Нелл! Нелл! Доктор, Люк, Нелл пропала!

Бедный дом, подумала Элинор, я забыла про Элинор, теперь они все распахнут двери, — и она опрометью кинулась по лестнице, слыша позади встревоженный голос доктора и крики Теодоры: «Нелл! Нелл!» Какие же они все дураки,

подумала она, теперь мне один путь — в библиотеку. «Мама, мама, — прошептала она, замирая перед библиотечной дверью, — мама». Со второго этажа доносился разговор. Забавно, подумала Элинор, я слышу весь дом, вот миссис Монтегю возражает, теперь Артур. Потом голос доктора произнес отчетливо:

— Ее надо найти. Прошу всех поторопиться.

Я тоже могу поторопиться, подумала Элинор и пробежала через вестибюль в будуар, где угольки в камине подмигнули ей, когда она открыла дверь. Шахматные фигуры стояли так же, как оставили их доктор и Люк. Шарфик, который был днем на Теодоре, валялся на спинке ее кресла. С этим я тоже разберусь, подумала Элинор, с жалкой стародевичьей попыткой себя украсить, — и, зажав край шарфика в зубах, потянула, разрывая ткань, а потом бросила, потому что сзади на лестнице раздался топот. Они спускались, всем скопом, объясняя друг другу, где искать в первую очередь, и время от времени окликали: «Элинор! Нелл!»

«Идешь? Идешь?» — прозвучало откуда-то еще, и она услышала, как содрогается лестница под их ногами, а на лужайке перед домом шебуршит сверчок.

Беспечно, бесстрашно она пробежала по коридору и глянула на них в приоткрытую дверь. Они двигались все вместе, стараясь держаться ближе друг к другу, а фонарик доктора обшаривал вестибюль. Наконец луч света остановился на входной двери: она была открыта. Тогда с криками «Элинор! Элинор!» все побежали через вестибюль и наружу; там они продолжали ее звать, оглядываться, а луч фонарика деловито скользил по деревьям и траве.

Элинор повисла на двери и хохотала до слез; какие они глупые, думала она, мы так легко их провели. Они такие неповоротливые, такие глухие, такие тяжелые, они ходят по дому, топают, везде заглядывают, все лапают руками. Она пробежала через вестибюль и бильярдную в столовую, а оттуда в кухню с ее дверьми. Здесь хорошо, подумала Элинор, когда я их услышу, я смогу убежать в любую сторону. Когда они ввалились обратно, выкликая ее имя, она выскользнула на террасу в прохладную ночь и замерла, припав спиной к двери. Туман Хилл-хауса легкими струями завивался у щиколоток. Она посмотрела на тяжелые холмы, обступившие дом, и подумала: как же хорошо Хилл-хаусу под их защитой, в теплой уютной ямке.

— Элинор!

Они были очень близко, и она пробежала по террасе в гостиную; «Хью Крейн, — сказала она, — позвольте вас на танец?» — и сделала реверанс перед огромной нависающей фигурой. В глазах Хью Крейна вспыхнул свет, отблески легли на статуэтки и золоченые стулья. Элинор важно танцевала перед каменным хозяином дома, а тот смотрел на нее и сиял. «Прыгай в окна и обратно», — и протанцевала на террасу и вокруг дома. Круг за кругом, круг за кругом, думала она, и никто из них меня не видит. Она на бегу тронула кухонную дверь, и за шесть миль(*) отсюда миссис Дадли вздрогнула во сне. Элинор протанцевала к башне, прочно стиснутой в объятиях дома, в мертвой хватке дома, и медленно прошла мимо серой каменной стены, памятуя запрет трогать ее даже снаружи. Затем повернулась и встала перед входной дверью, уже закрытой, протянула руку, толкнула — и дверь открылась без малейшего усилия. Вот я вступаю в Хилл-хаус, сказала себе Элинор и вошла как в собственный дом. «Вот и я, — сказала она вслух. — Я обошла дом, я прыгала в окна и обратно, я танцевала…»

(*) Примечания: *

6 миль ≈ 9,6 км

— Элинор!

Это был голос Люка, и она подумала: уж если меня поймают, то пусть хотя бы не Люк; не дай им меня поймать, взмолилась она мысленно и опрометью вбежала в библиотеку.

Вот я и здесь, подумала Элинор, внутри. И никакого холода, только чудесное, ласковое тепло. В слабом свете различалась металлическая лестница, виток за витком уходящая ввысь башни, и дверца наверху. Каменный пол ластился к ногам, терся о ступни, теплый воздух гладил Элинор, перебирал ее волосы, плыл сквозь пальцы, легким дыханием касался губ, и она танцевала кругами. Не надо мне ни львов, думала она, ни олеандров, я разрушила чары Хилл-хауса и вошла внутрь. Я дома, подумала Элинор, и замерла, дивясь своей мысли. Я дома, я дома — а теперь вверх.

Подъем по узкой металлической лестнице пьянил — выше и выше, виток за витком, глядя вниз, цепляясь за узкие железные перила, глядя далеко-далеко вниз на каменный пол. Карабкаясь, глядя вниз, она думала о мягкой зеленой траве, о холмах, о деревьях с густой кроной, поднимала глаза и думала о том, что башня Хилл-хауса торжествующе высится над холмами, над дорогой, вьющейся через Хиллсдейл, мимо белого домика

в цветах, мимо волшебных олеандров, мимо каменных львов далеко-далеко к крошечной старушке, которая обещала за нее молиться. Время остановилось, подумала Элинор, все ушло и теперь позади, а бедная старушка по-прежнему обо мне молится.

— Элинор!

Целую минуту она не могла сообразить, где видела раньше этих людей (у себя в доме с каменными львами за ужином при свечах? Или в ресторане над звенящим ручьем? Может быть, кто-то из них мчался с холма под плещущим стягом? А кто-то бежал рядом с нею в темноте? — и тут она вспомнила, так что все разом заняли свои места), — и застыла в неуверенности, вцепившись в поручень. Они были такие маленькие, такие беспомощные и бесполезные; они стояли далеко внизу на каменном полу и указывали на нее пальцами, окликали ее требовательными, далекими голосами.

— Люк, — сказала Элинор, припоминая. Они явно ее слышали, потому что разом умолкли, когда она заговорила. — Доктор Монтегю. Миссис Монтегю. Артур.

Как зовут девушку, которая стояла молча, в стороне от других, она вспомнить не смогла.

— Элинор, — позвал доктор Монтегю, — повернитесь очень осторожно и начинайте медленно спускаться. Идите очень, очень медленно, Элинор, и обязательно держитесь за перила. А теперь поворачивайтесь и начинайте спуск.

— Что эта особа вытворяет? — требовательно вопросила миссис Монтегю. Волосы у нее были в папильотках,[18] перед халата украшал китайский дракон. — Пусть немедленно спустится, чтобы мы могли вернуться в постель. Артур, скажите ей, чтобы немедленно спустилась.

— Эй! — начал Артур.

Люк шагнул к лестнице и начал подниматься вверх.

— Бога ради, осторожнее, — сказал доктор. — Тут все заржавело, лестница еле держится.

— Двоих она не выдержит, — объявила миссис Монтегю. — Вы обрушите ее нам на голову. Артур, отойдите к двери.

— Элинор, — позвал доктор, — вы можете повернуться и медленно начать спуск?

Над ней была только дверца в башенку; Элинор толкнула ее, но дверца не поддалась. Она в

---

[18] Примечания: 18

Папильо́тка (*франц.* papillote) — небольшой жгут ткани или бумаги, на который до изобретения бигуди накручивали прядь волос для их завивки.

отчаянии замолотила кулаками, лихорадочно думая: откройся, откройся, иначе меня поймают, — потом глянула вниз, на Люка, который упорно поднимался виток за витком.

— Элинор, — сказал он, — стой смирно. Не двигайся.

В голосе звучал страх.

Мне не выбраться, подумала она и, поглядев вниз, отчетливо увидела лицо, а следом в памяти всплыло имя.

— Теодора, — сказала она.

— Нелл, делай, как тебе говорят. Пожалуйста.

— Теодора, я не могу выбраться. Дверь заколотили гвоздями.

— Вот и хорошо, что заколотили, — сказал Люк. — Твое счастье, детка. Стой, не шевелись.

Медленно преодолевая ступеньку за ступенькой, он уже почти добрался до площадки.

— Стой, не шевелись, Элинор, — сказал доктор.

— Нелл, — взмолилась Теодора. — Делай, что тебе говорят, пожалуйста.

— Зачем? — Элинор поглядела вниз и увидела всю головокружительную высоту башни, лестницу, шатающуюся под Люком, далекие, бледные, сосредоточенные лица, холодный каменный пол.

— Как мне спуститься? — жалобно спросила она. — Доктор, как мне спуститься?

— Идите очень медленно, — ответил доктор. — Делайте, что скажет Люк.

— Нелл, — крикнула Теодора, — не бойся. Все будет хорошо.

— Конечно, все будет хорошо, — мрачно произнес Люк. — Наверное, дело обойдется одной сломанной шеей — моей. Держись, Нелл, я поднимаюсь на площадку. Ты должна меня пропустить, чтобы потом спускаться первой. — Он совсем не запыхался, несмотря на подъем, но рука, которой он ухватился за поручень, дрожала, а лицо было мокрым от пота. — Ну, давай, — скомандовал Люк.

Элинор не двинулась.

— Последний раз, когда ты сказал мне идти вперед, ты за мной не пошел.

— Возможно, я просто сброшу тебя вниз, — сказал Люк. — И посмотрю, как ты разобьешься о каменный пол. А теперь возьми себя в руки и давай медленно мимо меня, на лестницу. И молись, — яростно добавил он, — чтобы я поборол искушение толкнуть тебя в спину.

Элинор покорно отошла от перил и притиснулась к жесткой каменной стене, пропуская Люка

на свое место.

— Давай, — сказал он. — Я пойду сразу за тобой.

Металлическая лестница стонала и раскачивалась при каждом шаге. Элинор спускалась осторожно, нащупывая ногами ступеньки. Она стискивала перила и смотрела на свою руку, белую от напряжения, на босые ноги, делающие шажок за шажком, но только не вниз, на каменный пол. Спускайся очень медленно, говорила она себе, не думай ни о чем, кроме ступенек, которые как будто гнутся и вот-вот проломятся под ногами, иди вниз очень-очень-очень медленно.

— Так, хорошо, — сказал за спиной Люк. — Спокойно, Нелл, бояться нечего, мы уже почти добрались.

Внизу Теодора и доктор непроизвольно протянули руки, словно хотели подхватить ее, если упадет, а когда Элинор оступилась и перила задрожали под ее рукой, Теодора ахнула и метнулась поддержать лестницу.

— Все хорошо, моя Нелли, — повторяла она снова и снова. — Все хорошо.

— Еще чуточку, — сказал доктор.

Медленно-медленно Элинор преодолевала ступеньку за ступенькой и наконец, почти не

веря, что спуск и правда позади, ощутила ногами каменный пол. За спиною у нее лестница закачалась и залязгала: Люк прыгнул через последние ступени, твердой походкой прошел через библиотеку, рухнул в кресло и замер с опущенной головой, все еще дрожа. Элинор поглядела на бесконечно высокую, маленькую-премаленькую площадку, где только что стояла, на шаткую лестницу, погнутую от времени, и сказала тоненько:

— Я бежала. Я бежала всю дорогу до верха.

Миссис Монтегю решительно выступила из дверного проема, где они с Артуром укрылись на случай падения лестницы.

— Кто-нибудь согласен со мной, — наилюбезнейшим голосом спросила она, — что на сегодня эта девица доставила нам более чем достаточно хлопот? Я лично намерена сейчас же вернуться в постель, и Артур тоже.

— Хилл-хаус… — начал доктор.

— Я глубоко убеждена, что эта дикая выходка лишила нас возможности наблюдать сегодня какие-либо сверхъестественные феномены. Вряд ли наши дорогие друзья из иного мира захотят показаться после такого нелепого спектакля, поэтому если все меня извинят и если вы закончили привлекать к себе внимание и будить занятых

людей, то я желаю всем доброй ночи. Артур.

Миссис Монтегю удалилась, подрагивая от возмущения и гордо неся на животе вздыбленного дракона.

— Люк испугался, — сказала Элинор, глядя на доктора и Теодору.

— Люк безусловно испугался, — подтвердил тот у нее за спиной. — Люк так перетрусил, что еле спустился вниз. Нелл, ты безмозглая идиотка.

— Я склонен согласиться с Люком.

Доктор говорил сердито, и Элинор, отведя взгляд, посмотрела на Теодору, которая сказала:

— Надо понимать, это ты тоже была должна?

— Со мною все хорошо. — Смотреть на них больше не было сил. Элинор опустила глаза, с удивлением взглянула на свои босые ноги: только сейчас она осознала, что они, не чувствуя ступеней, преодолели всю высоту лестницы. Минуту она задумчиво смотрела на них, потом вскинула голову и сказала: — Я зашла в библиотеку взять книгу.

2

Это было ужасно, унизительно. За завтраком ночное происшествие не обсуждали, Элинор получила кофе, яйцо и булочку, как все остальные.

Ей позволили вместе со всеми посидеть за кофе и обсудить, что сегодня будет погожий день: она уже почти готова была верить, будто ничего не случилось. Люк передал ей джем, Теодора улыбалась из-за Артуровой головы, доктор пожелал доброго утра. Затем, когда в десять вошла миссис Монтегю, все молча, цепочкой прошествовали в будуар, и доктор занял свою лекторскую позицию у камина. На Теодоре был красный свитер Элинор.

— Люк подгонит к крыльцу вашу машину, — мягко сказал доктор. Несмотря на смысл слов, глядел он по-прежнему дружески и участливо. — Теодора поднимется наверх и уложит ваши вещи.

Элинор хихикнула.

— Это невозможно. Ей тогда нечего будет надеть.

— Нелл… — начала Теодора и поглядела на миссис Монтегю.

Та пожала плечами и сказала:

— Я осмотрела комнату. Естественно. Не понимаю, почему никто из вас этого не сделал.

— Я собирался, — начал оправдываться доктор. — Но я думал…

— Ты все время думаешь, Джон, в этом твоя беда.

Естественно, я немедленно осмотрела комнату.

— Комнату Теодоры? — переспросил Люк. — Не хотел бы я снова туда войти.

— Не понимаю почему, — удивленно ответила миссис Монтегю. — Там все полном порядке.

— Я зашла и поглядела на мою одежду, — сказала Теодора доктору. — Она такая же, как была до…

— Естественно, там надо протереть пыль, потому что вы заперли дверь и миссис Дадли не могла…

Доктор повысил голос, перекрикивая жену:

— …бесконечно жаль. Если я чем-нибудь смогу вам…

Элинор рассмеялась.

— Но я не могу уехать, — сказала она, гадая, как подыскать слова для объяснения.

— Вы достаточно долго здесь пробыли, — произнес доктор.

Теодора посмотрела на нее в упор.

— Мне больше не нужна твоя одежда, — терпеливо растолковала она. — Ты не слышала, что сказала миссис Монтегю? Мне больше не нужна твоя одежда, а даже была бы нужна, я бы как-нибудь обошлась. Нелл, тебе надо отсюда уехать.

— Но я не могу, — ответила Элинор, смеясь

оттого, что это настолько невозможно объяснить словами.

— Сударыня, — торжественно объявил Люк, — мое гостеприимство на вас больше не распространяется.

— Может быть, лучше ее отвезет Артур? Артур позаботится, чтобы она добралась благополучно.

— Добралась куда? — Элинор тряхнула головой и почувствовала, как ее прекрасные густые волосы касаются щек. — Добралась куда? — счастливо повторила она.

— Домой, конечно, — ответил доктор, а Теодора добавила: — К себе домой, Нелл, в свою квартирку, где все твои вещи, — и Элинор рассмеялась.

— У меня нет никакой квартирки, — сказала она Теодоре. — Я ее выдумала. Я сплю на раскладушке у сестры, в детской. Мне совершенно некуда ехать. И я не могу вернуться к сестре, потому что угнала ее машину. — Она рассмеялась, слыша каждое свое слово, такое нелепое и жалобное. — У меня нет дома, — продолжала она, глядя на них с надеждой. — Нет дома. Все мое имущество — в коробке на заднем сиденье автомобиля. Там несколько книг, мои детские вещи и часы, которые я получила от мамы. Так что вам некуда меня отправить.

Конечно, я могу просто ехать и ехать, хотела сказать она, глядя в их испуганные, напряженные лица, просто ехать и ехать, оставив свою одежду Теодоре, я могу пуститься в бездомные скитания и всегда буду возвращаться сюда. Проще сразу оставить меня здесь, хотела объяснить она, проще, разумнее и лучше.

— Я хочу остаться здесь, — сказала она.

— Я уже говорила с вашей сестрой, — важно сообщила миссис Монтегю. — Должна признать, она первым делом спросила про машину. Вульгарная особа. Я ответила, что все в порядке. Ты очень нехорошо поступил, Джон, что разрешил ей угнать машину и приехать сюда.

— Дорогая… — Доктор Монтегю, не найдясь, что сказать, беспомощно развел руками.

— Так или иначе, ее ждут. Сестра говорила со мной очень недовольно, потому что собиралась сегодня уезжать на отдых, хотя какие у нее могут быть претензии ко мне… — Миссис Монтегю сердито взглянула на Элинор. — Думаю, кто-то должен передать ее родным с рук на руки.

Доктор покачал головой.

— Не стоит никому с ней ехать, — медленно произнес он. — Это было бы ошибкой. Элинор надо как можно скорее забыть про этот дом, а

присутствие кого-нибудь из нас будет вызывать ненужные ассоциации. Отъехав отсюда, она вновь станет собой. Вы ведь сумеете найти дорогу? — спросил он, и Элинор рассмеялась.

— Я пойду сложу вещи, — сказала Теодора. — Люк, подгони машину к крыльцу, там всего один чемодан.

— Замурованная живьем. — Элинор вновь расхохоталась прямо в их каменные лица. — Замурованная живьем, — повторила она. — Я хочу остаться здесь.

3

Они выстроились на ступенях шеренгой, обороняя дверь. Над их головами Элинор видела смотрящие на нее окна, сбоку уверенно ждала башня. Элинор заплакала бы, если бы придумала, как объяснить им из-за чего; вместо этого она только скорбно улыбнулась дому, глядя на свое окно и спокойный, радостный лик дома. Он ждет, подумала она, ждет меня, никто другой его не устроит.

— Дом хочет, чтобы я осталась, — сказала она доктору, и тот изумленно вытаращил глаза. Доктор стоял спиной к входу, в напряженной позе, с достоинством, словно ожидал, что Элинор

предпочтет его дому, словно, приведя ее сюда, рассчитывал отправить назад простым повторением инструкций в обратном порядке. Элинор сказала, честно глядя ему в глаза: — Честное слово, мне очень жаль.

— Доедете до Хиллсдейла.

Доктор говорил бесстрастно, возможно, боялся сказать лишнего или думал, что доброе либо сочувственное слово срикошетит и заставит ее вернуться обратно. Солнце озаряло холмы, дом, сад, лужайку, деревья и ручей; Элинор набрала в грудь воздуха и оглядела это все.

— Из Хиллсдейла повернете на шоссе номер пять к востоку, дальше от Эштона по шоссе номер тридцать девять до самого дома. Ради вашей безопасности, — добавил он внушительно, — ради вашей безопасности; поверьте, если бы я это предвидел…

— Мне правда очень жаль, — сказала она.

— Вы же понимаете, мы не можем рисковать. Я только сейчас вижу, какой опасности вас всех подверг. Итак… — Доктор вздохнул и покачал головой. — Запомнили? До Хиллсдейла, а дальше по шоссе номер пять…

— Послушайте. — С минуту Элинор молчала, гадая, как же им все растолковать. — Я не бо-

юсь, — произнесла она наконец. — Правда не боюсь. Мне хорошо. Я была… счастлива. — Она с жаром взглянула на доктора и повторила: — Счастлива. Не знаю, что сказать. — Она снова испугалась, что расплачется. — Я не хочу уезжать отсюда.

— Это может повториться, — сурово ответил доктор. — Вы понимаете, что мы не вправе идти на такой риск?

Элинор дрогнула.

— Обо мне молятся, — сказала она ни к селу, ни к городу. — Одна старушка, с которой я познакомилась давным-давно.

Доктор нетерпеливо притопнул ногой, однако его голос сохранял спокойствие:

— Вы скоро все забудете. Вам надо забыть Хилл-хаус, забыть полностью. Мне не следовало вас сюда приглашать.

— Сколько мы здесь пробыли? — внезапно спросила Элинор.

— Чуть больше недели. А что?

— Первый раз в жизни со мной что-то происходило. Мне понравилось.

— Вот поэтому-то, — сказал доктор, — вы отсюда и уезжаете так спешно.

Элинор закрыла глаза и вздохнула, чувствуя,

слыша и обоняя дом: цветущие кусты за кухней источали сладкий аромат, вода в ручье искрилась на камнях. Далеко наверху, возможно в детской, миниатюрный смерч пронесся над полом, вздымая пыль. В библиотеке подрагивала металлическая лестница, и свет блестел в мраморных глазах Хью Крейна, желтая Теодорина блузка висела в шкафу — чистая и немятая, миссис Дадли накрывала на стол для пятерых. Хилл-хаус наблюдал, заносчивый и высокомерный.

— Я не уеду, — сказала Элинор высоким окнам.

— Вы уедете. — В голосе доктора наконец прорвалось нетерпение. — Прямо сейчас.

Элинор со смехом повернулась и протянула руку.

— Люк, — сказала она, и он молча шагнул к ней. — Спасибо, что помог мне вчера спуститься. Я теперь понимаю, что не должна была туда лезть. А ты поступил очень храбро.

— Точно, — ответил Люк. — Это был величайший подвиг в моей жизни. И я рад, что ты уезжаешь, Нелл, потому что второй раз я туда не заберусь.

— Мне кажется, — сказала миссис Монтегю, — вам надо поспешить. Я не против прощаний, хоть и считаю, что вы придаете этому месту излишнее

значение, но у нас есть дела поважнее, чем стоять тут и спорить, когда все прекрасно понимают, что вам надо ехать. Дорога неблизкая, и вы задерживаете сестру с выездом в отпуск.

— Долгие проводы — лишние слезы, — кивнул Артур.

Далеко, в будуаре, с легким шорохом осыпался в камине пепел.

— Джон, — сказала миссис Монтегю, — может быть, все-таки лучше, если Артур…

— Нет, — твердо ответил доктор. — Элинор поедет сама, как приехала.

— А кого мне благодарить за чудесно проведенное время? — спросила Элинор.

Доктор взял ее под руку, подвел к машине и открыл дверцу. Люк следовал в полушаге за ними. Чемодан стоял на полу, коробка по-прежнему лежала на заднем сиденье, плащ и бумажник — на переднем пассажирском; Люк не стал глушить мотор.

— Доктор, — умоляла Элинор, цепляясь за него, — доктор.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Всего доброго.

— Поосторожнее за рулем, — вежливо напутствовал ее Люк.

— Вы не можете так просто меня прогнать! — почти что выкрикнула Элинор. — Вы меня сюда позвали!

— И я отсылаю вас прочь, — ответил доктор. — Мы не забудем вас, Элинор, однако сейчас важно одно: чтобы вы поскорее забыли Хилл-хаус и всех нас. Всего доброго.

— Всего доброго! — твердо сказала миссис Монтегю со ступеней, и Артур подхватил:

— Всего доброго! Счастливого пути!

Тогда Элинор, держась рукой за дверцу, замерла и обернулась.

— Тео? — вопросительно проговорила она, и Теодора сбежала к ней со ступенек.

— Я думала, ты со мною не попрощаешься… Ой, Нелли, моя Нелл, будь счастлива, пожалуйста, будь счастлива. Не забывай меня совсем, когда-нибудь все снова станет хорошо, и тогда ты будешь писать мне письма, а я буду тебе отвечать, мы приедем друг к другу в гости и станем со смехом вспоминать все то, что видели и слышали в Хилл-хаусе… Ой, Нелли, я думала, ты со мной не попрощаешься…

— До свидания, — сказала ей Элинор.

— Нелли, — робко проговорила Теодора и тронула ее щеку, — послушай… может, может, мы

как-нибудь еще встретимся? И устроим пикник у ручья? Мы ведь так и не устроили пикник, — объяснила она доктору, а тот, глядя на Элинор, только покачал головой.

— До свидания, миссис Монтегю, — сказала Элинор. — До свидания, Артур. До свидания, доктор. Я надеюсь, ваша книга будет иметь успех. Люк, — сказала она, — до свидания.

— Нелл, береги себя, — попросила Теодора.

— До свидания.

Элинор села в автомобиль, который показался ей каким-то неудобным и непривычным. Я слишком привыкла к уюту Хилл-хауса, подумала она и напомнила себе, что надо помахать в окошко.

— До свиданья! — крикнула Элинор, гадая, есть ли еще для нее другие слова. — До свиданья, до свиданья!

Она неловко — руки все никак не могли уверенно взяться за руль — отпустила сцепление и тронулась с места.

Они послушно махали в ответ, провожая ее глазами. Они будут так стоять, пока я не скроюсь из вида, подумала Элинор, потому что так требует вежливость; и вот я еду. Все пути ведут к свиданью. Но я не уеду, рассмеялась она вслух, Хилл-хаус не так прост, как они; меня нельзя

прогнать, просто сказав «катись», если Хилл-хаус хочет, чтоб я осталась. «Уезжай, Элинор, — пропела она. — Уезжай, Элинор, ты нам больше не нужна в нашем Хилл-хаусе, уезжай, Элинор, ты не можешь остаться. А вот и могу, — пела она, — могу, могу, не вы тут командуете. Им меня не выставить, не обсмеять, не спрятаться от меня, не запереться; я не уеду, и Хилл-хаус — мой».

Радуясь своей внезапной сообразительности, Элинор сильно вдавила педаль газа; они меня не догонят, даже если побегут со всех ног, подумала она, но сейчас-то до них начнет доходить; интересно, кто первый заметит? Наверняка Люк. Теперь я слышу, как они мне кричат, и еще я слышу быстрый топоток в коридоре и тихий звук сжимающих кольцо холмов. Я правда это делаю, думала она, направляя машину прямо в большое дерево на повороте дороге, я правда это делаю, совсем сама наконец-то; это я, и я правда-правда-правда делаю это совсем сама.

В бесконечную, сокрушительную секунду перед тем, как автомобиль врезался в дерево, она подумала отчетливо: Зачем? Зачем я это делаю? Почему никто меня не остановит?

4

Миссис Сандерсон с огромным облегчением узнала, что доктор Монтегю и его гости уехали из Хилл-хауса. «Я бы сама их выставила, — сказала она семейному адвокату, — вырази они желание остаться». Неожиданно раннее возвращение Теодоры было встречено в ее квартирке с восторгом; обида давно забылась, осталось только раскаяние. Люк укатил в Париж, и его тетушка горячо надеялась, что он там задержится. Доктор Монтегю отошел от активных научных изысканий после того, как его предварительную статью о парапсихологических феноменах в Хилл-хаусе встретили прохладно, чтобы не сказать пренебрежительно. Сам Хилл-хаус, недремлющий, безумный, по-прежнему стоял на отшибе среди холмов, заключая в себе тьму; он стоял здесь восемьдесят лет и вполне мог простоять еще столько же. Его кирпичи плотно прилегали один к другому, доски не скрипели, полы не гнулись, двери не хлопали; на лестницах и в галереях Хилл-хауса лежала незыблемая тишь, и то, что обитало внутри, обитало там в одиночестве.